

Эрнесто Че Гевара Эпизоды революционной борьбы Конго

Посвящается Бахазе и всем павшим товарищам, искавшим путь самопожертвования

1. Предварительные замечания

Это история провала. Опускаясь до анекдотических подробностей, сопровождавших военные эпизоды, она так же уделяет внимание наблюдениям и критическим замечаниям, поскольку, как я считаю, единственной ценностью этой истории является опыт, который послужит хорошим уроком другим революционным движениям. Победа является отличным источником положительного опыта, однако и поражение, учитывая те чрезвычайные обстоятельства, окружавшие кампанию, даёт его; и бойцы, и связные являлись иностранцами, рискующими своими жизнями на неизвестной им территории, не знающими местного языка, и связанными между собой лишь узами интернационализма; именно так было положено начало методу, до этого не использующемуся в освободительных войнах.

Закрывает повествование эпилог, в котором я рассматриваю вопросы борьбы в Африке, и, в целом, национально-освободительной борьбы против неокOLONиализма, являющегося наиболее устрашающей формой угнетения за счёт изысканной маскировки и многолетнего опыта эксплуатации, который имеют силы, поддерживающие его.

Эти военные записки будут опубликованы спустя достаточное количество времени с момента их написания, и, возможно, автор уже не будет в состоянии ответить за то, что он здесь надиктовал. Время сгладит края, и, если станут известны какие-то важные подробности, издатели вполне могут вносить свои коррективы, дабы прояснить читателю характер тех или иных событий или мнений в свете нового времени.

Правильней будет сказать, что это история о разложении. Когда мы прибыли на конголезскую территорию, местная Революция вступила в фазу стагнации, а затем произошёл ряд эпизодов, которые повлекли окончательный её упадок, по крайней мере, в данный момент и на данном огромном поле битвы, в которое превратилось Конго. Самое интересное здесь не в истории деградации конголезской Революции, причины и характеристики которой слишком глубоки для того, чтобы охватить их в моём коротком повествовании; но процесс разложения нашего боевого духа, поскольку мы пришли к заключению, что наш опыт не должен пропасть впустую, и инициатива Интернациональной Пролетарской Армии не должна умереть перед лицом первой неудачи. Необходимо тщательно проанализировать проблемы и найти способ их разрешения. К примеру, хороший инструктор на поле битвы делает больше для революции, нежели в мирное время, когда он обучает массу новобранцев, но личностные черты этого инструктора, являющегося катализатором формирования будущих технических кадров революции, должны быть хорошо изучены.

Идея, которой мы руководствовались, заключалась в борьбе вместе с местными новобранцами испытанных в боях за освобождение (а потом и против кубинской реакции), людей, что должно было, логически, спровоцировать «кубанизацию» конголезцев. Очевидно, что эффект был диаметрально противоположным, поскольку с течением времени произошла «конголезация» кубинцев. «Конголезацией» я называю набор привычек и действий, которые характеризуют конголезских солдат на данном этапе борьбы; суть не в унижении конголезского народа, а лишь в классификации современных конголезских революционных бойцов. Причины, по которым эти бойцы имеют столь негативное реноме, я попытаюсь объяснить в ходе повествования.

Как правило, я всегда следовал правилу говорить здесь только правду, по крайней мере, излагать свою интерпретацию фактов, но даже эта точка зрения может столкнуться с другими субъективными оценками или корректировками, в случае если допущены ошибки в изложении произошедших событий.

В некоторые моменты, когда правда становится неудобной или ненужной, я просто опускаю её, поскольку есть вещи, которые противник знать не должен, но которые могут помочь нашим друзьям в реорганизации борьбы в Конго (или любой другой стране в Африке). Среди таких опущенных фактов, находятся методы и пути, которыми мы достигли Танзании, этого трамплина для выхода нашей группы на арену истории.

Имена конголезцев, перечисленные здесь, реальны, однако практически все члены нашего отряда получили псевдонимы на языке суахили как только мы прибыли на конголезскую территорию. Подлинные имена кубинских товарищей указаны в прилагаемом списке, если конечно редакторы сочтут нужным его публикацию. Следует наконец отметить, что, если придерживаться строгой истины и того значения, которое она может иметь для будущих освободительных движений, то я указал здесь несколько эпизодов трусости отдельных бойцов и целых групп, а так же подчеркнул общую деморализацию, воцарившуюся в наших рядах с течением времени. Эта повесть не имеет ничего общего с героическим эпосом, героизм здесь заключается лишь в участии в нашей судьбе Правительства и кубинского народа. Наша страна, являющаяся одиноким бастионом социализма на Американском континенте, посылает своих солдат сражаться и умирать на чужбине, на далёкий континент, и публично признаёт полную ответственность за свои действия; в этом вызове, в этой открытой защите своих позиций перед лицом главной проблемы нашей эпохи, которая находит своё выражение в беспощадной борьбе против империализма янки – вот подлинный героизм нашей кампании в Конго.

Именно здесь мы можем увидеть состояние кубинского народа и его руководителей, которые не только защищаются, но и нападают. Потому что, обращаясь к империализму янки, не стоит рассчитывать только на оборону; необходимо атаковать его базы поддержки на колониальных и неоколониальных территориях, которые являются форпостами, обеспечивающей его мировое господство.

2. Первый акт

В историях подобного типа трудно найти место, с которого следовало бы начинать, первый акт. Для удобства повествования, я рассматриваю в этом контексте свои поездки, которые осуществил по африканской территории, и в ходе которых я имел возможность встретиться со многими лидерами различных освободительных движений. Особенно знаменательным стал визит в Дар-эс-Салам, в эту резиденцию «Борцов за Свободу»¹, которые в основном живут в комфортабельных отелях, превратив своё революционное дело в настоящую профессию, иногда очень выгодную и удобную. В этой атмосфере они обращались ко мне за помощью в прохождении военной подготовки на Кубе или кланчили денег. Это был лейтмотив практически всех их просьб.

Здесь я так же познакомился с конголезскими бойцами. С первой же встречи я обнаружил экстраординарное количество тенденций и различных мнений, которые высказывали лидеры конголезской Революции. Я вступил в контакт с Кабилой² и его Генеральным Штабом, произведя на них отличное впечатление. Он сообщил, что только что вернулся из Конго. Кажется, он приехал из Кигомы, городка близ озера Танганьика, одного из ключевых пунктов этой истории, служившим воротами в Конго, а так же тыловой базой с комфортабельными условиями жизни, где революционеры отдыхали от насыщенной жизни в горах по ту сторону озера.

Позиция Кабилы была ясной, конкретной и чёткой: он позволил догадаться о своей оппозиционности к Гбенье³ и Канза⁴, и о некоторых договорённостях с Сумиало⁵. Его тезис гласил, что ни первый, ни второй не имеют права говорить от имени конголезского правительства, потому что никто из них не консультировался с Мулеле⁶, инициатором революционной борьбы, и что, следовательно, только президент (Сумиало) может являться главой правительства Северо-востока Конго. Исходя из этого заявления, он освободил от влияния Гбенье свою зону действий, которая находилась на юго-востоке, и которую он возглавил как вице-президент партии.

Кабила был хорошо осведомлён о том, что главным врагом является американский империализм, и демонстрировал желание бороться до конца против него. Его заявления, а так же осторожная манера речи, произвели на меня очень хорошее впечатление.

На следующий день я разговаривал с Сумиало. Это был совершенно другой человек, гораздо менее развитой политически и намного старше; он имел привычку молчать или говорить мало, ограничиваясь общими фразами, что должно было, как я понял, демонстрировать мудрость и

острый ум, но его усилия никак не могли создать впечатления подлинного народного вождя. Он объяснил то, что позже публично задекларировал: своё вхождение как министра обороны в правительство Гбенье, как все были застигнуты врасплох этим действием и т.д. Так же он ясно заявил о своей оппозиции к Гбенье и, прежде всего, к Канза. С последним я лично не встречался, за исключением рукопожатия во время встречи в аэропорту.

Мы долго говорили с Кабилой о том, что наше Правительство считает стратегической ошибкой некоторых африканских друзей: перед фактом неприкрытой агрессии империалистических держав, ими был выброшен лозунг «Проблема Конго – африканская проблема», которому соответствовали и все действия восставших. Наше мнение заключалось в том, что проблема Конго – это мировая проблема, и Кабила с этим согласился. От имени Правительства я предложил ему предоставить около 30 инструкторов и оружие, на что он с радостью согласился. Он жаждал как можно быстрее переправить инструкторов и оружие в Конго, так же как и Сумиало; этот последний выразил пожелания, чтобы все инструкторы были неграми.

Я решил прощупать настроения других борцов за свободу, предполагая сделать это на особых свиданиях, в разговорах тет-а-тет, однако, благодаря ошибкам персонала посольства, была организована одна единственная всеобщая встреча, на которой присутствовали около 50 человек, представлявших движения из более 10 стран, каждое из которых было разделено на две или более идеологические тенденции.

Я кратко высказался, сделав анализ просьб, которые, почти единогласно, заключались в требовании денег и военного обучения; вразумительно объяснил, каковы затраты на воспитание одного бойца на Кубе; обозначил размер денежных сумм и количество времени, которые нужно вложить в бойца, при этом не имея уверенности в том, что он будет полезен для Движения.

После я рассказал о нашем опыте в Сьерра-Маэстре, где мы получали примерно одного солдата из пяти рекрутов, и одного офицера из каждых пяти солдат; перед лицом поднявшегося недовольства со стороны «Freedom Fighters», я аргументировал решительным образом, что деньги, вложенные в обучение, в большей степени будут спущены в никуда; ибо солдата невозможно воспитать в академии, и ещё более маловероятно воспитать в академии революционного солдата. Это может произойти только на войне. Вы можете получить какое угодно звание в каком угодно центре обучения, но фактическое превращение в солдата, как и в любом другом профессиональном деле, происходит только в ходе профессиональной практики, то есть под огнём противника, через страдания, поражения, постоянные преследования и неблагоприятные ситуации. Вы никогда не сможете предсказать, даже хорошо зная прошлое человека, как он отреагирует на все эти инциденты, сопровождающие народную войну. Поэтому я предложил, чтобы обучение проходило не на нашей далёкой Кубе, а в соседнем Конго, где идёт борьба не только против различных марионеток, вроде Чомбе, но и против североамериканского империализма, который, в своей неокOLONиальной форме, угрожает новым порабощением почти всем народам Африки, только что завоевавшим независимость, а так же продолжает поддерживать колониальные режимы там, где они ещё не пали. Я рассказал о фундаментальном значении, которым на наш взгляд обладает освободительная борьба в Конго; победа здесь будет иметь континентальный резонанс, так же, как и поражение.

Реакция была более чем прохладной: хотя большинство воздержалось от комментариев любого рода, были те, кто взял слово, чтобы жёстко упрекнуть меня за мои советы. Они утверждали, что их народы, измученные и одичавшие от империализма, будут возражать в случае, если произойдут потери среди бойцов; будут недовольны тем, что вместо того, чтобы бороться с угнетением в собственной стране, они приехали на войну для освобождения другого государства. Я пытался объяснить, что борьба не имеет границ, что война ведётся против общего врага повсеместно, будь то Мозамбик, Малави, Родезия, Южная Африка, Конго или Ангола. Никто этого не понимал.

Они холодно и вежливо распрощались, и мне стало окончательно ясно, сколько ещё предстоит пройти Африке до достижения реальной революционной зрелости. Но в любом случае, нам всегда доставляли радость встречи с людьми, готовыми продолжать борьбу до конца. Именно с этого момента начался отбор группы чёрных кубинцев для отправки в добровольном порядке в Конго с целью усиления борьбы.

1. «Борцы за свободу» (Freedom Fighters) – общее имя, которым обозначаются члены африканских революционных организаций, действующие вне своих стран.

2. Лоран Дезире Кабила – на тот момент второй вице-президент Верховного Совета Конголезской Революции и командующий восточным фронтом.

3. Кристоф Гбенье – самопровозглашённый президент Конго; в качестве министра внутренних дел в правительстве Сирила Адулы, отдал приказ на арест Антуана Гизенги, сторонника убитого наёмниками Патриса Лумумбы, который содержался в тюрьме вплоть до переворота Мобуту.

4. Томас Канза – конголезский политик, министр Иностранных Дел в правительстве Гбенье.

5. Гастон Сумиало – президент Верховного Совета Конголезской Революции

6. Пьер Мулеле – министр образования в правительстве Лумумбы; инициатор «Восстания Симба» («восстания львов»); был первым, кто поднял оружие против реакции, взяв под контроль зону Касай. Позднее был назначен первым вице-президентом Верховного Совета Конголезской Революции.

3. Второй акт

Этот второй акт начался на Кубе и включал в себя некоторые значительные эпизоды, не требующие пояснения в данный момент: такие как моё назначение главой кубинского контингента, несмотря на то, что я белый; выбор будущих бойцов; подготовка моего тайного отъезда; как можно меньше прощальных мероприятий; последние письма и целый набор тайных маневров, которые даже сегодня небезопасно озвучивать; в любом случае, все они могут быть объяснены позже.

После прощальной суеты, которая заняла достаточно много времени, я сделал последний шаг: речь идёт о моей тайной поездке, о деталях которой сегодня я так же не буду распространяться.

Я оставлял за спиной почти 11 лет совместной с Фиделем работы ради успеха Кубинской революции, счастливый дом, который можно было бы назвать очагом революционера, преданного своему делу, и целую кучу детей, которые едва ли успели насладиться отцовской любовью. Начался новый жизненный цикл.

Итак, в один прекрасный день я появился в Дар-эс-Саламе, столице Танзании. Никто не ведал об этом, даже посол, мой старый товарищ по борьбе; высадившийся с нами с «Гранмы» и ставший впоследствии капитаном повстанческой армии, он мог бы узнать о моём прибытии.

Мы остановились на небольшой ферме, арендованной специально для прибытия группы из 30 человек, которые должны были сопровождать меня. Но сейчас нас было только трое: Мойя¹, чёрный офицер и официальный руководитель группы, Мбили, белый товарищ с большим опытом участия в подобных конфликтах, и я, Тату, выступавший в качестве врача, и скрывавшийся под личиной француза, так же имеющего опыт партизанской борьбы. Наши прозвища обозначали «один», «два» и «три»; именно в таком порядке. Чтобы избежать головной боли, мы решили присваивать имена по порядку въезда и использовать псевдонимы на суахили, который был распространён здесь.

Не было ни одного сообщения, сообщающего конголезцам о моём решении бороться в их стране, так же, как и ни один из конголезцев не знал о моём присутствии. В первом разговоре с Кабиллой я ничего не мог сказать, потому что ничего ещё не было решено, а после утверждения плана становилось опасным извещать их о моём проекте, прежде чем я собственно прибуду, поскольку я должен был пробираться в Танзанию инкогнито, пересекая множество вражеских территорий. Так что я решил поставить их перед свершившимся фактом и действовать исходя из того, как они будут реагировать на моё присутствие. Я не могу скрыть того, что их отказ от сотрудничества поставил бы меня в трудное положение, так как я уже не мог вернуться; однако я так же предполагал, что им будет крайне трудно откеститься от меня. Я по-настоящему шантажировал их самой своей личностью.

Имелась проблема, которая не была предусмотрена: Кабила, как и все члены революционного Правительства, находился в этот момент на конференции в Каире, где обсуждались аспекты совместной борьбы и новой конституции революционной организации. Его помощники Масенго и Митудиди, оба руководителя Генерального Штаба восточного фронта, были с ним. Оставался

только один делегат по имени Чамалесо², который позже получил от кубинцев прозвище «Крутой». Под свою ответственность Чамалесо дал согласие на принятие 30 инструкторов, которых мы предлагали конголезцам изначально. Однако, когда мы сообщили о том, что у нас есть ещё около 130 бойцов-негров, готовых начать борьбу, он дал добро и на их приезд. Это несколько изменило наш стратегический план, поскольку первоначально мы рассчитывали действовать на базе 30 кубинцев, привезённых в Конго в качестве инструкторов.

Чамалесо отправил делегатов в Каир, чтобы сообщить Кабиле и его товарищам о прибытии кубинцев (о моём присутствии он умолчал), в то время как мы ждали приезда первого нашего контингента.

Самой неотложной задачей было найти лодку с хорошим мотором, быструю и маневренную, которая позволила бы нам безопасно пересечь 70 километров озера Танганьика до пункта назначения в Конго. Один из наших лучших специалистов приехал раньше, дабы взять на себя двойную задачу покупки лодки и проведения разведывательного пересечения озера.

После нескольких дней ожидания в Дар-эс-Саламе, которое, не будучи коротким, было менее напряжённым для меня, хотя я и хотел отправиться в Конго как можно скорее, ночью 20 апреля прибыли первые четырнадцать кубинцев, четверых из которых мы оставили в столице, поскольку для них ещё не была закуплена экипировка. По пути к озеру нас сопровождали два шофёра, конголезский делегат (Чамалесо) и, дабы избежать проблем по дороге, представитель танзанийской полиции.

С первого же момента мы столкнулись с ситуацией, которая будет преследовать нас постоянно в ходе борьбы в Конго: полное отсутствие организации. Это обеспокоило меня, поскольку наши перемещения уже, скорее всего, были обнаружены империализмом, имевшим своих агентов во всех авиакомпаниях и аэропортах зоны, не говоря уже о том, что в Дар-эс-Саламе некоторые могли обратить внимание на покупку весьма странных товаров в необычайных количествах, таких как рюкзаки, ножи, одеяла и т.д.

Не только конголезская организация была плохая; наша тоже. Мы ещё не были полностью подготовлены для выполнения задачи оснащения подобной военной кампании, и добились лишь обеспечения солдат винтовками и боеприпасами (все были вооружены бельгийскими FAL).

Кабиле не приехал и объявил, что, по крайней мере, ещё две недели он проведёт в Каире, поэтому он не имел возможности обсудить моё место в конголезской борьбе. Я должен был продолжать своё путешествие инкогнито, и поэтому не мог обратиться к танзанийскому правительству, прося содействия. Положа руку на сердце скажу, что эти недостатки не особо беспокоили меня, поскольку я был заинтересован в участии в борьбе в Конго, и опасался, что мои просьбы вызовут острую реакцию, и кто-нибудь из конголезцев, или членов дружественного танзанийского правительства, попросит меня воздержаться от участия в революционной схватке.

Ночью 22 апреля мы прибыли в Кигому после утомительного путешествия, но лодки ещё не были готовы, и мы должны были оставаться там на следующий день, ожидая переправы. Тотчас же комиссар региона, который приветствовал и разместил нас, излил на наши головы поток жалоб. К сожалению, все, казалось, указывает на то, что многие из его выводов были справедливы; военные командующие зоны, которые приняли нашу первую разведывательную делегацию, были сейчас в Кигоме и мы констатировали, что они практически бесконтрольно выдавали бойцам пропуска с фронта в тыл. Этот городок стал убежищем, куда те, кому повезло, могли приехать, чтобы жить вне пределов опасностей борьбы. Пагубное влияние Кигомы, с её борделями, ликёром, и, прежде всего, с её удобствами и духом отступления, никогда не были в достаточно мере оценены революционным руководством.

Наконец, рано утром 24 апреля мы высадились на конголезскую землю перед группой удивлённых солдат, неплохо вооружённых, которые, очень торжественно сформировали перед нами почётный караул. Под их охраной мы прошли к одной из хижин, освобождённой специально для нас.

Первые сообщения, полученные от наших разведчиков, гласили, что конголезский берег представляет собой равнину 10 миль шириной, а затем начинаются горы; действительно, озеро являлось узким каньоном, заполненным водой и со всех сторон окружённым горными цепями. В месте под названием Кибамба располагался Генеральный Штаб, и практически в десяти шагах от места высадки начался утомительный подъём, очень тяжёлый для нас, учитывая отсутствие предварительного обучения.

1. Мойя – кубинский боец, майор Революционных Вооружённых Сил, член Центрального Комитета Коммунистической Партии Кубы.

2. Чамалесо – член Генерального Штаба восточного фронта в последнее время; до этого – делегат организации в Танзании

4. Первые впечатления

Почти сразу же после прибытия, немного вздремнув на полу хижины между рюкзаками и прочими военными пожитками, мы начали знакомство с конголезской действительностью. С первых же минут мы заметили чёткую сегрегацию: на фоне людей явно малообразованных, - в большинстве своём крестьян, - выделялись конголезцы более высокой культуры, разнообразно одетые, большинство знали французский язык. Между двумя этими группами соблюдалась чёткая и тотальная дистанция.

Первыми людьми, с которыми я познакомился здесь, были Эммануэль Касабувабу и Киве, которые представились офицерами Генерального Штаба; первый – в качестве ответственного за поставки и вооружение, второй – за информацию. Эти два парня были разговорчивы и экспрессивны, что очень быстро, - благодаря их словам и недомолвкам, - навело нас на мысль о существовании в Конго множества вооружённых фракций. Позднее «Крутой» Чамалесо пригласил меня на маленькое совещание, где не было этих товарищей, зато присутствовала группа местных командующих и руководителей некоторых бригад: от Первой Бригады, которая держала фронт в Увира, присутствовал полковник Бидалила; от имени Второй Бригады генерала-майора Мулане говорил подполковник Ламберт, и наконец, представителем от ещё одной бригады, которая должна была быть сформирована в будущем, был Андре Нгойя, сражавшийся в зоне Кабамбаре. «Крутой», очень возбуждённый, предложил, чтобы Мойя, официальный руководитель нашего контингента, участвовал во всех совещаниях и решениях Главного Штаба вместе с другим кубинцем, которого выберет он сам. Он бросил взгляд на лица присутствующих и не смог найти одобрения этого предложения; оказалось, что «Крутой» не пользуется особой симпатией у командующих.

Причиной вражды между этими вооружёнными фракциями было то, что одни люди, - хотя и кое-как, - продолжали оставаться на своих фронтах, в то время как другие постоянно перемещались между Конго и Кигомой, под предлогом поиска того, чего в данный момент не было под рукой. В случае с «Крутым» дело носило более серьёзный характер в глазах бойцов, поскольку, как делегат в Дар-эс-Саламе, он лишь изредка навещал родину.

Мы продолжали дружелюбный разговор, не обращая никакого внимания на предложение, Чамалесо. Вскоре я узнал некоторые новые для меня вещи. Подполковник Ламберт, очень симпатичный малый, захлёбываясь от восторга объяснил, что для них самолёты не представляют никакой опасности, потому что у них есть «дава», - медикамент, защищающий от пуль и снарядов.

- В меня стреляли несколько раз, и пули, потеряв свою силу, просто падали на землю.

Я в ответ улыбался, вынужденный воспринимать всё это как шутку, иронично демонстрирующую, как мало придаётся значения вражескому оружию. Вскоре я понял серьёзность всех этих слов; осознал, что магическая защита рассматривается как главное оружие триумфа конголезской революционной армии.

Эта «дава» нанесла много ущерба боевой подготовке. Принцип её действия заключается в следующем: жидкость, в которой смешаны соки трав и других волшебных материй, наносится на бойца, который в это время производит некие каббалические пассы, и, почти всегда, мажет углём лоб; теперь он защищён от любого вида оружия противника (хотя, конечно, это зависит от силы колдуна), но не может брать ничего, что ему не принадлежит, а так же не может прикасаться к женщине под страхом потерять защиту. Результат любой ошибки прост – ты мертвец; испуганный человек, человек, который украл какую-либо вещь или переспал с женщиной будет убит или ранен. Так как страх является постоянным спутником войны, для бойцов очень естественно было винить в своих ранах собственный страх, то есть отсутствие веры в «даву». А мёртвые не могут говорить; им лишь автоматически предъявлялись обвинения в нарушении одного из трёх пунктов.

Вера в это настолько сильна, что никто не будет идти в бой, не получив «дава». Я всегда боялся, что суеверия повернутся против нас, и что на нас лягут обвинения в поражении в каком-нибудь бою, где будет много убитых. Я несколько раз разговаривал с различными ответственными лицами, стараясь убедить их развернуть пропаганду против предрассудков. Это было невозможно: это признавалось как символ веры. Более политически подкованные товарищи говорили, что «дава» - это природная сила, и что, как диалектические материалисты, они признают силу «давы».

После беседы с представителями бригад, я встретился один на один с «Крутым» и объяснил ему, кто я: он был буквально сражён наповал. Он повторял фразы «международный скандал», и «никто не должен знать этого, пожалуйста, никто не должен этого знать»; новость стала для него громом среди ясного неба, и он страшился последствий, однако более нельзя было продолжать скрывать мою личность, если мы не хотим использовать влияние, которое может дать факт разглашения этой «тайны».

В тот же вечер «Крутой» отправился в Каир, с целью уведомить Кабилу о моём присутствии в Конго. С ним отправились кубинские функционеры, которые сопровождали нас во время переправы и один морской техник. Этот последний затем отправил, так сказать, обратной почтой двух механиков, так как одной из наблюдаемых слабостей было абсолютное отсутствие технического обслуживания различных моторов и лодок, предназначенных для переправы через озеро Танганьика.

На следующий день я попросил, чтобы нас направили на место окончательного лагеря; на базу, расположенную в пяти километрах от Генерального Штаба, на самой высокой точке горы, которая, как я уже сказал, спускалась к самой воде. Здесь начались проволочки; командир уехал в Кигому, где должен был решить некоторые вопросы, а мы должны были терпеливо ждать его возвращения. Вместо этого мы начали довольно произвольно обсуждать план обучения, где я внёс следующее предложение: разделить сто человек на группы не больше двадцати и обучить их всех элементарным навыкам пехотинца, с некоторой специализацией в оружии, технике (в особенности – в рытье траншей), связи и разведке, естественно, исходя из наших возможностей и средств, с помощью которых мы могли бы начать четырёх-пятинедельную программу инструктажа, после чего отправить первую группу на осуществление акций во главе с Мбили. Затем они вернулись бы на базу, где по результатам были бы отобраны наиболее перспективные и полезные бойцы. Между тем, на военную практику отправляется второй отряд, а после его возвращения – на фронт уйдёт третий. Таким образом я рассчитывал, что можно осуществить разумную селекцию, совмещая её с обучением. Я ещё раз объяснил, что в связи с формой рекрутинга, из ста человек должны были остаться только двадцать потенциальных солдат, а из них только двое или трое смогут стать в будущем руководящими кадрами (в смысле, будут способны руководить солдатами в бою).

Как обычно, на наше предложение мы получили уклончивый ответ: меня попросили изложить свой план в письменной форме. Это было сделано, но я так и не знаю ничего о судьбе моей бумаги. Мы продолжили настаивать на том, чтобы подняться и начать работу на Главной Базе. Мы рассчитывали потерять неделю на её обустройство для начала работы с хорошим ритмом, но мы не могли без санкции командующего подняться в горы, а тот ещё не прибыл. Нам приходилось ждать пока «начальники заседают на совещаниях». Так проходил день за днём. Когда я возвращался к вопросу (а делал я это с очень раздражительной настойчивостью), каждый раз возникали новые причины для отказа, которые даже сегодня я не могу объяснить. Возможно, было правдой, что конголезцы не хотели начинать подготовительную работу без разрешения ответственного лица, в данном случае, руководителя базы.

Однажды я приказал Мойе чтобы он отправился с несколькими людьми к Главной Базе под предлогом тренировочного марша; это было сделано и Мойя вернулся с группой только ночью, усталый, промокший и дрожащий. Он сказал, что это место очень холодное и влажное, с постоянным туманом и частыми дождями. По его словам, он начал делать для нас хижину, и эта работа займёт несколько дней. И вновь я изложил конголезцам различные аргументы для того, чтобы подняться: мы могли бы пока внести вклад в строительство дома, поскольку наш дух самопожертвования и помощи требует активной деятельности, дабы не быть в тягость и т.д. Но они искали новые предлоги для отказа.

Этот период вынужденного отдыха начинался с обязательных разговоров с товарищем Киве, шефом службы информации. Это неисправимый болтун, который говорил на французском почти

со сверхзвуковой скоростью. Я получил возможность, постепенно, через различные беседы, составить представление о нескольких важных фигурах конголезской Революции. Одним из первых, кто испытал тяжесть языка Киве, стал Оленга, генерал, который действовал в зоне Стэнливиля, а сейчас находился в Судане. Согласно Киве, изначально он был намного больше, чем просто солдат, возможно лейтенант войск Бидалилы. Тот приказал Оленга осуществить несколько рейдов в область Стэнливиля, а затем вернуться, но Оленга на свой страх и риск начал собственные действия. Дело происходило как раз в момент революционного подъёма, и каждый раз, когда Оленга брал деревню, он сам себе присваивал очередное звание. Когда он достиг Стэнливиля, то был уже генералом. Там завоевательный поход Освободительной Армии остановился, потому что его продолжение потеряло всякий смысл, ибо более не существовало воинских званий, которыми бы себя мог наградить за очередную победу товарищ Оленга.

Для Киве настоящим военным руководителем был полковник Паскаса (который позже был убит в драке между самим конголезцами в Каире); это был человек, обладавший настоящими военными знаниями и революционной позицией, он так же был представителем Мулеле.

Ещё один день Киве начал с ловкой критики Гбенье, заметив мимоходом, что он обладал очень неясной позицией с самого начала, а теперь он является президентом; да, он революционер, но есть ещё более революционные революционеры и т.д. С течением времени и ростом взаимопонимания, сформировался образ Гбенье, более подходящий руководителю шайки бандитов, нежели лидеру революционного движения. Я не уверен во всех заявлениях друга Киве, но некоторые его рассказы весьма распространены среди конголезцев; такие как история участия Гбенье в тюремном преследовании Гизенги, во времена, когда Гбенье занимал пост министра внутренних дел в правительстве Сирила Адулы. Другие истории менее известны, но, если принимать их за чистую монету, они бросают свет на такие темы, как покушение на Митудиди и контакты Гбенье с посольством янки в Кении.

В другой раз, жертвой острого языка Киве стал сам Гизенга, о котором он сказал, что тот был революционером, но левым оппортунистом, который всего хотел добиться политическими средствами, который думал сделать революцию опираясь на армию и что ему были даны деньги на организацию революционных сил в Леопольдвиле, а он их пустил на формирование политической партии.

Болтовня Киве дала мне представление о характеристиках некоторых персонажей, но, прежде всего, я ясно понял, как мало твёрдых людей в этой группировке революционеров, или, лучше сказать, недовольных, которые формируют Главный Штаб Конголезской Революции.

А дни проходили. Озеро пересекали различные посланцы со сказочными способностями искажать любую новость, или усталые революционеры, получившие пропуска с фронта и отправляющиеся на отдых в Кигому.

В качестве эпидемиолога я несколько дней трудился в полевом госпитале вместе с нашим медиком Куми, где мы наблюдали несколько тревожных фактов. Во-первых, множество случаев венерических заболеваний среди бойцов, вызванных, скорее всего, посещениями Кигомы. В этот момент я не особо беспокоился о санитарном состоянии населения или проституток в Кигоме, но, в самом деле, обилие заражённых можно было объяснить только теми послаблениям, которые давались бойцам, пересекавшим озеро. Мы так же подняли другие закономерные вопросы: Кто платит этим женщинам? Откуда деньги? Как тратятся деньги, предназначенные на революцию?

Кроме того, с первых же дней нашего пребывания, мы имели честь увидеть несколько случаев алкогольного отравления, вызванных потреблением «помбе». «Помбе» представляет собой разновидность местного самогона, делающегося из муки кукурузы и маниоки; здесь очень небольшой градус, но дистилляция даёт ужасные последствия. Предполагаю, что алкогольная продукция содержала бы меньше вредных примесей, если бы соблюдались элементарные методы производства. Были дни, когда «помбе» просто затапливал лагерь, оставляя после себя драки, интоксикации, различные нарушения дисциплины и т.д.

Клинику начали посещать крестьяне из окрестностей, которые получали через «Radio Bemba» новость о присутствии в районе профессиональных медиков. Наш багаж лекарств был беден, но нас спасло прибытие советских медикаментов, хотя они не были предназначены для стандартной медицинской помощи гражданскому населению, а, естественно, для удовлетворения потребностей армии в полевых условиях. Всё же, здесь многого не хватало.

Этот феномен отсутствия всего был перманентным в течение нашего пребывания в Конго. Поставки оружия и экипировки проходили в такой форме, в результате которой всегда чего-то не хватало: пушки и автоматы, которые не имелись в арсенале или у которых отсутствовали важные комплектующие, пребывали с патронами другого калибра, мины приходили без детонаторов; всё это было постоянной характеристикой поставок из Кигомы.

На мой взгляд, это было связано с отсутствием организации конголезской Освободительной Армии, и неимением кадров, способных сделать минимальную оценку прибывающих военных материалов. То же самое происходило с медикаментами; более того — все они хранились в беспорядке и россыпью в Ла Плайя, где так же содержалось продовольствие и оружие; всё это смешивалось в диком и весёлом хаосе. Несколько раз я просил, чтобы нам дали возможность организовать склад, и советовал, чтобы некоторые типы боеприпасов, вроде снарядов для базук или миномётов убрали оттуда, но мне так не удалось добиться ничего.

Из Кигомы ежедневно пребывали свежие новости: одна противоречивей другой. Группе кубинцев, выжидавших прибытия лодки командующего, обещали: Митудиди приедет завтра, или, может быть, послезавтра. Послезавтра снова приходит известие, что он приедет на следующий день, и т.д.

В эти дни так же пришла информация с Конференции в Каире, которую принёс Эммануэль после одного из своих постоянных наездов в Кигому; результаты её символизировали полное торжество революционной линии. Кабила остался в столице Египта ещё на некоторое время, потому он должен был убедиться в исполнении достигнутых соглашений, а затем намеревался ехать куда-то ещё, для проведения операции по удалению кисты, - не очень серьёзной, но весьма его беспокоящей, - что должно было занять немного времени.

Мы должны были что-то делать, чтобы избежать полного расслабления. Началось изучение французского и суахили, а так общеобразовательных программ, поскольку наши люди в достаточной степени нуждались в этом. Имеющийся характер обучения, учителей и классов не могли добавить многого к культурному уровню наших товарищей, но все эти движения занимали много времени, и это было очень важно в тот момент. Тем не менее, невзирая на все неприятности, наш моральный уровень оставался высоким, хотя уже пошло ворчание среди товарищей, видевших, как безрезультатно проходят дни. Кроме того, над нами повис призрак лихорадки, которая атаковала практически всех в той или иной форме; в виде малярии или других тропических болезней. Часто мы получали облегчение с помощью антималярийных препаратов, но остаточные явления болезни очень беспокоили общей вялостью, отсутствием аппетита, слабостью, что, конечно, способствовало развитию пессимизма в наших войсках.

С течением времени проявился чёткий образ организационного хаоса. Я принимал личное участие в распределении советских медикаментов, и это мероприятие было больше похоже на цыганский базар, где каждый из представителей вооружённых групп приводил цифры, факты и доводы, дабы заграбастать как можно больше лекарств. Несколько раз я спорил с ними, призывая не брать те или иные медикаменты или специализированное оборудование, которые будут просто бессмысленно потеряны на фронтах, но они хотели иметь абсолютно всё. Начались перетасовки баснословных цифр бойцов: один заявлял, что под его командованием четыре тысячи, другой — две тысячи и т.д. Командиры были весьма изобретательны в своих подсчётах: они просто прибавляли к армии количество крестьян на их территории, однако реальное количество войск или вооружённых бойцов, находившихся в лагерях, было значительно ниже, чем они указывали.

Пассивность на различных фронтах в эти дни была практически полной, и если и присутствовали некоторые раненые от пуль, то происходило это в результате несчастных случаев, так как практически никто не имел представления, что такое оружие, некоторые играли с ним и случайно стреляли в себя и т.д.

8 мая наконец прибыли 18 кубинцев во главе с Али, а так же руководитель Генерального Штаба Митудиди, который немедленно должен был вернуться в Кигому для поиска оружия и амуниции. У нас произошла дружеская беседа с ним, оставившая приятное впечатление надёжности и организационного духа. Кабила послал через него сообщение, которое было очень сдержанным по отношению к моей личности, так что я продолжал оставаться в подвешенном состоянии, исполняя свои «фасадные» миссии переводчика и медика.

Получив санкцию Мутудиди, мы решили на следующий день начать подъём на Главную Базу, что было выполнено без Мойи, Нане и Тано, сваленных лихорадкой, и медика Куми, который работал

в госпитале. Я был послан на базу в качестве врача и переводчика. Здесь мы нашли около двадцати скучающих конголезцев, одиноких и грустных. Началась борьба за изгнание этой сонливости; проводились занятия по суахили, которые давал политический комиссар базы, и французскому языку, который преподавал другой тамошний товарищ. Кроме того, мы начали строительство домов, поскольку климат здесь был очень холодный. Мы были на высоте 1700 метров над уровнем моря и 1000 над уровнем озера, и в этой зоне пассаты, задувающие со стороны Индийского океана, конденсируются в почти постоянные дожди. Задача строительства нескольких зданий была быстро исполнена, и повсюду запылали костры, оберегавшие нас от ночного холода.

5. Первый месяц

Возле Главной Базы, в четырёх часах ходьбы (только такое средство передвижения является возможным здесь) расположена группа небольших деревушек, - не более десяти домов каждая, - рассеянных на огромной площади естественных пастбищ. Конгломерат называется общим словом Нганья и населен племенем, происходящим из Руанды. Несмотря на проживание в течение нескольких поколений в Конго, они сохранили неизгладимый дух своей родины, ведут пастушеский образ жизни, - хотя и не кочевой, - и сделали корову центром своей экономики; она служит и для обеспечения продовольствием и универсальной валютой. Много раз мы слышали горестные рассказы какого-нибудь руандийского солдата, у которого нет коровы, чтобы отдать её тестю за девушку своей мечты. Ибо женщины здесь тоже покупаются и продаются; более того, они обладают всеми признаками экономической мощи, не говоря уже о том, что женщина является главной фигурой в работе на огороде и дома.

Это соседство с руандийскими деревнями позволяло нам в ходе войны нередко прибегать к прекрасному говяжьему мясу, которое исцеляло нас, вызывая иногда тоску по родине.

Руандийцы и различные племена конголезцев рассматривают друг друга как врагов, и проводят чёткие границы между этническими группами, что делает очень трудным развитие политики регионального единства (явление, которое повторяется повсеместно на конголезской территории).

В первые дни моего пребывания на Главной Базе, я в полной мере отдал дань уважения климату Конго, свалившись с лихорадкой, хотя и продолжавшейся недолго. Наш врач Куми посетил меня, поднявшись с озера, но я отправил его обратно, потому что он был необходим в клинике. Тем временем я почувствовал себя лучше. Через три или четыре дня принесли человека, раненого на Фронте Форс¹; боец провёл шесть дней без медицинской помощи, у него была сломана рука, а пулевое отверстие сильно нагноилось. Я встал, чтобы позаботиться о нём, и возможно, работая под холодным дождём, вызвал рецидив лихорадки, снова свалившись с высокой температурой и бредом; поэтому было необходимо новое посещение Куми. А ведь подъём на базу был для него равносителен восхождению на Эверест. По словам очевидцев, - поскольку я не смог по достоинству оценить эти детали, - после подъёма на крутые высокие горы, состояние нашего медика было возможно более тяжёлым, чем моё.

Рецидив так же не был очень длинным, - не более пяти дней, - но я мог наблюдать результаты этой традиционной для Конго болезни в виде экстраординарного душевного и физического истощения. Во время первого месяца пребывания в стране, не менее десятка товарищей поплатились за свой приезд на чужую землю этой страшной лихорадкой, последствия которой так нас беспокоили.

Первый официальный приказ, который мы получили от Митудиди, - он уже приехал из Кигомы, - заключался в подготовке к участию в наступлении на Альбервиль, которое должно было идти двумя колоннами. Мы должны были играть важную роль в бою. Приказ был абсурден: не было никакой подготовительной работы, нас было только 30 человек, из которых 10 больны или выздоравливают. Тем не менее, я передал людям приказ, и сказал, что попытаюсь изменить эти планы, или, по крайней мере, отсрочить их исполнение, но в любом случае – они должны быть готовы идти в бой.

22 мая мы услышали одну из сумасшедших новостей, которая озадачила нас; «К нам едет кубинский министр, с ним прибыла целая толпа кубинцев». Это было так неразумно, что мы не могли в это поверить, однако, для того, чтобы развеять все сомнения, мы спустились с гор, и я, к своему удивлению, столкнулся с Османи Сьенфуэгосом². После радостных объятий, он объяснил:

он приехал, чтобы переговорить с руководителями Танзании, а потом, между делом, попросил разрешения посетить товарищей в Конго; поначалу танзанийцы отказывались, утверждая, что потом центр партизанских операций захотят посетить другие кубинские функционеры, но в итоге сдались. Я так же узнал, что танзанийское правительство ещё не было осведомлено о моём присутствии в Конго.

Вместе с Османи озеро пересекли 17 человек из группы в 34 кубинца, прибывших в Кигому, и, в общем, принесли очень хорошие новости. Однако лично для меня известия были более чем печальны: по телефону из Буэнос-Айреса сообщили, что моя мать очень больна; сообщили таким тоном, что было ясно - меня готовят к факту смерти. Османи не удалось ничего выяснить более. Мне пришлось целый месяц жить в неопределённости, ожидая результатов и надеясь, что это всего лишь ошибка, пока я наконец не получил известие о смерти матери. Она хотела увидеться незадолго до моего отъезда, - видимо, она уже чувствовала себя больной, - но это было невозможно из-за ускоренных приготовлений к путешествию. Она так и не получила моего прощального письма ей и отцу, которое оставалось в Гаване, и только в октябре было отослано в Аргентину, когда мой отъезд стал достоянием широкой общественности.

Митудиди поднялся на Главную Базу и мы обсудили различные аспекты военной ситуации. Он настаивал на разработке большого стратегического плана для захвата Альбервиля, но мне удалось убедить его в том, что это слишком амбициозная задача. Очень рискованно сейчас занимать Альбервиль; сейчас было важным получить истинное знание всей площади операций и средств, имеющихся в нашем распоряжении, потому что в Главном Штабе не было чёткой картины того, что происходит на каждом из отдельных фронтов. Всё это стало следствием информации от местных командующих, которые, требуя чего-то, завышают данные о численности своих сил, а после, извиняясь, объясняют очередное поражение нехваткой боеприпасов или оружия. Мы решили послать делегации в различные пункты для уточнения численности наших войск, войск противника и соотношения сил.

Было организовано 4 группы для осуществления предварительных исследований: Али с тремя товарищами должен был поехать в зону Кабимба³; Нье с двумя другими – на Фронт Форс; Мойя и Паулу – в зону Барака⁴, Физи⁵ и Люлимбы⁶; Митудиди и я направлялись в Увиру⁷. Это последнее путешествие нам не удалось осуществить. Сперва начались традиционные проволочки: отсутствие лодки, отсутствие бензина, - всё конечно очень неожиданно; затем Кабила объявил о своём скором прибытии, - мы ждали его день за днём, но безрезультатно.

Первые сообщения из Кабимбы и Фронта Форс демонстрировали, что там имеются действительно хорошие вооружённые силы, по-видимому, готовые к борьбе, но не обладающие какой-либо подготовкой или дисциплиной в случае с Кабимбой, и гораздо более подготовленные и дисциплинированные в случае с Фронтом Форс; но и здесь присутствовала та же степень дезорганизации контроля над вооружением, наблюдением за врагом, политической работой и т.д.

При анализе прошедшего месяца (май), совпадающего практически с первым месяцем нашего пребывания (ведь мы, как вы помните, прибыли 24 апреля), я отметил в своём полевом дневнике следующее:

«До прибытия Митудиди время было потеряно, а затем были сделаны некоторые исследования и мы столкнулись с положительной реакцией на наши предложения. Может быть, завтра начнётся серьёзная подготовка группы людей, как я и обещал. Почти наверняка в течение июня мы сможем продемонстрировать свои умения в бою.»

Основным недостатком конголезцев является плохая стрельба, а следовательно – большой расход боеприпасов; мы должны начать с этого. Дисциплина здесь очень плохая, но, кажется, на фронте эта вещь меняется, там парни вынуждены соблюдать дисциплину, хотя и здесь так же заметно отсутствие организации.»

Наиболее важными задачами являются: обучение стрельбе, организации засад (настоящая партизанская борьба) и некоторым нормам военной организации, которые позволят нам сосредоточить всю мощь в одной точке атаки.»

Сегодня мы можем сказать, что кажущаяся солидной дисциплина фронтов была фальшивой, а три аспекта, на которые мы должны были сделать упор в обучении, - стрельба, техника засады и концентрация боевых единиц для осуществления крупных атак – так и остались в разряде теории.

Военные группировки имели племенной характер и следовали критерию позиционной войны; бойцы всё время находились на так называемых «барьерах». Эти барьеры были расположены обычно в хорошо избранных с точки зрения тактики местах, на высоких труднодоступных холмах. Но люди вели лагерный образ жизни, без осуществления наступательных акций, без военного обучения, уверенные в бездействии вражеской армии и проедающие свои запасы, доставка которых была взвалена на плечи крестьян. Они были обязаны приносить еду и часто подвергались жестокому обращению и насилию со стороны бойцов. Ключевой особенностью конголезской Народной Освободительной Армии являлось то, что это была армия паразитов; не работавшая, не тренирующаяся, не боровшаяся, но неизменно требовавшая от населения трудовых и материальных ресурсов; требовавшая, иногда, с особой жестокостью. Крестьяне подвергались вымогательству со стороны групп, которые разбивали неподалёку свои лагеря. Требуя еду, они сжирали кур и другие изысканные блюда, запасённые крестьянами для себя и своей семьи.

Основной едой революционного солдата была «букали», готовившаяся следующим образом: очищенный маниок сушится несколько дней на солнце, затем его измельчают в ступе, как поступают с кофе в наших местах. Просеянную муку бросают в кипящую воду, пока она не превращается в пасту, которую и едят. «Букали» содержала много углеводов, но это была практически сырая мука маниока и к тому же несолёная; иногда эту еду дополнял «зомбе», - растолченные и сваренные листья маниока, заправленные небольшим количеством пальмового масла, - или мясо какого-нибудь зверя, поскольку охота здесь была достаточно распространена, однако это было скорее исключением, нежели обычаем. Нельзя сказать, что бойцы хорошо питались: со стороны озера, являвшегося главным центром поставок, они получали очень мало. Однако, среди их вредных привычек была и потрясающая лень - они не были способны даже промаршировать до базы в поисках пропитания. И это учитывая, что на своих плечах они несли только винтовки, патронташ и личные вещи, которые, в основном, ограничивались одеялом.

Через какое-то время, начав совместную жизнь с этой оригинальной армией, я узнал некоторые типичные для них выражения. Если бойцу что-то поручали нести, он говорил: «Mimi harapa motocari», что должно обозначать «Я тебе не грузовик»; в некоторых случаях, когда они шли вместе с кубинцами, они говорили «Mimi harapa sibap», то есть «Я тебе не кубинец». Еду, так же как и оружие и амуницию для фронта, должны были тащить те же самые горемычные крестьяне. Очевидно, что армия такого типа могла бы оправдать своё существование только как контрагент врага, с которым она иногда сражается. Как мы увидим, это требование так же не выполнялось. Не меняя сложившийся порядок вещей, Конголезская Революция была обречена на провал из-за своих собственных слабостей.

1. Фронт Форс – Фронт Бендера – Укреплённый пункт вражеской армии, расположенный близ трассы Альбервиль-Люлимба. Здесь располагается центральная гидроэлектростанция.
2. Османи Сьенфуэгос- старший брат Камило Сьенфуэгоса, член Центрального Комитета Коммунистической Партии Кубы.
3. Кабимба – деревня на озере Танганьика, занятая вражескими силами; поблизости от неё проходил южный фланг нашего фронта.
4. Барака – небольшой порт на озере Танганьика, расположенный по пути из Физь в Увиру.
5. Физь – небольшая деревня на берегу озера Танганьика, штаб-квартира Главного Штаба Второй Бригады; малый транспортный узел.
6. Люлимба – селение близ трассы Альбервиль-Букаву; отсюда выходила дорога на Кабамбаре.
7. Увира – селение, расположенное на самом севере озера Танганьика, и ограничивавшее наш северный фронт.

6. Надежда умирает

Следующие дни прошли в стиле, описанном выше: тоскливые будни, в которых угол, сформированный двумя холмами, спускавшимися к озеру, и оставлявший на виду лишь часть воды, обрамлённой горизонтом, казался уже ненавистным.

Митудиди, несмотря на все свои благие намерения, не мог найти способ, чтобы дать нам работу, тормозившуюся, вероятно, по прямому указанию Кабилы, и с тревогой ожидал его прибытия. Все

мы ждали этого с той же тоской, а между тем проходили дни, - один за другим, - безо всяких изменений для экспедиции.

Моя вернулся из разведывательной поездки в Бараку, Физь и Люлимбу. Впечатление, которое эти места оставили в его душе, было действительно катастрофическим. Несмотря на восторженный приём населения и очень корректное отношение со стороны командующих, он подметил несколько опасных симптомов. Во-первых, была заметна очевидная враждебность, с которой тамошние командиры говорили как о Кабиле и Масенго, так и о Митудиди; всех их обвиняли, с большей или меньшей страстью, в том, что они были здесь чужеземцами. Заявлялось, что они простые путешественники, которые никогда не были там, где народ в них нуждается. В этом регионе концентрировалось множество вооружённых бойцов, но при этом наблюдалась жуткая дезорганизация, приводившая не только к уже известным нам недостаткам, но и к более тяжёлым последствиям. Командующие проводили дни таким образом, что пьяными падали прямо в лагере, не волнуясь даже о том, чтобы скрыться от глаз своих подчинённых, ибо подобное считалось нормальным делом для «мужчины». Благодаря возможностям, которые давало озеро в деле транспортировки различных материалов, здесь имелось достаточно бензина, и поездки туда и обратно осуществлялись безо всякого контроля, и никто не мог угадать конкретные цели путешественников.

«Барьер», сформированный перед Люлимбой, располагался в семи километрах от этого селения, на вершине горы, но революционные силы очень давно не спускались на равнину для атак, не делали ни малейшего обследования зоны. Вся их деятельность ограничивалась стрельбой из 75-мм безоткатной пушки. Не имея представления о правилах стрельбы с закрытых огневых позиций (с таким оружием можно поразить цель лишь в прямой видимости и с дистанции не более полутора километров), и не зная точного положения противника, они занимались устройством гигантских, но бессмысленных фейерверков с использованием 75-миллиметровых снарядов.

Я довёл до сведения Митудиди все эти замечания, и так же заявил, что у наших разведчиков создалось реальное впечатление, что Мулане, командующий зоны, самовольно присвоивший себе звание генерал-майора, является анархистом безо всякого революционного сознания, и должен быть заменён. Митудиди позвонил, чтобы переговорить с ним, но отказался идти к генералу, подозревая, что будет арестован.

Поскольку не было возможности сделать ничего больше, мы продолжили настаивать на организации исследовательских рейдов и вновь послали Инне и Нане с небольшими группами для инспектирования зон Фронта Форс и Катенги, на которые возлагались некоторые надежды. Кроме того, Али удалился с задачей исследования Кабимбы, одноимённой зоны и трассы Кабимба – Альбервиль. На его плечи так же возлагалась задача поиска практического взаимодействия между Фронтом Форс и Кабимбой, но он был бессилён перед препятствиями, возводимыми командующими данных секторов.

И каждый новый день для нас начинался с обязательного песнопения: сегодня Кабила не приехал, но он обязательно приедет завтра...или послезавтра...

А тем временем, продолжали прибывать лодки с большим количеством высокотехнического оружия. Было горько смотреть, как впустую растрачиваются ресурсы, посланные дружескими странами, - в основном, Китаем и Советским Союзом, - подкрепления из Танзании, жизни бойцов и гражданских лиц, на ничего не стоящие дела.

Митудиди тем временем принялся за организацию базы. В первую очередь, он должен был приструнить пьяниц: задача не из лёгких, поскольку это означало, что иметь дело придётся с 90 или 95% всех бойцов. Временно были приостановлены поставки оружия и амуниции, и, среди прочего, он потребовал, чтобы артиллеристы, обслуживавшие тяжёлое оружие, представ лично перед ним, продемонстрировали свои знания перед передачей орудий новому расчёту, что гарантировало, по крайней мере, что орудия более не будут попадать в руки этих профанов. Но задач было слишком много, чтобы их мог исполнить один человек; помощники Митудиди практически ему не помогали.

Мы достаточно близко подружились. Я объяснил, что моя самая большая слабость заключается в отсутствии прямого контакта с бойцами, которые не говорят по-французски, и он прислал мне учителя суахили - одного из своих молодых помощников, чтобы помочь мне напрямую обращаться к конголезцам. Это был интеллигентный парень по имени Эрнест Илунга, который должен был

посвятить меня в тайны языка. Мы с энтузиазмом начали ежедневные трёхчасовые занятия, но суть в том, что я был вынужден сократить их до часа, и не по причине нехватки времени, - его у меня было предостаточно, - а потому что обнаружилась полная несовместимость между моим характером и изучением языков. Был ещё один недостаток, который я не смог преодолеть в течение моего пребывания в Конго; суахили является языком с достаточно развитой и богатой грамматикой, но в этой стране, благодаря её особенностям, люди говорят на том, что они называют своим национальным языком, т.е. конголезским диалектом. Наряду с родным языком они используют и диалект собственного племени, и таким образом чистый суахили становится, в некоторой степени, языком завоевателей и верховной власти. Почти все крестьяне используют его в качестве второго языка. Вдобавок к этим особенностям, люди говорят на крайне упрощённом языке, «базовом суахили», и, кроме того, они легко адаптировали его к нашему говору, поскольку нашли удобным для себя говорить именно так. Запутавшись в этих противоречиях, за всё время пребывания в Конго я так и не научился говорить ни на грамматическом суахили, ни на региональном его диалекте.

В эти дни я познакомился так же с Мунданди, руандийским командующим Фронта Форс. Он учился в Китае и производил довольно хорошее впечатление своей твёрдостью и серьёзностью, но в ходе первого разговора, между нами разыгрался спор, посвящённый битве, в которой по его словам было убито 35 солдат противника. Я спросил, сколько оружия было захвачено в результате гибели 35 гвардейцев. Мунданди ответил, что несколько, потому что враги были атакованы с помощью гранатомётов, и всё оружие разлетелось на мелкие кусочки. Мои дипломатические навыки никогда не отличались особым качеством, поэтому я напрямую заявил, что всё это ложь; он извинился, сказав, что сам не присутствовал на поле боя, что об этом сообщили его подчинённые и т.д. и на этом инцидент был исчерпан. Но хотя преувеличения являются нормой в этих краях, откровенно сказать, что ложь есть ложь, не является лучшим методом для установления братских отношений ни с кем.

7 июня я пустился в путь к Главной Базе после разговора с Митудиди о вероятности очередного «завтрашнего» приезда Кабилы.

Митудиди полунамёками сообщил, что не стоит ждать скорого его прибытия, учитывая что в эти дни в Дар-эс-Саламе находился Чжоу Энь Лай; логично было предположить, что Кабила находится там, пытаюсь наладить контакт с китайским руководителем для удовлетворения очередных просьб.

Когда я поднимался на крутой склон в направлении Главной Базы, меня нагнал курьер, который сообщил, что Митудиди только что утонул. Его тело было обнаружено через три дня, и только 10 июня он был похоронен, после того, как воды озера выбросили его на поверхность. Благодаря наличию двух кубинцев, которые были в лодке, когда произошла трагедия, после серии бесед и расспросов, я выстроил следующую картину:

Митудиди направлялся в Руандази, куда намеревался переместить Главный Штаб, расположенный всего в трёх километрах от базы в Кабимбе, но из-за прилива воды вынужденный оттуда съехать. Был сильный ветер, и большие волны захлёстывали лодку. Казалось, что его падение в воду было случайным, всё указывало на это; но начиная с этого момента произошла серия странных событий, которые не знаю, отнести ли непосредственно к идиотизму, экстраординарному суеверию, - поскольку озеро полно всевозможных духов, - или же к чему-то более серьёзному. Дело в том, что Митудиди, который умел немного плавать, удалось снять ботинки и, по свидетельству некоторых очевидцев, он ещё держался на воде и звал на помощь около десяти или пятнадцати минут. Люди бросились спасать его, одним из них был его ординарец, который так же утонул. Команданте Франсуа, который был с ним, так же исчез: никто так и не узнал, упал ли он в тот же момент или же прыгнул спасать командира. В ходе инцидента мотор лодки заглох, в результате чего та потеряла свою маневренность. После его пытались завести, но казалось, что какая то магическая сила не даёт приблизиться к тому месту, где барахтался Митудиди; наконец, в то время как он продолжал звать на помощь, лодка направилась к берегу, а товарищи, сидевшие в ней, просто исчезли в никуда немногим после.

Так, в глупом инциденте потерял жизнь человек, который попытался начать борьбу с тем ужасным хаосом, который установился на базе в Кабимбе. Митудиди был молод, ему едва стукнуло тридцать лет, он был офицером Лумумбы и боролся вместе с Мулеле. По словам Митудиди, Мулеле направил его в этот район в то время, когда там не было никакой действующей революционной организации. В частых беседах он проповедовал методы, диаметрально противоположные тем, что применял Мулеле; по его мнению, борьба в этой части Конго должна была иметь абсолютно иные характеристики. И он ни разу не позволил себе ни слова критики в

адрес своих руководителей Кабила или Масенго, объясняя весь творившийся бардак особенностями региона.

Не знаю, по каким причинам, - возможно, свою роль сыграл расовый мотив или заработанный ранее авторитет, - но когда Кабила прибыл в этот регион, он назначил Митудиди командующим своего Главного Штаба. И реальность сейчас была такова, что единственный человек, обладавший авторитетом и способный переломить ситуацию, исчез в водах озера. На следующий день, уже зная в общих чертах обо всём произошедшем, Кабила дал о себе знать, прислав мне небольшое сообщение, в котором сказал следующее:

«Только что узнал о судьбе брата Миту, так же как и о судьбе других братьев. Вы можете понять, как мне больно сейчас. Что касается меня, то я беспокоюсь только о вашей безопасности: я хочу приехать немедленно. Поскольку для нас эта очень печальная история является дурным предзнаменованием. Все товарищи, с которыми вы прибыли, должны оставаться на месте до моего возвращения, если только они не захотят направиться в Кабимбу или к Мунданди в Бендеру.

Я уверен в вашей твёрдости, мы сделаем всё, чтобы в назначенное время оказаться на базе.

Обсудите с товарищем Мутеба некоторые вопросы, так же во время моего отсутствия вы можете обратиться к товарищам Буденгай и Касаби.

С дружеским приветом, Кабила».

Товарищ Мутеба, который был очень впечатлён смертью Митудиди, пришёл ко мне, чтобы узнать, каковы наши соображения обо всём том, что произошло. Идея о том, чтобы начать запланированное перемещение базы, как я думаю, натолкнулась на проблемы суеверия; я не стал возражать, потому что этот вопрос был очень деликатный, и мне казалось самым верным избежать дискуссии по этому поводу. Мы обсудили наиболее важные проблемы, с которыми столкнулись в Конго: мы уже пробыли здесь два месяца, и до сих пор абсолютно ничего не сделали. Я рассказал ему о докладах, которые были переданы Митудиди и исчезли вместе с ним, и он попросил тогда сделать общий анализ ситуации, дабы переслать его Кабале. Я взялся за решение этой задачи и написал следующее (должен отметить, что этот текст несколько отличается от оригинала, потому что мой макаронический французский заставил в какие-то моменты искать нужные слова, жертвуя подлинным смыслом, который я стремился донести до командующего. Письмо было направлено товарищем Мутебой и имело конфиденциальный характер):

«Основные соображения: Учитывая непродолжительность нашего полуторамесячного конголезского опыта, я не рискну выдвигать множество предложений. Полагаю, что впереди нас ждёт главная опасность: североамериканский империализм.

Нет необходимости анализировать, почему именно североамериканский империализм представляет собой главную угрозу. Конголезская Революция находится в стадии перегруппировки сил после последних поражений. Если янки извлекли уроки из других революций, то сейчас наступил момент, когда они должны выбрать место для будущего смертельного удара и сделать к этому первые шаги, такие как нейтрализация озера, то есть, сделать всё необходимое для того, чтобы перекрыть наш главный путь поставок всех типов. С другой стороны, события в мире, такие как борьба во Вьетнаме и недавняя интервенция в Санто-Доминго, несколько связывают им руки. Поэтому время является фундаментальным фактором для укрепления и развития Революции, которое не может проходить иначе, кроме как на основе тяжёлых ударов по врагу; пассивность является началом поражения.

Но мобилизовать все наши силы и атаковать противника нам мешает наша собственная неорганизованность. Это проявляется в нескольких различных аспектах:

1. Отсутствие единого центрального командования с реальной властью на всех фронтах, то есть то, что на военном языке называется единством доктрины (я имею ввиду конкретно эту зону, а не Конго в целом).

2. Общее отсутствие кадров с адекватным культурным уровнем развития и абсолютной верностью революционному делу, что приводит к размножению местных полевых командиров,

насаждающих собственную власть и обладающих тактической и стратегической свободой действия.

3. Разбрасывание тяжёлого вооружения на основе уравнительного распределения, которое оставляет без резервов руководство; распределение безо всякого подсчёта и контроля, вкуче с неправильным его использованием.

4. Отсутствие дисциплины в подразделениях, заражённых духом местничества и не имеющих никакой предварительной военной подготовки.

5. Неспособность руководства координировано перемещать боевые единицы определённого размера.

6. Общее отсутствие минимальной подготовки, необходимой для обращения с огнестрельным оружием, что ещё более ухудшается в случае с вооружением, требующим специализированной подготовки.

Всё это ведёт к неспособности осуществлять тактические акции крупного масштаба, и, таким образом, к стратегическому параличу. Это беды, с которыми сталкивается любая революция и они не должны нас пугать; просто должны быть приняты систематические меры по их устранению.

Участие кубинцев: Наше чёрное население было наиболее эксплуатируемой и угнетаемой частью общества. Его участие в борьбе, на мой взгляд, было крайне важным, особенно в восточных провинциях, однако эти чёрные крестьяне в основном были неграмотны.

Следовательно, очень немногие из наших главных военных фигур или кадров среднего звена с хорошей военной подготовкой, были чёрными. Для того, чтобы отправить сюда предпочтительно чёрных кубинцев, мы провели отбор среди лучших элементов армии, имевших боевой опыт, и в результате наша группа имеет очень хороший боевой дух и отличное знание тактики партизанской борьбы, но крайне скудную академическую подготовку.

Приведённое выше замечание является введением к предлагаемому нами действию: с учётом особенностей кубинского войска, наше участие должно быть связано в первую очередь с боевыми задачами, или непосредственно с борьбой.

Я вижу два способа нашего участия:

1. Бойцы нашей группы разделяются и входят в различные боевые соединения фронта в качестве инструкторов по обращению с оружием и сражаются внутри конголезских сил.

2. Борьба смешанных кубинско-конголезских подразделений, - возглавляемых в первое время кубинцами, - реализующих чётко определённые тактические акции, а затем расширение зоны действий за счёт обучения и развития конголезских руководящих кадров (с учётом небольшого числа наших сил, этих подразделений не должно быть более двух). Так же может быть организована центральная база обучения с кубинскими инструкторами, привлекаемыми по мере необходимости.

Мы склоняемся ко второму варианту по политическим и военным причинам. Военным, потому что гарантируем руководство в соответствии с нашей концепцией партизанской войны (которую мы считаем правильной); политическим, потому что наши успехи могут рассеять атмосферу недоверия к иностранным войскам из-за религиозных, культурных и т.п. различий, и позволят нам лучше контролировать наши элементы. Разделение может спровоцировать конфликты из-за отсутствия понимания конголезской действительности, что под нашим командованием, будет сведено к минимуму.

Мы могли бы реализовывать некоторую дополнительную (и необходимую) работу, такую как создание плана обучения боевых соединений, вклад в дело формирования Генерального Штаба, организации здравоохранения и военной санитарии, а так же другие задания, которые нам поручат.

Наша оценка военной ситуации: Нынче настойчиво говорят про захват Альбервиля: считаем, что в настоящий момент эта задача намного превышает наши возможности и силы по следующим причинам:

1. Мы не способны выбить противника из пунктов, встроенных в нашу естественную систему защиты (эти горы)
2. Мы не имеем достаточного опыта для такой масштабной попытки, предусматривающей мобилизацию множества боевых единиц, - по крайней мере, до уровня батальона, - и синхронизации их действий с верховным командованием.
3. Мы не имеем достаточной военной экипировки и оружия для акции такого масштаба.

Альбервиль должен пасть в результате постепенных и постоянных действий, может быть, уместней сказать, что враг откажется от него из-за слишком высокой цены. Сначала мы должны снизить его боевой дух, - сегодня ещё относительно высокий, - посредством систематических атак на вражеские коммуникации и укрепления; с помощью этой тактики необходимо уничтожить или заставить противника вывести войска из Кабимбы, Фронта Форс, Люлимбы и т.д., комбинируя её с фронтальными атаками там, где баланс сил склоняется в нашу пользу; угрожать всем дорогам, ведущим в Альбервиль, осуществлять здесь саботажные акции и засады, частые и парализующие экономику; только затем должен последовать захват Альбервиля.

По причинам, которые раскрываются в другом докладе, ознакомившись с результатами разведки, я думаю, что наиболее подходящим пунктом для начала операций, является Катенга.

Причины, которые я могу привести сегодня в пользу этого довода, следующие:

1. Гарнизон Катенги является относительно небольшим.
2. Есть возможность (как мы считаем) лишить противника материального обеспечения, поскольку его линии снабжения идут параллельно горам.
3. Падение и занятие Катенги нашими силами приведут к изоляции Люлимбы, этих дверей в Касенго».

После этого письма, я отправил отчёт о разведке области Катенги, анализ ситуации и рекомендации по атаке. В этот момент можно было относительно легко атаковать Катенгу, поскольку, из-за отсутствия активности наших сил, противник практически не осуществлял надзор за этой областью.

7. Провал

Заместители утонувшего Митудиди направились в Кигому, а некоторые, - такие как товарищ Мутеба, получивший моё письмо к Кабиле, - более никогда не появлялись на конголезском театре военных действий.

Хаос вновь стал полновластным хозяином на базе, и теперь он был почти сознательным, как будто люди пытались наверстать упущенное во время правления Митудиди. Последовали новые приказы и распоряжения, не несущие даже малейшего следа рациональности. Кубинцы вынуждены были взяться за обслуживание зенитных пулемётов, которыми был усеян берег озера, тем самым приговорив себя к долгому бездействию. Учитывая отсутствие дисциплины, не было никакой надежды на защиту базы от авиационных атак с помощью конголезских пулемётчиков, которые не знали как обращаться со своим оружием и не хотели учиться этому (что мы наблюдали, за редким исключением, в течение всего нашего пребывания в Конго); когда начинались налёты, они просто убегали, не заботясь об оставленных орудиях. Эти пулемёты исполняли роль защиты от вражеской авиации, нота, укомплектованная наёмниками, после одной или двух стычек, не имела больше интереса ввязываться в бой, и расстреливала и бомбардировала зоны, где не было никакой противовоздушной обороны. Несмотря на всё это, я считаю, что, бросив на обслуживание пулемётов кубинцев, мы попусту растрачивали свои боевые силы, поскольку вражеские атаки была неэффективны: всего четыре Т-28 и два В-26 исполняли эту задачу.

Продолжались трудности и на Главной Базе: за отсутствием учеников, обещанных Митудиди, но так никогда и не прибывших, мы наблюдали круговорот представителей далёких партизанских отрядов, увозивших полученное с другой стороны озера оружие и амуницию, которое всё равно будет промотано безо всякой пользы, потеряно или сломано, и заботились о множестве товарищей, поражённых конголезской лихорадкой. В середине июня приехал Мунданди¹; вместе с ним прибыли несколько писем от Кабила. В послании от 16 числа этого месяца он писал следующее:

«Товарищ, я прочитал доклад, переданный брату Мутеба для моего ознакомления. Я уже говорил вам, товарищ, что хочу начать организацию засад, Мунданди переговорит с вами об этом. Я даю разрешение на то, чтобы полсотни кубинцев приняли участие в атаке 25 июня в ранге бойцов под руководством Мунданди.

Вы революционер, и должны стойко переносить все трудности, который имеются здесь, поскольку за одной преградой следует другая. Вы так же можете отправить в Кабимбу десяток человек. С братским салютом, Кабила.

Постскриптум: Я оценил план, посвящённый Бандере, который мне передал Нандо. Мы видим ситуацию почти так же; наберитесь мужества и терпения. Я знаю, что вы испытываете дезорганизацию, но мы делаем всё, чтобы преодолеть её; всё это эффект отсутствия лидера. До свидания. Кабила».

Мы начали обсуждать с Мунданди, - поскольку Кабила, согласно посланию, дал добро на наше участие во взятии Бандеры, - план атаки, которой он должен командовать. Мунданди продемонстрировал нерешительность; у него не было никакого конкретного плана, только приказ атаковать 25 июня. Я спросил, почему избрана эта дата, но он так же не смог ответить. Мы изложили ему наш план, согласно которому необходимо атаковать не саму Бандеру, а маленькую деревню Катенгу, расположенную в нескольких километрах от этого пункта, дабы отвлечь сюда вражеские силы и уничтожить их прямо на трассе. Однако Мунданди не сказал ни да, ни нет. Он казался несчастным, на которого была возложена непосильная задача; в некотором смысле так и было, но здесь имелаась и достаточно большая доза лицемерия.

Очевидно, между собой Мунданди и Кабила решили атаковать Фронт Форс, уверенные в том, что внезапное нападение может привести к крупномасштабной победе над вражеской армией. Я же опасался за жизни кубинцев и участвовавших в акции руандийцев, которые должны были быть брошены в лобовую атаку на неизвестные позиции, оборудованные окопами, естественными укрытиями и тяжёлыми орудиями. Первой моей реакцией было решение лично участвовать в операции; Кабила тем временем заявлял, что наши люди должны подчиняться приказам Мунданди, тем самым тонко отклоняя одно из моих предложений, которое заключалось в том, чтобы кубинцы возглавляли тактические операции, в которых участвуют смешанные силы. Я решил, что не это самое важное, рассчитывая, что мой авторитет поможет навязать продуманные решения в непредсказуемых дискуссиях, поскольку Мунданди знал, кто я такой и, казалось, уважал меня, поэтому я написал Кабиле небольшую записку, в которой сообщил следующее:

«Дорогой товарищ,

Спасибо за ваше письмо. Я могу заверить вас, что моё нетерпение связано с тем, что я человек действия; речь не идёт ни о какой пустой критике. Я могу понять ваше положение, потому что лично находился в аналогичных условиях.

Я так же жду с нетерпением вашего приезда, потому что считаю вас старым другом и должен вам кое-что объяснить. В то же время я безоговорочно подчиняюсь вашим приказам.

Согласно вашим распоряжениям, кубинцы завтра идут на Фронт Форс; к сожалению, многие из них больны, и численность их будет немного ниже (40 человек). В Кабимбе уже есть четверо наших товарищей. По мере того, как придут другие, мы отошлём их туда.

Я прошу вас об одолжении: дать мне разрешение на выезд на Фронт Форс, не иначе как в качестве политического комиссара моих собственных товарищей, полностью находящегося под командованием товарища Мунданди. Я только что говорил с ним, и он согласился. Я думаю,

что это может быть полезным. Я мог бы вернуться через три или четыре дня после получения вызова от вас.

С наилучшими пожеланиями, Тату».

Действительно, мы обсудили с Мунданди возможность моего участия, и он, по крайней мере, на словах согласился на это, но я подчеркнул, что он должен отдать необходимые приказы, не дожидаясь ответа Кабила, подозревая, что он будет отрицательным.

Ответ пришёл через несколько дней, и он не был отрицательным; скорее, Кабила уходил от ответа. Ещё было время, чтобы написать ещё одно письмо, откровенно спросив, да или нет; письмо, которое уже не допустит никаких туманностей,... и которое просто осталось без ответа, поэтому я и не поехал на Фронт Форс.

В назначенный день бойцы ушли. Их численность не достигала заявленных четырёх десятков; только 36 кубинцев выдвинулись с базы, но немногим после мы отправили туда ещё семерых, так что всего в акции участвовало 43 наших бойца. Вскоре пришло известие, что все идёт прекрасно, но атака отложена, - Мунданди просто ещё не прибыл туда. Кроме того, кубинские товарищи послали запрос, требуя выслать какого-нибудь медика; запрос, который мы в этот момент могли удовлетворить, поскольку только что прибыла группа из 39 кубинцев, среди которых было три врача – хирург, ортопед и клинический доктор.

Первый доклад о схватке гласил следующее:

«Тату или Куми; в пять часов сегодняшнего дня, 29 июня 1965, началась атака. Мы в порядке, кажется, что в Катенге идёт наступление, там присутствуют пятеро наших товарищей, Нане, лидер группы, и два руандийских товарища.

Родина или смерть!

Моя»

И далее:

«Сейчас половина восьмого, всё идёт хорошо, люди очень довольны, держатся отлично. Всё началось в назначенное время, мы открыли артиллерийский и миномётный огонь.

После будет прислано больше сведений».

Но одновременно с этим посланием пришли тревожные вести о двух десятках мёртвых, об убитых кубинцах, о раненых, что заставило меня думать, что не всё идёт так хорошо; ранее я получил записку, в которой незадолго до атаки мне сообщили:

«Днём 29 мы начинаем дело на Фронте Форс; нет никакой возможности убедить командующего; позже мы проинформируем вас по этому вопросу».

Товарищи Мбили и Моя вели долгие дискуссии, для того, чтобы убедить команданте Мунданди, что не надо вести атаку в той форме, которую запланировал он, но все доводы разбивались о его твёрдую позицию; он утверждал, что имеет приказы Кабила и будет их исполнять во что бы то ни стало. Позднее Кабила говорил, что не отдавал таких приказов.

Фронт Форс - Фронт Бандера был сосредоточен вокруг гидроэлектростанции, построенной на берегу реки Кимби. Водозабор находился практически в горах, где доминировали руандийцы; по долине (поскольку горы резко падают на плато бассейна реки Конго) шли линии электропередач. Посёлок был разделён на две части: старую, находившуюся перед ГЭС, и более современную, рядом с турбинным отсеком, где располагался военный городок с более восьмью десятками домов. Река Кимби выступала в качестве естественной защиты, и эта защита была подкреплена траншеями, расположение которых было изучено лишь поверхностно. Тут так же имелось поле для небольших самолётов. Было подсчитано, что здесь располагался батальон от 500 до 700 вражеских бойцов, а в четырёх километрах, на перекрёстке с трассой, которая вела в Альбервиль, дислоцировалась ещё одна военная группировка, сформированная специальными силами; утверждалось, что там находится Кадетская Школа или школа военной подготовки.

Единственное, чего смогли добиться от Мунданди, было то, что на основные участки боя он поставил кубинских руководителей. На схеме ниже вы можете увидеть примерный макет атаки, которая шла только через северный край, с засадами по обеим сторонам дороги Люлимба – Альбервиль. План был следующий:

Маленькая группа, возглавляемая Иширини атакует так называемую «колесницу», тоннель, снабжающий водой турбинный отсек. Внизу, пересекая реку Кимби, группа бойцов под руководством лейтенанта Ази, должна атаковать укрепленные позиции ближе к горам. В центре лейтенант Азима с группой руандийцев должен был штурмовать аэропорт, после чего идти на соединение с группой Ази. Перекрывать движение со стороны Люлимбы должен лейтенант Мафу со своей группой. Наиболее укрепленной позицией, с 75-мм пушкой и другим тяжёлым оружием, ведал лейтенант Инне, перекрывший подъездной путь со стороны Альбервиля. Командный пункт был расположен на другой стороне реки Кимби, в предгорьях, и там находились Мойя и Мунданди. Сначала планировалось обустроить два командных пункта, но потом решили, что будет лучше их объединить.

Этот план имел некоторые серьёзные недостатки: Инне должен был действовать в совершенно неизвестной зоне, поскольку не было проведено должной рекогносцировки. Мафу и Ази немного знали территорию. Азима сделал беглый осмотр с гор через бинокль. Для противодействия ожидавшемуся подкреплению со стороны Альбервиля, мы имели хорошо укрепленную засаду, однако установлена она была буквально наугад. Долго обсуждался с Мунданди вариант нанесения главного удара по Катенге; наконец, его удалось убедить в необходимости этого, и он отдал приказ об атаке капитану Салуму, но, как позже выяснилось, приказ был получен 30 числа, в то время как Мунданди отдал его 29.

На Фронте Форс всё происходило отнюдь не так, как об этом свидетельствовали первые оптимистичные доклады.

Иширини должен был выдвигаться вместе с двумя кубинцами и семерыми руандийцами с гранатомётами и винтовками; в их задачу входил обстрел «колесницы» для того, чтобы заставить замолчать пулемётное гнездо, после чего они должны были попытаться причинить вред силовой установке гидроэлектростанции, отключив свет на несколько минут. Однако, руандийские бойцы остались в паре километров от места действия и акцию осуществили только кубинцы. Чтобы дать представление о царившем беспорядке, я привожу полный отчёт лейтенанта Ази, отвечавшего за атаку через реку Кимби:

«Приготовившись исполнить миссию, я расположил миномёт, пушку и зенитный пулемёт, а так же станковые пулемёты на дистанции прямого огня по врагу, примерно в 300 метрах от него, за исключением миномёта, который находился в 500 метрах, и выдвинулся с 49 руандийцами и пятью кубинцами. Переправившись через реку, что происходило в 150 или 200 метрах от вражеского миномёта, и в 100 метрах от позиции неприятеля, по нам был открыт беглый огонь, который дезорганизовал руандийский отряд, и привёл к потерям пятерых бойцов, в результате чего их осталось 44. Я оперативно реорганизовал силы, разделив бойцов на три группы, в каждую из которых включил кубинцев: двое в моей группе и по одному в двух других. В три часа дня 29 числа позиции были уже заняты: одна располагалась в 25 метрах от врага, а другие чуть дальше. Мы слышали пулемётные выстрелы со стороны неприятеля. В пять часов, как и планировалось, открыли огонь пушек, миномётов, зенитных и наземных пулемётов, и продолжили атаку оружейной стрельбой по пехоте. Это дало результаты; стрельба продолжалась непрерывно до шести часов; к этому моменту на моём фронте было трое раненых. В семь часов на левом фланге не слышалось выстрелов наших войск. Сменив позицию, я продвинулся немного влево и заметил отсутствие здесь многих руандийцев; я вооружил двух кубинцев пулемётами, поменяв их винтовки; в итоге позицию обороняли Анчали, Ангалия и я, вместе с руандийским капитаном. В восемь сорок пять мы имели уже двух мёртвых руандийцев; я продвинулся влево, пытаясь найти Таньо чтобы передать сообщение Мойе, а в это время центральная и левая группа, включая и руандийских офицеров, по собственной инициативе покинули место боя. У меня остались 14 руандийцев, пропал кубинец Таньо, который был в центральной группе. Я послал первое сообщение Мойе через Ангалию. В десять часов у меня оставалось только четверо руандийцев, среди них один офицер. Держались мы до двенадцати часов, отступив на 25 метров, имея двух убитых и трёх раненых. Я послал ещё одно сообщение Мойе. Продержавшись таким образом до половины первого ночи, мы, переправившись реку, отступили на наши артиллерийские позиции. Прежде чем уйти, я попытался разыскать Таньо и Сита; никого из них не нашёл, и только позже

появился Сита. На артиллерийских позициях я получил приказ от Мойи убрать орудия и пулемёты и покинуть засаду, в случае если гвардейцы переправятся через реку. Мы удерживали этот пункт до 6 утра 30 июня, когда я получил приказ об общем отступлении. В засаде к тому моменту оставались одни кубинцы, - Анзали, Анчали, Агири, Абдалла, Альмари и Ази, и не было ни одного руандийца. Несмотря на приказы занять позиции, они ушли через горы к своему лагерю. Руандийские бойцы оставляли оружие и боеприпасы, совершенно не заботились о своих погибших.

Товарищ Азима получил приказ занять другую сторону реки (правый берег, в 500 метрах от нашего расположения) и выдвинулся вместе с Алак্রে, Аробо и 40 руандийцами. Ночью, когда они направлялись к позициям, руандийцы услышали шум, и заявив, что это слон, бросили на горе двух кубинцев, которые вынуждены были вернуться на командный пункт в шесть часов дня 29».

Всё это вполне укладывалось в тон всей операции, начавшейся с некоторым воодушевлением, - хотя ещё до первых выстрелов многие позиции были покинуты бойцами, - а затем завершившейся полным разгромом.

Товарищ Таньо, который появился спустя шесть дней, был ранен, и оставлен собственными товарищами-руандийцами; он всё-таки сумел подняться на гору, где встретил других руандийцев, бойцов патрульной группы. Вскоре он выздоровел и вновь включился в борьбу.

Для полноты картины, другой рапорт того же дня:

«Мы можем информировать, что весь фронт руандийцев отступил в беспорядке, оставляя оружие, боеприпасы, раненых и убитых, которые были собраны нашими товарищами, дожившими обо всём Мунданди.

Миссия товарища Инне, который был руководителем боевой команды, заключалась в том, что он должен был занять дорогу из Альбервиля в Форс, дабы избежать прибытия вражеского подкрепления. И согласно информации, которую мы имеем на данный момент, его группа так и не прибыла на место, потому что проводник признался, что потерялся, и товарищ Инне принял неправильное решение атаковать позицию, где, согласно сведениям наших руандийских товарищей, располагалась военная академия. С началом боя на месте остались только наши товарищи и несколько руандийцев, двое из которых были ранены, а другие убиты.

После начала сражения, товарищ Инне попросил руандийцев подготовить артиллерию, однако вышло так, что руандийцы, притащившие орудие, просто ушли в обратном направлении, к своему лагерю, бросив на месте снаряды и другие детали, которые затем были собраны нашими товарищами.

Узнав о смерти Инне, мы направили на место боя товарища Мбили с 20 бойцами в виде подкрепления, и одновременно для того, чтобы на месте ознакомиться со сложившимся положением. Добравшись до засадной позиции товарища Мафу, он встретил здесь Косамбала, Султана, Айили и других, которые входили в группу Инне. Оценив ситуацию, товарищ Мбили сообщил мне обо всём произошедшем и попросил ещё подкрепления, чтобы, - если я сочту это нужным, - направиться с этими людьми на трассу для организации новой засады. Всё это происходило около 18:00 29 числа.

Обсудив ситуацию с товарищем Мунданди, я заявил, что руандийцы не хотят идти в бой, из-за чего мы не имеем больше людей, чтобы организовать засаду на трассе, поскольку руандийцы, входившие в группу Инне, ушли на базу, между тем как 20 руандийцев, которые были посланы с товарищем Мбили, так же отказались сражаться. Бойцы засадной команды товарища Мафу в то же время находятся в очень тяжёлой ситуации, поэтому мы считаем нужным распорядиться, чтобы Мбили, оставив четверых или пятерых товарищей собирать трупы наших бойцов, вместе с остальными вернулся в контексте плана общего отступления ночью 30.06.65. К 4 часам ночи 30 июня на позициях продолжали сражаться только товарищ Ази и другие кубинские бойцы; рассмотрев их ситуацию, Мунданди принял решение об отступлении этой группы к близлежащим горам.

Другие проблемы, сопровождавшие операцию, описаны в деталях товарищем Мбили. Наш командный пункт, где находился Мунданди, располагался примерно в 800 метрах от фронта (реки) и здесь так же находились: Мойя, Мбили, Паулу, Саба и Анга.

Более здесь не было никого из кубинцев, поэтому мы считаем, что засады были укреплены всеми возможными силами, которыми мы вообще располагали и которые могли пустить в ход, учитывая существующую дистанцию.

В лагере фронта остались больные Бахаза и Ананане, которые не могли идти в бой.

Мойя».

Для товарища Инне операция была полна трудностей; он имел предварительные дискуссии с Мафу, предполагая действовать в засаде, а потом отступить, чтобы атаковать позиции противника, что и было предложено командованию. Не добившись одобрения, он продолжал настаивать на своей идее. С началом боя, шансы на прибытие в назначенный для засады пункт были невелики, так как проводник, впад в смертельный ужас, не сделал больше ни шага, и никто более не знал дороги. Инне решил атаковать позицию, которая в этот момент располагалась напротив, а именно военную академию, и был встречен сильным огнём тяжёлого оружия. По словам очевидцев, вскоре пуля настигла и самого Инне, а его место за пулемётом занял Кавакава, который был убит миномётным снарядом; другие два товарища получили лёгкие ранения и отступили. Разведчик, отправленный затем на место схватки, нашёл так же труп Телатини; товарищ Анзуруме исчез и посчитался погибшим. Атака захлебнулась за 200 метров до позиций неприятеля, в зоне, прекрасно им контролируемой. Помимо четырёх кубинских товарищей, погибло, по крайней мере, 14 руандийцев, среди них брат команданте Мунданди; мы не смогли определить точное количество, потому что учёт руандийцев был крайне плохо поставлен.

В этой горемычной акции большая часть вины лежала на кубинском руководителе; товарищ Инне, недооценив противника, преисполненный неоспоримого мужества и горящий желанием исполнить свой моральный долг, хотя и противоречащий его конкретной миссии, пошёл в лобовую атаку, погибнув вместе с другими бойцами и оставив открытым путь на Альбервиль, по которому должно было придти вражеское подкрепление.

Перед началом боя, предвосхищая негативное развитие ситуации, всем товарищам было приказано оставить документы и бумаги, которые могли бы послужить их идентификации. Это было сделано, но бойцы группы Инне хранили в рюкзаках некоторые документы, поскольку они рассчитывали оставить свои вещи в стороне, а уже затем вступить в бой в засаде. С началом схватки они уже никуда не могли подевать свои рюкзаки, и в одном из них врагами был найден дневник, благодаря которому стало известно, что в атаке участвовали кубинцы. Противник не знал, что здесь погибло четверо наших товарищей, поскольку все местные газеты говорили только о двух мёртвых кубинцах.

Количество оружия и боеприпасов, брошенных в ходе бегства, было огромным, но, так как не было предварительного учёта, его нельзя подсчитать; раненые так же были оставлены на произвол судьбы, и, конечно же, были брошены мёртвые.

Между тем, что же случилось в Катенге?

Здесь в атаке участвовало 160 конголезцев, использующих менее эффективное оружие, нежели то, что было у руандийцев, поскольку самыми полезными здесь были автоматы и гранатомёты малой дальности. Фактор внезапности был упущен, так как, по причинам, которые Мунданди не объяснил, приказ на атаку был получен днём позже, - 30 июня, - когда вражеская авиация летала над всем регионом и защитники его, логически, были уже начеку.

Из 160 бойцов, 60 дезертировали ещё до начала боя, а многие другие не сделали ни одного выстрела. В назначенное время конголезцы открыли огонь по казармам, стреляя почти всегда в воздух, поскольку большинство из них закрывали глаза и давили на спусковой механизм до тех пор, пока не кончались патроны. Враг отвечал метким миномётным огнём, вызвав несколько жертв и спровоцировав мгновенное и повальное бегство.

Потери составляли 4 убитых и 14 раненых; эти последние в ходе отступления, проходившего в беспорядке, бежали охваченные смертельным ужасом. В первый момент конголезцы связывали поражение с тем, что колдовство шамана было неэффективным и он дал им плохую «дава»; они пытались оправдать себя, обвиняя во всём женщин и страх, но там не было никаких женщин и не все (кроме некоторых самых искренних) были готовы признать свою трусость. Колдун был заменён: большая часть работы команданте Калихте, шефа этой группировки, была посвящена

поиску нового «муганга»² с соответствующими характеристиками, для чего он оббегал всю область.

Результатом этой двойной атаки была очень сильная деморализация среди конголезцев и руандийцев, но не только среди них. Кубинцы так же были сильно подавлены; каждый из наших товарищей имел печальный опыт лицезреть, как войска, которые должны идти в атаку, растворяются в первые минуты боя; как отличное оружие бросается повсюду для того, чтобы бежать быстрее; они так же наблюдали отсутствие товарищества между ними, когда раненые бросались на произвол судьбы; ужас, который обуял солдат и лёгкость, с которой они разбежались, игнорируя любые приказы. В этой гонке часто пример быстроты подавали офицеры, и даже политические комиссары (настоящая язва Освободительной Армии, о которой мы поговорим позже). Тяжёлые орудия обслуживались, в основном, кубинцами и были спасены практически все; пулемёты типа FM и DP, находившиеся в руках руандийцев, были частью потеряны, так же как и винтовки всех типов и боеприпасы.

В дни последовавшие за атакой, большое количество солдат дезертировало или попросило отвода. Мунданди написал мне длинное письмо, исполненное, как всегда, в духе героического сказания, в котором посетовал на гибель своего брата, но заявил, что он умер только после того, как сумел уничтожить грузовик, полный солдат (очевидная чушь, так как на месте боя не было ни одного грузовика). Ему причиняла боль потеря некоторых наиболее крепких кадров из его группы, и он очень возмущался тем, что Генеральный Штаб находился в Кигоме в тот момент, когда люди сражались и жертвовали собой в Конго. Он возвестил, между прочим, что две трети войска противника было уничтожено; данные, которые не могли иметь никакого надёжного подтверждения, и которые, конечно же, оказались ложными. Отвечая своему духу фантазёрства, он не мог прекратить выдвигать подобные утверждения, пока не извинился за собственные слабости.

Словом, Мунданди признавался в том, что он полностью упал духом. Я должен был отправить ему ответ, наполненный советами и анализом ситуации, стараясь ободрить его. Его письма были ничем иным, как первыми ласточками разложения, которое охватит потом всю Освободительную Армию, и вовлечёт в орбиту своего влияния и кубинские войска.

30 июня, когда уже начался бой на Фронте Форс, но из-за расстояния мы не имели новостей о нём, я записал в своём дневнике следующий баланс за месяц:

«Это самый худший баланс на сегодняшний день. Когда всё, казалось, указывает на то, что мы начинаем новую эру, произошла смерть Митудиди, и тучи сгустились ещё плотнее. Исход в сторону Кигомы продолжается, Кабила объявлял о своём возвращении уже неоднократно, но так и не приехал; дезорганизация тотальная.

Положительным фактом является то, что люди отправились на фронт, но негативным является сообщение о предстоящей атаке, которая может стать сумасбродной затеей или абсолютно неэффективной и лишь поднимет тревогу в лагере Чомбе.

Остаётся ряд вопросов без ответов: какой будет деятельность, которую задумал Кабила для нас и особенно для меня? Одним словом, как будет вести себя человек в этой ситуации? Будет ли он способен оценить ситуацию и положить конец хаосу, в котором всё пребывает здесь? Пока мы не увиделись, нельзя ни о чём гадать, но, по крайней мере, по поводу первого вопроса есть большая вероятность, что он не выскажет ни малейшего удовольствия от моего присутствия. Не ясно, страх ли это, ревность или обида, нанесённая способом моего прибытия».

В эти дни было написано письмо Пабло Ривальте, послу в Танзании, и, среди прочего, я передал ему инструкции для уведомления Правительства о моём присутствии здесь, принёс свои извинения за метод моего тайного вояжа и объяснил затруднения, которые происходят потому, что Кабила отсутствует сейчас в Конго, отметив, что участие в борьбе в Африке является только моим личным решением, а не идеей кубинского Правительства. Курьер, взявший письмо, должен был перед этим поговорить с Кабилой в Кигоме, чтобы выяснить его мнение. Тот, зная мои намерения, наотрез отказался что-либо говорить, объяснив, что поговорит со мной, когда приедет в Конго

1. Мунданди – Боец руандийского происхождения, командующий группой соотечественников, действующей на Фронте Форс.

2. Муганга – обычно этим термином на суахили обозначают либо западных докторов, либо, как в данном случае, местных шаманов и знахарей.

8. Падающая звезда

Не менее четырёх различных сообщений, письменных и устных, получил я от Кабилы до его приезда. Я уже совершенно не доверял им, несмотря на заявления уделить больше внимания проблемам, которые волнуют меня больше всего.

Мунданди так же писал мне письма, и с каждым разом одно становилось критичнее другого. Он валил всю ответственность за провал на конголезцев: из-за отсутствия у них боевого духа, он остался без людей для того, чтобы сделать Революцию в Руанде; все его кадры погибли; он думал только достичь Альбервиля, а затем повернуть в Руанду, но теперь, конечно, у него не осталось бойцов и это будет сделать невозможно и т.д.

Мы пытались осуществить небольшие маневры на Фронте Форс, такие как организация разведывательных патрулей, дабы узнать больше о месторасположении противника и собрать раненых, которые могли бы быть брошенными своими товарищами, поскольку никто не знал точного количества пропавших, но всё это было бесполезно: руандийцы отказались спускаться дальше последних горных склонов. На наши жалобы Мунданди ответил, что это был политический вопрос; его люди были обескуражены малым взаимодействием со стороны конголезцев, и поэтому отказывались действовать.

Было трудно понять эти заявления, поскольку одной из его забот было держаться подальше от конголезских войск. Он взял на себя инициативу действия и потерпел поражение; он мог бы винить в этом нас, но, в любом случае, сваливать ответственность на конголезцев было неправильно, так как Мунданди сам избегал всяких контактов с ними.

Продолжали поступать раненые из Катенги и Фронта Форс, мало помалу привозимые крестьянами, поскольку революционные бойцы так же не были готовы к «испытанию» нести человека на импровизированных носилках по крутым горным тропам.

Я вновь попытался обсудить сложившуюся ситуацию с ответственными лицами. В этот момент таким лицом был майор Касали; мне не удалось с ним встретиться, потому что у него «болела голова», но он прислал товарища Киве, - нашего старого знакомого, - чтобы он, выслушав меня, передал мои соображения в Кигому.

Очень немного было такого, чего я хотел сказать:

А) Что делать с 40 прибывшими кубинскими новобранцами? Куда их послать?

Б) Я вновь выказал недовольство той формой, в которой была осуществлена атака на Бендеру.

В то же время я передал маленькое письмо Кабиле, в котором объяснил, что необходимость моего присутствия на фронте растёт с каждым днём.

Действительно, ощущались первые симптомы разложения в нашем войске; уже в течение отступления с Фронта Форс некоторые товарищи провозгласили, что с такими людьми они больше в бой не пойдут, и вообще выйдут из борьбы; ходили слухи, что некоторые из них начали подумывать о том, чтобы покинуть Конго. Поддержание боевого духа было одной из главных моих забот. Я потребовал в письме скорейшего ответа, но не получил его. Я отправил новое письмо через политкомиссара Альфреда, сделав в нём анализ поражения, а так же другие замечания:

Не было осуществлено никакой координации атак; группа Фронта Форс атаковала 29 числа, а группа Катенги 30-ого, но руандиец Мунданди не единственный виновник этого, поскольку и на другом, конголезском фронте так же не было сделано ничего. *(Необходимо было настаивать на этой точке зрения, потому что ситуация, в которой находились руандийцы была очень странной: с одной стороны, к ним выказывалось больше уважения и доверия, нежели к*

конголезцам, а с другой – именно на них валили всю вину за поражение. Обе стороны, - и конголезская и руандийская, - так сказать, оставляли самокритику дома, и, выходя на словесное ристалище, осыпали друг друга невероятными оскорблениями. Жаль, что эта энергия использовалась не в борьбе против врага. Мунданди сообщил мне, что команданте Калихте¹ дошёл до того, что однажды попытался выстрелить в него, но я не в курсе этого дела. Реальность же такова, что и тот и другой действовали одинаково неэффективно). Я рекомендовал сформировать единое командование на всех фронтах, дабы попытаться унифицировать действия, а так же посоветовал включить в этот единый штаб некоторых кубинцев. Как мы отмечали, из-за конфликтов между бойцами и командующими порой не удаётся передать от одной группы к другой даже ящика с патронами. Ещё раз я указал на необходимость моего присутствия на фронте.

Я поднялся на Главную Базу чтобы объяснить причины поражения нашим товарищам и сделать серьёзное внушение новобранцам. Мой анализ наших ошибок был таков:

Во-первых, мы недооценили бойцов противника. Думая, что они имеют те же характеристики, что и восставшие, выступавшие против них, мы пошли в атаку с открытой грудью, с моралью будущих победителей, не учитывая тот факт, что это люди, получившие достаточное военное обучение, готовые к бою, и, видимо, уже бывшие начеку.

Во-вторых, отсутствие дисциплины. Я экспрессивно выразился о необходимости жёсткой дисциплины. Как бы это не было больно, необходимо подвергнуть критике действия погибшего Инне, героические, но одновременно и вредные, потому что они привели к смерти не только трёх кубинцев, но и более десятка руандийцев.

В-третьих, упадок боевого духа. Необходимо было сохранить боевой дух на высоте; я уделил много внимание этому пункту.

Я подверг публичной критике товарища Азима, который допустил несколько пораженческих высказываний и ясно поведал о том, что нас ожидает: не только голод, свинец, страдания всех видов, но и, порой, возможность умереть от пуль своих же собственных товарищей, которые не имеют никаких навыков стрельбы. Борьба будет очень трудной и долгой. Я сделал это замечание потому, что был готов в этот момент согласиться с тем, что прибывшие новобранцы, подверженные сомнениям, могут вернуться, если пожелают; потом этого сделать будет невозможно. Тон мой был твёрдый и нёс ясный предупредительный характер. Ни один из новичков не продемонстрировал признаков слабости, однако, к моему удивлению, трое из бойцов, которые участвовали в атаке на Фронте Бендеры, решили покинуть страну; в довершении всех бед, один из них принадлежал к нашей партии. Их псевдонимы: Абдалла, Анзали и Анга.

Я упрекнул их за подобные действия и предупредил, что буду просить применить жёсткие санкции против них. Я не имел никаких обязательств перед ними, потому что предлагал уехать только новым солдатам. Тем не менее, я обещал отпустить их в будущем, не конкретизируя и не уточняя своих слов.

К моему удивлению и большому разочарованию, товарищ Ситаини, который сопровождал меня ещё со времён революционной войны в Сьерра-Маэстре, и который был моим помощником в течение 6 лет, так же выразил желание вернуться на Кубу. Сей факт был ещё более болезненный, потому что он использовал для своего оправдания мелочные аргументы, делая вид, что не знает того, о чём толковали абсолютно все, предсказывая, что война в Конго в самом лучшем случае продлится не менее трёх лет, а в худшем – и все пять. Это утверждение постоянно повторялось везде и всегда, чтобы все знали о продолжительности и тяжести предстоящей борьбы, и Ситаини это знал лучше, чем кто-либо другой, поскольку он постоянно сопровождал меня. Я отказал ему в выезде, пытаясь дать понять, что это будет позором для всех нас; он был вынужден остаться благодаря близости ко мне. Он заявил, что у него нет выбора, кроме как согласиться, но он сделал это весьма неохотно и с этого момента превратился почти в живой труп. Он был болен, имел двустороннюю грыжу, и его состояние становилось всё хуже, что сделало необходимым и оправданным отказ от борьбы.

Моё настроение было достаточно пессимистичным в эти дни, но с некоторой радостью 7 июля я спустился к озеру, после того, как сообщили, что прибыл Кабила. Наконец-то главный руководитель присутствовал на фронте.

Он продемонстрировал доброжелательность, но в то же время был уклончив в своих словах. Я сказал о моём присутствии как о вещи, принятой по факту, и ограничился в объяснениях о мотивах моего приезда на конголезскую территорию без предварительного уведомления, которые уже много раз повторял. Я изложил ему намерение известить о себе правительство Танзании, но он ответил очень туманно, оставив этот вопрос на другой раз. С ним были два его наиболее ближайших помощника: товарищ Масенго, нынче руководитель Генерального Штаба, и министр иностранных дел Нбагира (сегодня имеется два министра иностранных дел, потому что самозванный президент Гбенье назначил собственного министра, Канзу). Кабила был бодр и спросил меня, что я намерен предпринять. Конечно, я ответил ему, заведя старую песню: я хочу ехать на фронт. Моей наиболее важной миссией, где я мог бы быть наиболее полезен, является подготовка кадров, а они готовятся во время войны, только на поле битвы, а не в тылах. Он высказался в том духе, что человек вроде меня, столь полезный для мировой Революции, должен быть осторожен. Я парировал, заметив, что не собираюсь сражаться на линии огня, но должен быть впереди вместе с солдатами, и имею достаточно боевого опыта, чтобы позаботиться о себе. Я не собираюсь искать подвигов, но буду исполнять конкретную задачу, которую считаю наиболее полезной для него, - Кабилы, - самого, поскольку в результате этой моей деятельности могут быть воспитаны эффективные и верные Революции кадры.

Он не ответил, но доброжелательно заявил мне, что мы совершим серию поездок; поедем вглубь страны, чтобы посетить все фронты. В качестве первого шага, этой же ночью мы должны были направиться в Кабимбу, дабы осмотреть регион действий. Но по какой-то причине в эту ночь мы не выехали, на следующий день так же оставались на месте, а ещё через день Кабила должен был провести какой-то митинг перед местными крестьянами, дабы озвучить им результаты Конференции в Каире и прояснить некоторые сомнения. Предварительно он послал Али с десятью бойцами для осуществления мелкой акции без особых претензий в зону Кабимбы. Лейтенант Кисва тем временем отправился в Увиру на разведку.

Был проведён митинг; это было весьма интересное зрелище. Кабила продемонстрировал обширные знания менталитета своего народа; живо и интересно изложил на суахили все особенности встречи в Каире и договорённости, достигнутые там. Он разговаривал с крестьянами, давая быстрые ответы, которые удовлетворяли людей. Всё закончилось небольшой вечеринкой, на которой сами участники митинга танцевали под музыку, распевая «Кабила э-э, Кабила а-а».

Деятельность Кабилы была интенсивной, казалось, он хотел наверстать упущенное время. Он планировал организовать оборону базы и, казалось, вдохнул энтузиазм во всех, меняя лицо этой зоны, поражённой отсутствием дисциплины и организации. Он спешно собрал 60 конголезцев, дал им трёх кубинских инструкторов и поставил задачу копания траншей и проведения уроков стрельбы, в то время как мы корректировали план защиты маленького горного полукруга, который окружал бухту, где мы находились.

11 июля, пять дней спустя после приезда, Кабила пришёл ко мне, чтобы сказать, что этой ночью он должен уехать в Кигому. Он объяснил, что Сумиало находится там, после чего резко раскритиковал президента за его организационные ошибки, демагогию, слабость. Согласно Кабиле, именно в тот момент, когда правительство Танзании по его просьбе упряло в тюрьму группу агентов Гбенье, - т.е. непосредственно пособников врага, - сеявших раздор внутри революционного лагеря, приехал Сумиало и освободил их. Он должен был обязательно прояснить функции Сумиало; ведь его назначили президентом, чтобы он путешествовал по Африке, объясняя суть Революции, и ни о чём более не думал, - поскольку его организационные способности равнялись нулю. Нужно провести чёткие границы между президентом и его подчинёнными. Кабила заявил, что должен получить последнее объяснение, поскольку действия Сумиало могут иметь катастрофические последствия для будущего Революции. Само собой, поездка продлится всего один день, и уже послезавтра он вернётся.

Он проболтался в ходе беседы, что Сумиало уже вернулся в Дар-эс-Салам и я спросил его с сарказмом, как он надеется пересечь озеро, поговорить с Сумиало в Дар-эс-Саламе, и ещё успеть вернуться на следующий день, но он ответил, что отъезд Сумиало из Кигомы ещё не подтверждён; если новость точна, он конечно поедет в столицу, но вернётся оттуда немедленно.

Когда вести о новом отъезде Кабилы стали известны, среди кубинцев и конголезцев в очередной раз установилось уныние. Наш медик Куми извлёк записку, в которой ещё ранее предсказал Кабиле семь дней пребывания в Конго, и он ошибся всего на два дня; Чанга, наш озерный «адмирал», метая молнии, вопрошал: «И для чего этот человек притащил сюда столько бутылок виски, если он собирался остаться здесь только на пять дней?».

Я не буду передавать возмущение конголезцев, поскольку непосредственно мне они ничего не говорили, но в том же гневном стиле они сообщали своё отношение к этому нашим товарищам.

Чёрная тень пала на Кабилу, и он не мог изменить эту ситуацию, не вернувшись немедленно. У нас был последний разговор, в котором я изложил эту проблему со всей элегантностью, на которую был способен; мы поговорили так же о некоторых других темах, и он исподволь, в своём стиле, поинтересовался, какой будет моя позиция в случае возможного разрыва с Сумиало. Я ответил, что приехал в Конго не для того, чтобы вмешиваться в вопросы внутренней политики; что это будет иметь катастрофические последствия, но, так как он послан Правительством в эту зону, мы постараемся быть лояльными ему и, в любом случае, будем лояльными Конго, и что, если у нас будут сомнения в его политической позиции, мы их честно ему изложим одними из первых; но, я подчеркнул, что война выигрывается на поле битвы, а не на тайных шабашах в тылу.

Мы говорили о будущих планах, и он признался мне, что надеется перевести базу на юг, к Кабимбе, и что он вынужден принять меры для того, чтобы оружие не распределялось в зонах, которыми руководят его политические враги. Я в ответ рассказал, что, на наш взгляд, Катанга является ключевым регионом Конго из-за своих природных богатств и что это пункт, где должна быть дана самая тяжёлая битва; мы согласны с этим, но мы не считаем, что можно решить проблему Конго в племенной или региональной форме; это национальная проблема и нужно понимать это, а с другой стороны, я внушал ему, что не так важно иметь верность определённого племени, сколько иметь верность революционных кадров, и для этого нужно создавать их и развивать их, и более того, мне необходимо отправиться для этого на фронт... (моя обычная песня...)

Мы попрощались, Кабила ушёл; на следующий день ритм базы, который благодаря его присутствию и динамизму начал ускоряться, ослабел. Солдаты, отправленные рыть траншеи, сообщили, что сегодня они не будут работать, потому что шефа нету; другие, которые строили госпиталь, покинули здание, и всё опять вернулось к прежнему спокойному ритму, тихому ритму провинциальной деревни, далёкой не только от всех опасностей войны, но и даже от жизни и деятельности нашего Генерального Штаба.

1. Калихте – конголезский командующий, руководитель фронта Макунго

9. Ветры востока и ветры запада

Было очевидно, что я должен сделать хоть что-то, чтобы остановить процесс разложения, начавшийся, как это не парадоксально, с единственной боевой операции, которую мы смогли увидеть на революционной территории с момента нашего приезда. После того, как первыми кубинцами были выражены намерения покинуть борьбу, подобные же высказывания последовали один за другим. Ещё два товарища выразили желание вернуться на Кубу, - Ачири и Ханзини, один из них член Партии, - а затем двое из новобранцев-медиков повторили те же требования; оба так же принадлежали к Партии. С врачами я был менее жёстким и более язвительным; они, как простые солдаты, отреагировали на сложившуюся ситуацию в более-менее примитивной форме.

Отбор, проведённый на Кубе, не был достаточно хорош, - это было очевидно, - однако очень трудно выстроить достойную селекцию в нынешних условиях Кубинской Революции. Не следует полагаться только на биографию человека; да, факты прошлого требуют уважения, но последующие годы удобной и комфортной жизни сильно меняют индивидуума. И потом, подавляющее большинство стало революционерами только благодаря революции. До сих пор для меня является загадкой, как осуществлять отбор такого типа ещё до крещения огнём; и думаю, что работа должна проводиться учитывая то, что никто не будет окончательно утверждён, пока не пойдёт испытание непосредственно в борьбе. Ибо реальность была такова, что первое серьёзное препятствие провоцировало внутри их рядов заметное разложение; некоторые товарищи пали духом и решили выйти из борьбы, в которую они вступили, - подчёркиваю, вступили в добровольном порядке, - готовые даже умереть в случае необходимости, окружённые поначалу ореолом отваги и охваченные духом самопожертвования, энтузиазма, одним словом непобедимости.

Что обозначает фраза: До смерти, если потребуется! (Hasta la muerte, si es necesario!). Ответ на этот вопрос связан с решением проблемы создания человека завтрашнего дня.

Руандийцы тем временем творили невероятные вещи: помощник Мунданди, по их словам, был ими же расстрелян; на самом деле, он был убит в жесточайшей форме. Тысячи гипотез циркулируют вокруг этого происшествия. Наименее положительная, - и я не хочу сказать, что она является истинной, - гласит, что здесь возникла проблема табуированного отношения с женщинами перед боем. В результате команданте Митчелл, солдат и крестьянин отправились в лучший мир. Обвинительный акт против этого командира заключался в том, что он снабдил плохой «давой» своих товарищей, поэтому виновен в смерти двадцати из них. Не было чётко объяснено, привела ли к смерти солдат непосредственно плохая «дава», или она не дала им достаточной защиты, или же те действия, которые были допущены во время её поиска вне лагеря (отношения с женщинами), свели на нет часть её магических свойств.

Этот факт имел связь с другими одновременными событиями, которые было бы хорошо понять: всё произошло после тяжёлого поражения, в котором главным виновным являлся Мунданди, но расстрелян был почему-то другой; в момент, когда руандийцы практически подняли бунт против Кабилы и высшего командования Освободительной Армии, решительно отказавшись от проведения любой военной операции, и не только дезертировали, но и, оставшись в своём лагере, заявляли, что пойдут в бой только после того, как увидят, что конголезцы делают то же самое. Если бы Кабила прибыл на встречу с ними, ему бы дали пищу без соли и чай без сахара, - то, что ели и пили они сами, - чтобы он понял, какие жертвы они несут ради борьбы (понятно, что это не несло никакой реальной угрозы, так как у Кабилы даже и в мыслях не было ехать в лагерь руандийцев).

Конголезский комиссар, который присутствовал на фронте в день казни, попытался вмешаться, но руандийцы просто перекрыли ему путь и заставили уйти из лагеря. Этот комиссар, - Альфред, - выразил свою реакцию на произошедшее следующим образом: или Мунданди будет расстрелян за убийство или он должен выйти из борьбы.

Некоторые руандийцы, близкие к нам, которых мы приняли в наше войско, скрепленное кубинской дисциплиной, подвергались нападкам и принимались с враждебностью собственными соотечественниками, что предвещало охлаждение отношений между нами или даже что похуже.

Я дискутировал с Масенго по поводу этих проблем, настаивая на том, что, на мой взгляд, было фундаментальным принципом: если мы хотим достичь успеха в борьбе, необходимо чтобы мы как можно больше интегрировались в Освободительное Движение, превращаясь, в глазах конголезских солдат, в одних из них. Вместо этого нас окружили руандийцами, которые не только были здесь иностранцами, но и очень ревниво сохраняли свой статус. Не меняя эту ситуацию, мы были приговорены оставаться в положении вечных приезжих. В ответ Масенго разрешил, чтобы некоторые из наших людей отправились к Калихто, чтобы помочь в исполнении его задач, что и было сделано немедленно.

Мое было поручено организовать новые акции с добровольцами, которых он мог бы найти, но при условии, что отряд будет смешанным; то есть с одинаковым количеством кубинцев и руандийцев. Мы обсудили с Мбили метод организации засады; моей целью было обучить новобранцев минимальному искусству войны такого типа, и поэтому, в виде дебюта, решено было атаковать только один автомобиль.

Это должно было быть сделано на дороге, которая вела из Фронта Форс в Альбервиль, в зоне, ранее изученной Ази, где были условия для размещения групп преследования или даже целой колонны, поскольку здесь имелись дремучие леса, расположенные на склонах гор, хотя необходимо было ещё организовать систему снабжения продовольствием.

Али приехал с Фронта Кабимбы и сообщил следующее: в ходе разведывательного рейда были обнаружены четверо полицейских, получивших задание сжечь лес на близлежащих склонах, что должно было облегчить видимость для врага. Были схвачены трое из них, а четвёртый убит. Из 20 конголезцев, которые были с Али в начале акции, 16 бежали; из четверых полицейских только один был вооружён; он то и был убит. И на этом фронте боевой дух и боевая готовность войск были ничем не лучше, нежели на Фронте Форс или Фронте Калихте .

Теперь руководителем базы Фронта Форс являлся капитан Закариас, который вместе с Мбили спустился в долину, чтобы осуществить акцию; сам Мунданди отправился на базу близ озера, окружённый большим количеством соотечественников. Его внешность казалась угрожающей, но на

самом деле он очень боялся и хотел обеспечить себе безопасный проход в Кигому для того, чтобы поговорить с Кабилой. Вскоре после он заболел (реально заболел) и взял обычный для здешних мест месячный отпуск в компании со своими верными товарищами.

Мунданди посетил меня, представ передо мной почти смиренным. Сначала мы говорили об общих проблемах провальной атаки, а после вернулись к конкретной теме случившегося убийства.

Он объяснил смерти этих товарищей в следующей манере: команданте Митчелл, уверенный в дружбе некоторых местных жителей, посвятил их в тайну атаки; среди них был один шпион, который передал информацию вражеской армии. Когда его товарищи узнали об этом, он (Мунданди) должен был расстрелять команданте. Поначалу он не согласился, но на общем совете оказался в меньшинстве и был вынужден исполнить решение большинства перед угрозой выхода многих бойцов из борьбы.

Я проанализировал с ним некоторые аспекты случившегося: во-первых, предательство, даже если бы оно имело место быть, не являлось источником поражения; подлинные причины проигрыша заключаются в той форме, в которой была осуществлена атака, в отсутствии руководства и самой концепции атаки. Конечно, я не мог избежать обвинения, которое могло быть предъявлено и нам за действия Инне. Приводя примеры из нашей революционной войны в Сьерра-Маэстре, я объяснил, что является крайне негативным факт зависимости командира от решений солдатских советов в случаях, вроде вышеприведённого, и что, в конце концов, революционная демократия не осуществляется в деле управления армиями. Нигде и никогда. Там же, где это пытаются делать, неизменно происходят поражения. Наконец, то, что команданте, член Освободительной Армии Конго, мог быть расстрелян безо всяких санкций Генерального Штаба, не говоря уже об отсутствии элементарного суда над ним, демонстрирует огромную недисциплинированность, полное отсутствие центральной власти. Мы все должны содействовать тому, чтобы подобные вещи не повторялись в будущем.

Когда я рассказал Масенго о беседе с Мунданди, он ответил, что при нём тот говорил совершенно иное, и что со мной он не был искренним, потому что, на самом деле, именно суеверия вызвали драму в руандийском лагере.

Он встретился с Мунданди на совещании командующих различных зон для обсуждения согласованных действий некоторых групп; там присутствовал сам Мунданди, заместитель Калихте капитан Салуму, оперативный руководитель зоны Физи товарищ Ламбер и несколько помощников.

Масенго, попавший в сети отсутствия единого командования, не мог выйти из тупика, где единственным вариантом было признать недостатки и сказать: «Теперь я здесь командую». Но он не сказал этого. Решение, которое он выдвинул, заключалось в сохранении независимости действий фронтов, и рекомендации, чтобы в будущем не происходили инциденты, подобные обсуждавшимся выше, что оставило проблему без решения и пошло против моего совета о необходимости формирования единого фронта под сильным руководством.

Меры принимались с обязательной демонстрацией силы, но затем, на практике, энтузиазм затухал. К примеру, Масенго имел список оружия, выданного различным фронтам, и никогда эта цифра не совпадала с информацией, предоставленной самими командующими фронтами. Никто не сомневался, что это оружие было доставлено на самом деле, но большая часть его пропадала во всепоглощающем болоте, которым эти фронты являлись. Была создана комиссия для возвращения оружия, принадлежащего дезертирам, которые в изобилии шлялись по всему региону. Они оставляли позиции, унося личное оружие, а после начинали «просить милостыню», используя в качестве аргумента убеждения винтовку. Говорилось даже о том, чтобы арестовывать родителей каждого такого субъекта, в случае если не удавалось арестовать его самого. Но, в конечном счёте, не было ни арестованных дезертиров, ни возвращённого оружия, и, насколько мне известно, ни одного посаженного в тюрьму крестьянского отца.

Я выразил своё намерение уехать в течение следующих дней на фронт, вызвав отрицательную реакцию Масенго, который продолжал повторять дутые доводы о моей личной безопасности. Атаковав его в лоб, я спросил, имеет ли он какие-нибудь сомнения насчёт меня, поскольку высказанные причины не являются вескими. Я потребовал, чтобы он был более откровенен: если он имеет что-то против меня, пусть говорит. Удар был достаточно прямой, и он отступил: мы договорились, что через пять или шесть дней, когда придёт отчёт от инспекторов, посланных в те места, мы совершим вместе поездку на фронт.

На самом деле, он действительно сомневался, по той простой причине, что ни Кабила, ни Масенго уже очень давно не посещали фронты, что вызывало наиболее яростную критику у бойцов. Тот факт, что руководитель экспедиционного кубинского корпуса может принять участие в жизни фронта, а ответственные за борьбу лица сидят в тылу, мог создать новые поводы для подозрительности. Я знал об этом, но, пренебрегая моим интересом самолично взглянуть на ситуацию, я так же считал, что нужно заставить конголезских командующих осуществить некоторые поездки по фронтам, дабы они могли напрямую ознакомиться с проблемами поставок и снабжения продовольствием, одеждой, лекарствами, боеприпасами и попытаться найти решение всех этих проблем.

В качестве прелюдии к предстоящей поездке, а так же для ознакомления со всеми аспектами региона, мы отправились на катере в Касиму, расположенную в 27 километрах к северу от Кибамбы. Здесь так же множились сцены недисциплинированности, которые постоянно сопровождали всю эту историю, хотя Масенго мог принять некоторые правильные решения, такие как замена командира, который провёл весь день прячась в близлежащих горах (боязнь самолётов), лейтенантом, исполнявшим роль его помощника. Наши люди, - четыре пулемётчика, - слегли с приступом лихорадки, и мы вынуждены были тащить их в Кибамбу для лечения.

Мы приближались к области политического влияния генерала Мулане и предубеждения против Масенго всё больше проявлялись здесь в деятельности бойцов и самого населения, неохотно подчиняющегося тому, кто олицетворял собой центральную власть.

Проплыв через эти воды, вскоре мы прибыли в другую деревню, называемую Карамба. Здесь мы наткнулись на один из самых оригинальных «барьеров»; он был составлен из группы руандийцев, независимых от Мунданди, с которым они вели борьбу такого политического и идеологического типа, чьи характеристики я даже не могу понять. Здесь была 75-миллиметровая безоткатная пушка, расположенная на холме; это было безумной глупостью, поскольку позиция не имела никакого стратегического значения, и единственное, на что было способно это орудие, так это потопить какую-нибудь лодку, проплывавшую поблизости. Они уже расстреляли свой боезапас, естественно, ни разу не поразив врага, поскольку артиллеристы не имели должной подготовки, а вражеские суда проплывали достаточно далеко, вне зоны досягаемости прямого огня пушки. Я рекомендовал перенести немедленно этот барьер в Кибамбу, где вообще не было ни пушек, ни даже их моделей для обучения людей, но, как обычно, мои пожелания были пропущены мимо ушей. Не то, чтобы Масенго не понимал этих вещей, просто у него не было достаточного авторитета, чтобы навязать свои решения, пойдя против устоявшихся обычаев. Оружие, попадавшее в руки группы, было священным, и единственный, кто мог его отобрать, - и делал это с относительной лёгкостью, - это враг.

Масенго хотел изменить ход событий агрессивными акциями, и он предложил мне осуществить атаку в Увире. Я должен был возражать против этой идеи ввиду того, что инспекция, направленная в этот пункт, продемонстрировала те же общие условия, тот же уровень элементарного невежества в методах борьбы, и полное отсутствие боевого духа у людей. Инспекторы, отправившиеся на разведку этой зоны, получили задание пересечь линию фронта и исследовать возможности засад с другой стороны маленькой деревни Увира, которая является конечной точкой озера Танганьика, где заканчиваются дороги, ведущие из Букаву и Буюмбура в Бурунди. Итак, нужно было просто пересечь вражеские линии и обосноваться на другой стороне деревни для того, чтобы нарушить коммуникации неприятеля. Учитывая огромные просторы Конго, эти проникновения делались очень легко, но, не только не было тех, кто отважился бы сопровождать наших разведчиков – им вообще запретили осуществлять рекогносцировку, мотивируя это тем, что они (конголезцы) сами готовят атаку, а действия разведчиков могли бы переполошить врага.

В те дни, когда происходили все эти события, мы получили известия из Дар-эс-Салама. Некоторые хорошие: с Кубы прибыло судно с продовольствием и оружием и 17 тысячами патронов к нашим винтовкам FAL; всё это должно вскоре прибыть сюда. Мне так же сообщили, что вся мировая пресса пестрит новостями о погибших в Конго кубинцах; посол в Танзании уговаривал конголезцев сделать официальное заявление, опровергающее факт нашего присутствия в стране. Мне это показалось не слишком умным, поскольку наше присутствие нельзя было скрыть, и единственно верным выходом сейчас могло быть только молчание; именно эту позицию я и довёл до Пабло Ривальты.

Вместе с письмом к послу и некоторыми другими сообщениями, в Танзанию отправились два товарища: Отто, болевший в течение долгого времени, и Ситани, чьё обострение двусторонней грыжи требовало медицинского вмешательства, что дало мне возможность решить неприятную

проблему, которую он создавал своим неохотным присутствием; я отпустил его на свободу. Это было для меня очень болезненным шагом, но наиболее верным решением. «Раскольники», вынужденные остаться против своей воли, действовали разлагающе, развивая негативную пропаганду, которая легко находила отклик в сердцах других товарищей. В этом случае болезнь являлась хорошим оправданием для удаления подобных элементов.

Через несколько дней уехал так же мой учитель по суахили Эрнест Илунга, который стал мне как младший брат; он пережил несколько эпилептических атак, и врачи высказали подозрение, что это могло стать следствием опухолевых процессов в нервных узлах. Масенго мне объяснил, что это не так, что это относительно простой случай элементарной порчи; местные целители вылечат его в Кигоме, куда он и отправился, вместо того, чтобы ехать в Дар-эс-Салам, где его по моей рекомендации мог бы осмотреть профессиональный врач, или, на худой конец, диагностик.

Согласно моим инструкциям, Мойя посетил фронт Калихте и прислал мне записку, приведённую ниже, которая проливает свет на различные аспекты, уже обсуждавшиеся здесь:

«Таму:

Я пишу тебе с фронта Козолело-Макунго, куда была послана группа из 10 человек, которые прибыли вчера днём, узнав об аресте одного гражданского, который был пойман с удостоверением правительства Чомбе конголезским патрулём в деревне на равнине.

Сегодня, 19 числа, я встретился с командующим Калихте, который лично допрашивал арестованного; тот заключён в деревне далеко от фронта и не мог видеть никого из кубинцев.

Согласно Калихте, заключённый сказал, что он был в тюрьме в Форс, когда там произошла атака, и что со стороны врага там было четверо убитых командиров и ещё двое в Катенге, не считая множества солдат. Что он не знает погибших командиров по именам, но что он лично видел их трупы. Что удостоверение, которое он имеет при себе, не является удостоверением солдата, но что такую бумажку дают всем, кто направляется в Альбервилль. Что в Ньянги, согласно его словам, имеется 25 гвардейцев, миномёт и пушка; расположено всё это на дороге, которая идёт в Макунго. Что тюрьма находится в километре от Форс в сторону Альбервиля, и там содержатся многие революционеры, участвовавшие в атаке, и что гвардейцы отобрали часы и ботинки у тех, кто их имел, и всё это было зарыто где-то неподалёку.

Команданте Калихте соглашается на то, чтобы некоторые из его людей были подготовлены к работе с миномётом, пушкой и противовоздушной артиллерией. Так как он и не имеет такого оружия, мы ждём возвращения капитана Закариаса (замещающего Мунданди), дабы перевести будущих курсантов на Фронт Форс¹. Уже сегодня вместе с товарищами, которые находятся на фронте в Макунго, мы начали проводить занятия с бойцами команданте Калихте; о Фауме² ничего не могу сказать. Через несколько дней мы дадим более детальную информацию о ситуации, что мы сделаем, отправив к вам, конечно же, кубинца с запечатанным конвертом.

Мойя».

Немного спустя, словно подул свежий ветер, пришла лучшая новость за все эти дни. Была реализована относительно успешная засада. Двадцать пять руандийцев и 25 кубинцев, под руководством, соответственно, капитана Закариаса и Мбили, - но на самом деле под полным руководством последнего, - осуществили вооружённую акцию.

Разведка Ази показала, что грузовики шли по дороге один за другим безо всякой охраны. 50 бойцов атаковали грузовик с пятью солдатами внутри. Султан выстрелил из своей базуки, после чего в течение следующих минут весь огонь был сосредоточен на автомобиле, в результате чего наёмники, - все негры, - превратились в решето. Только один из них имел при себе оружие, поскольку это был грузовик, перевозящий еду, сигареты и напитки. С точки зрения предварительного этапа подготовки перехода к более активным действиям, данная акция носила позитивный характер, однако несколько промахов испортили всё впечатление.

С первых же минут боя, руандийцы начали бежать назад, стреляя из своего оружия; это создало опасность для наших людей,двигающихся вперёд; в частности, товарищ Аробаини был ранен в руку, потеряв палец, раздробленный пулей, угодившей в кисть.

Два примера дают представление о всё ещё царящем в Конго примитивизме: капитан Закариас, узнав о ранении, вызванном беспорядочной стрельбой из винтовок, изучил рану и признал, что потеряны два пальца, решив применить к виновным принцип талиона; вытащив нож, он прямо там намеревался отрезать два пальца у одного бедняги-руандийца, если бы не вмешался Мбили, который очень тактично добился того, что стрелявший был прощён командиром. Другим показателем является поведение одного руандийского солдата, бежавшего назад, слышав первые выстрелы (которые по грузовику осуществляли кубинцы, так как собственно никакого боя не было). Один из наших людей, - так как каждого кубинца сопровождал руандиец, - попытался остановить его; он схватил его, но парень, объятый ужасом, дабы избавиться от агрессора, мешающего скрыться от опасности, сильнейшим образом укусил кубинца за руку.

Всё это демонстрировало длину пути, который мы должны были преодолеть, чтобы превратить в армию эту бесформенную массу людей. К сожалению, трагикомедия этой засады на этом не закончилась; после первых моментов ступора, руандийцы почувствовали себя триумфаторами, имеющими полное право взять самое ценное, что было в грузовике – бутылки пива и виски. Мбили попытался выгрузить продукты и разбить бутылки с алкоголем, но это было невозможно; спустя несколько часов, все бойцы были пьяны, покачиваясь перед изумлёнными взглядами наших людей, которым было строго запрещено прикасаться к алкоголю. После руандийцы собрали совет, на котором решили, что они больше не останутся здесь для проведения новых акций, как было ранее запланировано, а вернутся на базу; они уже сделали достаточно. Мбили, не желавший, из дипломатических побуждений, осуществлять дальнейшие операции, оставшись только с кубинцами, согласился. На обратном пути, пьяный капитан Закариас столкнулся с местным крестьянином и выстрелил в него, заявив, что тот является шпионом.

Самым любопытным из всех этих происшествий является то, что когда я объяснял Масенго опасность такого отношения к крестьянам, тот оправдывал Закариаса, потому что племя, живущее в той зоне, было враждебно настроено против Революции. То есть, люди не рассматривались по их личным качествам, а были причислены под одну гребёнку, согласно своему племенному происхождению, и очень трудно было выйти из этого тупика. Когда племя было дружественным, все его члены являлись друзьями, когда же оно было вражеским, происходило то же самое, но с обратным смыслом. Конечно, эти примитивные схемы кроме того что не позволяли развиваться Революции, являлись крайне опасными, поскольку, как позже было показано, некоторые члены дружественных племён являлись информаторами армии неприятеля, и, в конце концов, почти все они превратились в наших врагов.

Мы одержали первую победу, позволившую хоть как-то улучшить настроение после предыдущей неудачи, однако, в тот же момент, возникло множество вопросов, поднятых в связи с наблюдаемыми событиями, и я начал менять свои расчёты длительности революционной войны. Пять лет были очень оптимистичным сценарием для успешного завершения конголезской революции, если все должно основываться на развитии этих вооружённых групп и превращении их в зрелую Освободительную Армию. Если только что-нибудь не изменится в ходе войны, вероятность успеха с каждым днём всё более отдалялась.

1. Капитан Закариас отказался принять на своём фронте конголезцев, утверждая, что этот народ приходит в его лагерь, чтобы воровать.

2. Команданте Фауме, согласно нашим сведениям, отделился от Калихте, видимо, из-за разногласий между ними, и ушёл на равнины со множеством оружия. В этот момент, мы сфокусировали свои усилия на поиске надёжного человека среди конголезских лидеров, на которого можно было бы положиться.

10. Обрубая швартовые

Как обычно, в своём полевом дневнике я сделал анализ прошлого месяца (июля):

«...небольшое улучшение по сравнению с предыдущим месяцем. Кабила приехал, побыл пять дней и уехал; вокруг его персоны ходит масса слухов. Ему не нравится моё присутствие, но,

похоже, он теперь смирился с этим. Он промотал эти несколько дней, не заботясь ни о чём, кроме политических склок, кроме того, согласно всем признакам, он достаточно зависим от пьянства и женщин.

В военном плане, после катастрофы на Фронте Форс и почти провала в Катенге, было одержано несколько маленьких побед, которые можно записать на счёт революции; две небольшие акции в Кабимбе, засада на Фронте Форс и ещё одна засада в Катенге, сопровождавшаяся сожжением моста. С другой стороны, началось хоть какое-то обучение, а так же анонсируются поиски качественных людей на других фронтах. Сохраняется наихудший способ раздачи оружия - без порядка и конкретики. Мне кажется, что можно двигаться вперёд, хотя и очень медленно, и что есть шанс, что Кабила позволит мне начать делать хоть что-то. Пока я остаюсь, своего рода, иждивенцем».

Пришли новости о засаде в Катенге; парни просидели у дороги четыре дня и затем ушли, так и не дождавшись грузовика гвардейцев. Прежде чем отступить, они сожгли и разрушили мост. Именно к этой акции я обратился в своём анализе месяца.

Ужасным было то, что те же условия недисциплинированности и отсутствия боевого духа наблюдались и в этой зоне.

Ази приехал с Фронта Форс с 14 людьми, - все кубинцы, - чтобы найти еду, необходимую для новой попытки засады. С учётом условий региона, обязательным было запастись какую-либо пищу. Пропитание являлось одним из ключевых аспектов военных действий; в зоне, где стояли лагеря повстанцев, существовала возможность найти немного мяса и маниока, который являлся основным продуктом питания, но главные плантации этих клубней располагались на равнине, поскольку крестьяне культивировали его только там, где сами жили, и только бесчинства солдат противника заставили отказаться их от этого, укрывшись в негостеприимных горах. Чтобы найти маниок необходимо было проводить очень долгие разведывательные походы, связанные с некоторой опасностью. Эти рейды были начаты кубинцами, поскольку руандийцы систематически отказывались от них, утверждая, что высшее командование было просто обязано предоставлять им пищу. И вот наступали дни, когда уже еды не хватало. Тогда они отказывались посещать занятия по обращению с тяжелым оружием, или же уклонялись от осуществления каких-либо подготовительных работ, таких как организация противовоздушной защиты, рытьё траншей и т.д. Фраза, которую они использовали как клише для оправдания своего бездействия, - которую мы так же часто слышали в течение нашего пребывания в Конго, - была *harana chakula, harana travaille* – что-то вроде «нет еды – нет работы».

Трое новых товарищей – Сита, Саба и Баати, - потребовали возвращения на Кубу; мне было чрезмерно трудно разговаривать с ними; я отказался рассматривать их план отъезда, приказав в категорической форме оставаться на базе, исполняя обязанности по снабжению.

6 августа появилась новость об отстранении от должности Гбенье сторонниками президента Сумиало; через два дня приехал Масенго, чтобы сообщить, что уезжает в Кигому, вызванный Кабилой; он должен был вернуться назад на следующий день. Мы говорили обо всех внешних проблемах движения, и он отметил, что его крайне удивила новость об отстранении Гбенье решением части Революционного Совета, и что, по его мнению, Сумиало не имеет полномочий для принятия таких решений, и что он обсудит с Кабилой все эти аспекты, а позже лучше мне объяснит, что же произошло.

Масенго уехал и на следующий день «растворилась» группа, которая проходила обучение на озере. Это была та же группа, которая на следующий день после отъезда Кабилы потеряла в своём численном составе и моральном настрое; тогда все работы были приостановлены, наполовину вырытые окопы покинуты. Мы обнаружили этот кошмарный упадок боевого духа и организации, когда прозвучал сигнал тревоги после появления на озере маленькой лодки врага. Теперь мы не могли установить вторую линию обороны, как ранее планировалось, потому что у нас не было людей, а в первой линии отсутствовало несколько командиров взводов; ненадёжной была и линия траншей, либо выкопанных наполовину, либо вообще обрушившихся на головы тех немногих энтузиастов, которые оставались там. Но сейчас, когда уехал Масенго, группа вообще исчезла, растворившись в вавилонском столпотворении Кибамбы.

По новой начались склоки и драки, поскольку никто не признавал власти заместителей уехавших командиров. Иногда конфликты сопровождались появлением в руках спорящих огнестрельного

оружия или блестящих ножей. Однажды произошёл откровенно позорный случай, когда один из заместителей бежал от своих солдат, укрывшись в доме кубинцев; один из бойцов попросил у него риса, и, получив отказ, выхватил пистолет и начал угрожать, вынудив своего командира бежать в «крепость» кубинцев, которые, к счастью, всё ещё имели уважение среди конголезцев; думаю, что солдат получил свою порцию риса; в любом случае, к нему не было применено никаких дисциплинарных мер. Такой была ситуация деморализации и разложения, которая распространилась как только командиры уехали на совещание в Генеральный Штаб.

Чтобы избежать дурного влияния, я очистил базу от «полезных» кубинцев, оставив лишь тех, кто уже планировал свой отъезд на родину, артиллеристов у озера, больных и нескольких инструкторов. Я поставил перед собой цель подождать несколько дней, и, если за это время ничего не произойдёт, идти прямо на фронт, без дальнейших разрешений и прочей волокиты.

По тону некоторых новостей и бесед с различными товарищами, у меня сложилось нехорошее ощущение, вызванное часто повторяющимися фразами; в небольших рапортах, повествующих о военных акциях или разведывательных рейдах, наступал момент, когда, в связи с очередным провалом, товарищи объясняли: «конголезцы отказываются идти», «конголезцы то», «конголезцы сё» и т.д. Анализируя этот факт, а так же напряжённую ситуацию, которая сложилась между теми, кто намеревался оставить борьбу и теми, кто готов был сражаться, я составил «Послание к бойцам» для чтения на всех фронтах, где находились кубинские солдаты. Вихрь следующих месяцев и нестабильность моего положения, бросавшего меня из стороны в сторону, не позволяли повторить подобных обращений, хотя я не в курсе, имело ли вообще оно хоть какое-то влияние. Изложу здесь единственное из них, дающее представление о ситуации того момента и о моём взгляде на проблемы, которые нас окружали:

«Послание к бойцам»

Товарищи!

Некоторые из нас в эти дни отмечают четвёртый месяц пребывания на конголезской земле; считаю нужным сделать краткий анализ сложившейся ситуации.

Мы не можем сказать, что эта ситуация благоприятная; руководители движения большую часть своего времени проводят вне территорий борьбы, что может быть ещё понято в случае политических лидеров, но никак не военных кадров средней величины. Тем не менее, эти кадры часто путешествуют и неделями пребывают за рубежом, давая плохой пример своим подчинённым. Организационная работа практически равна нулю, именно потому, что военные кадры не работают, не знают как работать, и, кроме того, люди не особо доверяют им.

Местные главари шантажируют этих командующих, отвечающих за задачи, выдвинутые Генеральным Штабом, и получают оружие и амуницию, даже не продемонстрировав своё умение правильно с ними обращаться; всё больше оружия вручается людям, не имеющим подготовки и боевого духа, без чего организация никогда не продвинется вперёд. Это панорама дополняется недисциплинированностью и отсутствием духа самопожертвования, который является доминантной чертой любого партизанского движения. Естественно, с такими характеристиками войска не могут выиграть войну.

Можно только гадать, вносит ли наше присутствие нечто положительное в данную ситуацию. Думаю, что да; множество трудностей, постигших нас, - среди которых моё практически тюремное заключение в этом районе, - являются следствием ощутимой разницы между двумя военными контингентами и страхом конфронтации между нами и местными лидерами. Наша миссия состоит в том, чтобы помочь выиграть войну, и мы должны использовать эту негативную реакцию и превратить её в нечто позитивное. Для этого необходимо усилить нашу политическую работу. Необходимо своим примером продемонстрировать различия между нами и ними, но не вызывая ненависти у конголезских кадров, которые могут увидеть в нас зеркальное отображение всех своих недостатков.

Для этого необходимо, в первую очередь, стремиться установить подлинное революционное товарищество на базе, среди бойцов; именно отсюда выйдут завтрашние офицеры. В целом, мы имеем больше еды и лучшую одежду, нежели местные товарищи; нужно максимально делиться этим, но только с теми, кто демонстрирует революционный дух, содействуя его подъёму насколько это возможно. Наш опыт должен быть передан в той или иной форме бойцам; желание учить должно преобладать в нас, но не в педантичной манере, глядя свысока

на тех, кто ничего не знает, но заставляя чувствовать человеческое тепло тех, кто хочет обучаться. Революционная скромность должна направлять нашу политическую работу и должна стать нашим фундаментальным оружием, которое дополняется духом самопожертвования, который не только является примером для конголезских товарищей, но так же и для наиболее слабых из нас. Мы не должны никогда смотреть, является ли наша боевая позиция опасней, нежели другая или требовать себе чего-либо большего; подлинный революционер даёт больше, чем его просят. Наконец, мы не должны забывать, что мы не знаем даже минимально того, что должны знать; мы должны изучить Конго, чтобы более тесно связать свои судьбы с конголезскими товарищами, но так же нужно знать, что нам не хватает и общей культуры, и минимального искусства войны; не нужно считать себя мудрецами в военных вопросах, но и не нужно думать, что война – это единственное, что нам требуется знать.

Считаю нужным в конце обращения сделать два предупреждения:

1) Общение между товарищами: всем хорошо известно, что есть группа товарищей, не придающих никакого значения революционному слову, никоим образом не собирающихся оправдывать доверие, которое заключено в нём, и намеревающихся оставить борьбу. Этот факт не может быть оправдан, и я прошу применить максимально жёсткие моральные санкции к этим товарищам. Но мы не должны забывать другого: они не предатели, мы не должны смотреть на них с явным презрением. Понятно, что их действие является наиболее позорным из всех возможных, что может сделать революционер, но именно поэтому они и являются революционерами, чтобы быть раскритикованы, ибо, если бы они ими не были, они просто уехали бы, как и многие другие. Сегодня эти товарищи загнаны в угол и объединились между собой, дабы защититься и оправдать акт, который ещё не сделан. Ещё должны пройти месяцы; если стыд, который они конечно испытывают, - хотя и скрывают это, - будет сглажен товарищеским отношением к ним, мы сможем кого-нибудь спасти и кто-нибудь останется, чтобы разделить нашу судьбу, которая в тысячу раз лучше, - что бы не случилось, - судьбы перебежчика и дезертира. Не забывая о своих недостатках, мы обязаны дать им немного тепла; мы не должны заставлять их защищаться или заниматься самооправданием перед стеной холодного непонимания.

2) В некоторых докладах было отмечено, - прежде всего в отчётах о разведывательных рейдах, - презрение в отношении действий конголезских товарищей в бою. Это ведёт к двум проблемам: первая заключается в том, что конголезцы замечают это; наблюдая за беседами двух товарищей, - пусть даже они говорят и на незнакомом им языке, - они видят, с каким чувством те явно выражаются о них. Одна насмешка может испортить десятки позитивных действий. С другой стороны, конголезец может превратиться в козла отпущения; чувствуются симптомы, в которых преувеличивается пассивность конголезцев, что может послужить хорошим оправданием для того, чтобы не выполнять определённое задание. Наша основная функция заключается в военном обучении людей, и, если нет реального сближения, мы не сможем передать наши знания, которые не должны быть просто обучением методов убийства человека, но так же (и, прежде всего) обучением деятельности перед лицом страданий затяжной борьбы; этого можно достичь, если учитель способен предстать в качестве ролевой модели для учеников. Нельзя забывать, товарищи, что если какой ветеран нашей освободительной войны говорит, что он никогда не бегал от врага, можно смело плюнуть ему в лицо за враньё. Мы все бегали и все пережили чёрный период, когда боялись даже собственной тени; это неизбежный этап, который нужно помочь преодолеть, потому что, естественно, условия для развития сознания здесь гораздо сложнее, поскольку уровень развития значительно ниже, чем у нас в тот же период. Это послание должно быть обсуждено среди членов Партии, которые могут прислать мне любое своё предложение; после необходимо зачитать его товарищам и быстро сжечь; оно не должно попасть в чужие руки. В тех местах, где концентрируются товарищи, решившие оставить борьбу, послание читать не следует.

Всем революционный салют!

Тату, август 12/65»

После тех дней, что я был привязан к озеру, дожидаясь прибытия Масенго или Кабилы, которые так и не приехали, 16 числа я поднялся на Главную Базу, а 18 отправился на Фронт Форс, выйдя ранним утром и прибыв туда поздно ночью, после прогулки, казавшейся мне бесконечной по

плато, разделяющее эти пункты. Я немного чувствовал себя как преступник в бегах, но был полон решимости не возвращаться на базу ещё долгое время.

11. Разбрасывая семена

Не успел я прибыть на Фронт Форс и броситься на пол, чтобы дать отдых усталым ногам, как товарищи уже засыпали меня жалобами на деятельность руандийцев, прежде всего на капитана Закариаса, который практиковал такие процедуры, как физическое наказание бойцов, которые, без сомнения, могли убить любого. Однако для нас, кубинцев, приём был тёплым. Место, выбранное для лагеря, располагалось на краю горы, высившейся над холмами естественных пастбищ, которые, в этот сухой сезон, были абсолютно голыми. Днём температура была комфортной, но ночью было достаточно холодно, и спать можно было только с костром. Чтобы защититься от капризов погоды, я повалился на землю, усталую воловьей кожей, недалеко от огня; спал я хорошо, но практически сразу же был атакован одним из самых кровожадных зверей региона: «бируло» - вошью, которая живёт, в первую очередь, на одежде, что не удивительно, учитывая особенности региона с его холодной погодой и нулевой гигиеной.

С высоты нашего лагеря мы могли видеть селение Бендера с его электрическими установками. Внимательно рассмотрев местность, я осознал бессмысленность фронтальной атаки этой деревни; для нас, для наших сил, это был настоящий бастион.

С последними полученными новостями мы наконец составили общее представление о различных фронтах, которые формируют этот восточный сектор борьбы в Конго. Несмотря на то, что командованием было распространено много оружия, его фактическое количество, имевшееся в настоящий момент, было следующим:

В Увире около 350 винтовок, пушка, несколько зенитных пулемётов и миномёт.

В обширном регионе Физи, - включая сюда и Бараку, - можно было насчитать от одной до двух тысяч вооружённых людей, большая часть которых была разбросана по многочисленным селениям, несколько зенитных орудий, пушку и несколько миномётов.

Ламбер в Люлимбе мог рассчитывать, по нашим расчётам, на 150 винтовок, три зенитных орудия, одну пушку и два миномёта; на дороге в Кабамбаре стоял ещё один небольшой отряд Ламбера с 45 бойцами, вооружёнными винтовками и гранатомётами.

Далее, разбросанные на всём протяжении трассы, которая вела в Кабамбаре, имелись различные группы, в основном слабо вооружённые артиллерией и имевшие, так же в небольших количествах, винтовки; и так, согласно полученным данным, до самой Касенги. Так же в этой области власть Центрального Генерального Штаба не ставилась ни во что; один из наших людей стал свидетелем ссоры с посланником озера, в ходе которой местный «человек с равнин» сказал курьеру, что все они безоружны лишь потому, что те трусы, что спрятались в горах (намёк на Генштаб и его войска) забрали всё оружие с собой.

Между Люлимбой и Форс располагались некоторые отряды, о которых было мало что известно; в Калонда-Кибуйе, насколько известно, в эту эпоху было около 60 винтовок; у Мукунди около 150; у уже известного нам Фауме, - превратившегося в легенду, поскольку никто не мог его найти, - так же было 150 винтовок. Кроме того, две группировки находились в горах; Калихте обладал полутора сотнями винтовок; войско Мунданди выросло до 300 винтовок, трёх пулемётов, двух пушек и двух миномётов, однако теперь их число значительно уменьшилось из-за дезертирства, которое, по ставшему добрым обычаю, происходило вместе с оружием и экипировкой.

На юге, в Кибамбе, было 150 винтовок, два зенитных пулемёта, пушка и два миномёта. А побережье озера было обильно усыпано стрелковыми позициями, противозенитными орудиями, несколькими миномётами, находившимися в резерве, и пушкой, чьё местопребывание я описал ранее.

Пришли удовлетворительные новости о засаде, организованной Мбили. На этот раз добычи было больше, однако акция не была до конца исполнена из-за крестьян, ходивших по дороге; увидев странную группу вооружённых людей, они понеслись предупреждать вражеские силы, расположившиеся в нескольких километрах отсюда. Когда стало ясно, что крестьяне обнаружили

засадную команду, Мбили приказал всем быть начеку и усилить наблюдательные посты в направлении фронта Форс, готовясь, в случае, если не будет других инцидентов, изменить позицию ночью. Но в десять утра из Альбервиля приехал джип в сопровождении двух бронетранспортёров; тогда Султан, вооружённый гранатомётом, повредил первый броневик и полностью уничтожил его вторым выстрелом. Товарищ Афенде уничтожил джип выстрелом из базуки с расстояния десяти метров, что привело к тому, что сам Афенде и Алакре были ранены осколками снаряда. Товарищи из арьергарда тем временем уничтожили второй бронетранспортёр с помощью ручных гранат (это были бронированные транспортные средства с открытым верхом, несущие станковый пулемёт, в виде башенки, защищавшей стрелка, установленный за водительским и пассажирским сиденьями). Всего погибло семь человек, несколько из них были мутатами, что по мнению Мбили говорило об их североамериканском происхождении, однако, как позже мы узнали, это были бельгийцы. Когда засадная группа собрала добычу, к месту прибыли вражеские силы, шедшие со стороны Фронта Форс, предупреждённые, очевидно, крестьянами, и начали стрелять по задним рядам удаляющейся засадной команды. Необходимо было срочно отступать, и таким образом, не удалось забрать документы и оружие. Несколько бойцов было потеряно после первых же выстрелов, но потом они внезапно появились; только один руандиец не вернулся на базу. Империалистические СМИ, давшие верную информацию о гибели семи наёмников, говорили потом об одном убитом повстанце, так что логично предположить, что его сразила шальная пуля.

Было бы очень полезно заполучить документы, потому что, согласно информации от двух пленных, позже захваченных на дороге, убитые наёмники были ответственны за подготовку специальных планов для Фронта Форс, и, вероятно, разработали план общей атаки или же провели некоторые исследования сектора в этом направлении. Джип тащил за собой небольшой прицеп, содержимое которого точно неизвестно; это мог быть электрогенератор для радиостанции или же документы. Всё указывало на то, что в наши сети попала крупная рыба и бумаги, имеющиеся у наёмников, имели бы для нас неоценимое значение.

Как и в прошлый раз, руандийцы планировали тотчас же вернуться на базу ввиду отсутствия продовольствия, но получивший инструкции Мбили твёрдо сказал, что он останется со своими людьми (кубинцами), и наконец, после долгих совещаний, руандийцы так же решили остаться. Мы послали немного еды из своего лагеря, а так же им удалось убить слона, животное, весьма распространённое в этой местности, так что они не были изнурены голодом.

После традиционных совещаний, был избран новый пункт для организации второй засады. На этот раз в наши руки попали только два коммерсанта, передвигавшиеся на велосипедах с едой и двумя бутылками «помбе» (Мбили, памятуя об отвратительных сценах предыдущей акции, немедленно вылил жидкость). И вновь крестьяне обнаружили засаду и понеслись в сторону Фронта Форс, поэтому, единым решением, команда была снята и вернулась в лагерь. Перед отходом они попытались выстрелами из базуки снести опору линии электропередач, но попытка закончилась неудачей.

Я вышел встретить людей, которые карабкались по крутым склонам, преисполненные боевым духом, в приподнятом настроении; руандийцы на этот раз вели себя гораздо лучше, и, хотя настоящего боя не было, бельгийцы были застигнуты врасплох, многие руандийские бойцы остались на своих местах и участвовали в обстреле машин. Тогда я познакомился с капитаном Закариасом. Хотя эта первая беседа и не была добросердечной, позже отношения изменились. Как ранее говорилось, были захвачены два коммерсанта, одного из которых было предложено оставить в качестве заложника, а другого, - оба они были родственниками, - отправить работать с нами, дабы помочь установить некоторые контакты в Альбервиле. Но Закариас отказался поступить так, заявив, что они могут быть шпионами, и, в конечном счёте, коммерсанты были отправлены на базу близ озера, откуда попытались сбежать, найдя страшную смерть от рук своих же охранников.

Я послал новую записку Масенго, в которой подчеркнул необходимость продолжения последовательной политики сближения с крестьянами, дабы избежать трудностей, вроде случая с засадой; я посоветовал начать детальные допросы арестованных, а так же предложил план обеспечения фронта на основе сотрудничества с крестьянами, награждая их частью транспортированных ими же с озера товаров. С другой стороны, я настаивал на необходимости единого командования: распыление независимых сил было неприемлемо, особенно, когда наблюдалась тенденция к анархии и соперничеству, которое подчас приводило к крайнему насилию между вооружёнными группами.

Мы были убеждены в том, что руандийцы, несмотря на свои последние достижения, не смогут показать чего-то большего, и мы должны сфокусировать внимание на обучении конголезцев, которые, в конечном счёте, являются теми, кто и должен освободить Конго. Таким образом, было решено оставить с руандийцами товарища Мафу вместе с двадцатью людьми, дабы не обидеть их чувств, а остальное войско переместить в направлении фронта Калихте, куда отправляюсь и я. Перед отъездом было решено снарядить небольшую экспедицию: товарищ Том должен был разведать политические настроения на озере, а затем направиться в Кабимбу, чтобы уточнить ситуацию в этом пункте, поскольку наш контингент во главе с Али имел некоторые сомнения по поводу того, как вести себя с местными конголезцами.

Перед отъездом Тома, было организовано партийное собрание, на котором мы вернулись к анализу всех существующих проблем и решили избрать некоторых из членов Партии для решения политического аспекта поставленных задач. Выбор единогласно пал на Иширини и Сингида, - для группы, уезжавшей с нами, - и Аласири – для маленькой группы, которая оставалась с Мафу. Трое великолепных парней. На собрании мы однако подвергли критике товарища Сингида за ряд нелицеприятных высказываний о конголезцах и о Генеральном Штабе, так же я раскритиковал Ази и Азима за некорректную форму отношений к руандийцам.

Перед отъездом на фронт Калихте, руандийцы попросили меня провести конференцию, на которой так же присутствовали капитан Закариас, секретарь местной организации Партии, руководитель её молодёжного крыла и некоторые другие.

Мы говорили об общих военных вопросах, таких как ведение войны, обучение людей, о практических проблемах этого типа. В конце концов, секретарь организации попросил сделать критический обзор деятельности руандийцев, в ходе которого я вывел два основных, на мой взгляд, недостатка:

Первое: фаталистическое отношение к еде. Руандийцы постоянно уповали на то, что местные крестьяне сами приведут им коров на убой; максимум, что они могли себе позволить, так это послать пару солдат для поиска пропитания (они начали есть обезьян, вкус мяса которой колеблется от отвратительного до вполне приятного в зависимости от силы голода, и даже после наших требований, кроме последних нескольких дней, они не были в состоянии добыть маниока, который произрастал на равнине). Я объяснил им необходимость поставить народную армию на самообеспечение, базирующееся на постоянном взаимодействии с местным населением; народная армия не может быть сборищем паразитов или грабителей, но напротив, она должна быть зеркалом, отображающим самих крестьян.

Второе: чрезмерное недоверие к конголезцам: я призвал присоединиться к ним, заявив, что исход борьбы в Руанде зависит от исхода борьбы в Конго, поскольку это обозначает более широкую конфронтацию с империализмом.

Приняв критику по первому пункту и дав несколько примеров того, как происходят попытки исправления такого положения, руандийцы не касались второго пункта, продемонстрировав, что они не соглашались с подобного рода замечаниями, или, в любом случае, не были готовы изменить своё отношение к конголезцам.

Я получил сообщения с базы вместе с письмами из Дар-эс-Салама и различными новостями. Одно письмо от Пабло объясняло некоторые важные аспекты. Письмо датировано 19 августа 1965 года.

«Таму:

Эта поездка была запланирована в соответствии с твоим приказом¹. Она корректировалась из-за положения в Гаване, заявлявшей, что вскоре пошлёт сюда курьера; он уже здесь, готовится к пересечению границы, и будет с вами в ближайшее время.

Два вопроса: есть группа людей, готовая к организации учебно-тренировочной базы, где после можно будет обучать мозамбикских товарищей и членов других движений региона. Изначально эта группа попросила правительство Танзании оказать помощь в подготовке мозамбикцев и осуществить операцию, о которой тебе говорил Османи; потом, вследствие некоторых причин, планы были пересмотрены, и было предложено, чтобы группа отправилась в Таберу, чтобы на местной базе приступить к подготовке конголезцев. Но теперь они планируют, по договорённости с Сумиало, что база будет располагаться в самом Конго, дабы избежать

перемещения персонала туда-сюда, а так же использовать в обучении товарищей из Мозамбика и членов других организаций освобождения региона.

Другой вопрос связан с различными группами конголезцев, которые посетили меня в последние дни, и которые в той или иной форме известны тебе. Они, под предлогом того, что Кабила не хочет ехать в Конго, пытаются вести работу собственными силами. Это не больше, чем желание, реализация личных амбиций, и они полагаются на твою личность и наших людей, чтобы создать собственную группу. Относительно этого я объяснил опасность, которая возникает, ибо они стремятся расколоть движение; что перед тем, как начать любую деятельность, они должны договориться с Кабилой и тобой, что наши соглашения установлены в такой форме.

Кабила посетил нас, разъяснил нам ситуацию, и провозгласил, что он изгнал этих товарищей и договорился с правительством Танзании о том, что всякий раз, когда появляются такие люди, называющие себя бойцами, оно бы посылало их к нему; кроме того, он разъяснил сложившуюся ситуацию в посольствах, которые они посещали.

Он обещал, что вскоре приедет в Конго.

Обнимаю, Пабло»

Я ответил Пабло, объяснив, что так же не имею уверенности в Кабиле, но все остальные члены конголезского движения гораздо хуже него, они не имеют даже мозгов, и что в любом случае мне приходится быть связанным с Кабилой, дав ему гарантии работать честно для закрепления единства под его командованием; по этой части следует отбросить любое сомнение. Я выразил свои сомнения по поводу готовности послать инструкторов и создать базу здесь, поскольку члены других движений увидят болезненную картину недисциплинированности, дезорганизованности, полной деморализации, что вызовет тяжелый шок у любого, приезжающего пройти обучение для исполнения задач освобождения. Я выразил надежду, что инициатива не исходит от него самого, поскольку это политически опасно.

Мы отправились по направлению к лагерю Калихте, оставив с руандийцами 20 человек, а так же Мойю с несколькими товарищами дожидаться Закариаса, который ушёл из лагеря для поиска еды. Он обещал, что примет участие вместе с конголезцами в бою, приведя с собой дюжину людей, и мы ожидали, что он сдержит своё слово.

Лагерь Калихте был расположен в двух с половиной часах пешего хода, среди гор, являющихся частью цепи, нависавшей над равнинами; это был превосходный пункт для защиты, поскольку склоны были необыкновенно круты и лишены всякой растительности, так что можно было предотвратить любую неприятность простым винтовочным залпом. Лагерь состоял из небольших соломенных хижин, в которых могли разместиться четыре-пять человек, с убогими постелями из тростника. Для нас было приготовлено несколько хижин, освобожденных от обитателей. Место было очень удобным и менее холодным, но и здесь было столько же вшей, что и в Бендере.

Калихте уже собирался уезжать, вызванный Ламбером из Люлимбы; он принял меня с радостью, сказав, что счастлив, что мы приехали сюда, но ему не нравится наше присутствие в руандийском лагере. Я объяснил, что мы выполняем приказ, инструктируя и обучая руандийцев, однако мы и далее хотели бы работать с ними. Разговор вёлся на дружелюбных тонах, хотя между нами и не было прямого контакта, который существовал с руандийцами, так как Калихте ни слова не говорил по-французски, а мой суахили всегда был очень плох, так что я вынужден был пользоваться услугами переводчиков-кубинцев, которые уже освоили нюансы языка. Поэтому было очень трудно давать сложные объяснения.

С этого самого лагеря было просто доминировать над прилегающими равнинами, где располагались городки Макунго, Ньянги, Катенга, собственно Фронт Форс. Я сказал Калихте о необходимости быть ближе к гвардейцам, чтобы непрерывно изматывать и преследовать их, обкатывая наши силы в непосредственной борьбе, и предложил сделать это немедленно. Он согласился, после чего я послал группу во главе с Ази на разведку, который выбрал в качестве предварительного засадного пункта маленькую деревню, расположенную в нескольких километрах от Макунго. Мы приготовились для немедленного спуска в сотрудничестве с помощником Калихте, временным начальником лагеря, который мобилизовал своих людей, борясь против нежелания и апатии, поражавших бойцов, как только речь заходила о приближении к врагу.

Перед выходом, мотивируя это воскресным днём, крестьяне собрались для того, чтобы устроить маленький праздник в нашу честь, на котором некоторые люди были одеты в костюмы демонов джунглей, или что-то вроде того, танцевали ритуальные танцы, а после все пошли поклониться идолу – простому камню, лежащему недалеко от вершины горы, и окружённому забором из тростника, который омывался время от времени кровью принесённых в жертву животных. В данном случае жертвой служил баран, который затем был съеден всеми присутствующими. Ритуал кажется сложным, но суть его очень проста: богу, каменному идолу, приносится жертва, а после мясо животного съедается, и вообще весь праздник используется ради того, чтобы поесть и попить вдоволь.

Крестьяне демонстрировали симпатию к нам, и я почувствовал себя обязанным вернуться ради этих людей к своей первой профессии врача, проведя упрощённую вакцинацию инъекциями пенициллина против традиционных болезней, гонореи, а так же раздав таблетки против малярии.

Вновь началась трудная работа по первоначальному военному обучению людей, чья решимость находилась под вопросом; напротив, мы имели очень большие сомнения на сей счёт. Такова была наша работа сеятелей, отчаянно разбрасывавших семена во все стороны, надеясь получить хоть какие-то всходы до наступления тяжёлых времён.

1. Речь идёт о инструкции каждые две недели приезжать из Дар-эс-Салама, чего так и не было выполнено.

12. Попытка «выслеживания»

Теперь, находясь в зоне Макунго¹, с новой партией кандидатов в партизаны, мы пытались продолжить наши маленькие практические тренировки организацией засады, которую намеревались установить на дороге из Альбервиля на Фронт Форс. Разнородность нашего воинства увеличилась, поскольку прибыл капитан Закариас с десятком руандийцев; мы приступили к осуществлению задачи сплочения, которая в итоге должна была закончиться созданием единого фронта.

Вражеские силы располагались следующим образом: на Фронте Форс, в трёх или четырёх часах ходьбы от нашего лагеря; в Ньянги, впереди нас; в Катенге, в двух часах ходьбы; и в Люлимбе, в 50 километрах от нас. Мы намеревались атаковать дорогу между Катенгой и Люлимбой и остановить врага, если он попытается наступать со стороны Ньянги. Это был маленький поселок, который располагался близ заброшенной трассы, проходящей у подножия гор, где располагались так же Макунго и наш Генеральный Штаб. Катенга стояла на дороге, которая активно использовалась, здесь были мосты современной постройки, хорошо сделанные для того, чтобы выдерживать наводнения и паводки.

Для выполнения задачи остановки врага, который, возможно, прибудет со стороны Ньянги, мы отрядили Ази с группой из 6 кубинцев и 10 руандийцев. Атаковать трассу должны были около 40 конголезцев, 10 руандийцев и 30 кубинцев; группа более чем достаточная для того, чтобы уничтожить любого врага, который пойдёт по дороге.

В эти же дни прибыла группа из 10 кубинцев, которых, в принципе, предполагалось использовать в качестве инструкторов на интернациональной базе, где они должны были тренировать не только конголезцев, но так же африканцев из других освободительных движений, но, учитывая сложившиеся условия, - неосуществимость в данный момент организации стабильной группы учеников военной школы, - мы решили включить инструкторов в борьбу, что и было немедленно сделано с помощью этой акции. Подкрепление не было слишком серьёзным, потому что товарищи имели теоретическую подготовку, адаптированную к потребностям более-менее ортодоксальных концепций войны, и, за некоторыми исключениями, не обладали опытом партизанской борьбы.

Я лично сопровождал бойцов. Без труда форсировав реку Кимби, быструю и мощную в сезон дождей, но теперь сильно обмелевшую, - вода едва доходила до пояса, - мы обосновались в избранной области.

Тактика была простой. Центр засады был наиболее укреплён и именно он должен был принять на себя основную тяжесть боя. Оба фланга были укомплектованы достаточным количеством бойцов

для того, чтобы остановить конвой, который шёл чуть поодаль, и предотвратить бегство врага, хотя в идеале мы рассчитывали на то, что противник не будет иметь возможности защищаться из-за неожиданности нападения. Бой должен был начаться, как обычно, с выстрелов из гранатомётов. Кроме того, в 5 или 6 километрах отсюда в сторону Катенги, дислоцировалась маленькая группа, в чью задачу входило разрушение настила моста после прохода грузовых автомобилей, что должно было предотвратить отступление кортежа или прибытие к нему подкреплений. В виде дополнительной меры, мы разместили одну из противотанковых мин на маленьком деревянном мосту, находившемся в самом центре засады. Учитывая, что мины не могли быть напрямую используемы из-за отсутствия детонаторов (которых мы так никогда и не получили), мы разработали устройство с запалом ручной гранаты, который, приведённый в действие посредством длинной бечёвки, приводил к взрыву мины через 5 или 6 секунд. Этот механизм был небезопасен, потому что зависел от реакции человека и скорости грузовиков, дабы совместить взрыв с проходом по мосту автомобилей, и таким образом мы оставили этот план на крайний случай, предвидя отказ других элементов засады.

Я разместился на маленьком командном посту в 50 метрах от засады, где была яма для мочеания льна; в боевых действиях подобного типа необходимо учитывать наличие воды и возможности поесть, поскольку ожидание вражеского транспорта может длиться несколько дней. Вода была застойной и грязной, и, несмотря на дезинфицирующие средства, происходило много случаев диареи; что касается еды, то, хотя отношение к провизии и не изменилось, в ней не было недостатка, поскольку точно в центре засады находилось покинутое поле маниока, которое казалось настоящим лесом: многолетний высоченный маниок давал огромные клубни, не очень вкусные, но вполне съедобные на пустой желудок. Шли частые дожди, что сделало наше пребывание здесь более беспокойным. В первый и во второй день не было никаких серьёзных проблем; люди находились в ожидании, напряжённом и в то же время тоскливом, когда часы тянутся бесконечно, но, в то же время, когда любой шум, нарушивший тишину, трансформируется в воображении в звук мотора и провоцирует немедленное движение. Даже я, который был в нескольких сотнях метров от первой линии, всё время страдал подобными слуховыми галлюцинациями.

До воскресенья, - пятого дня ожидания, - мы кое-как контролировали бойцов, но после они начали проявлять признаки нетерпения и выдумывать информацию, гласившую, что грузовики проходят по дороге каждые 14 дней, и, что как раз за день до нашего прибытия караван и проехал; что лучше всего снять засаду и вернуться в лагерь. Это были ещё не особо настойчивые и опасные проявления недовольства, несмотря на вынужденный отдых, испорченную воду, невкусный маниок, иногда разбавленный не очень большим количеством консервов, или «букали»: всё это конечно не способствовало поддержанию высокого морального духа бойцов. На пятый день произошло комическое событие, которое ещё раз демонстрирует слабости конголезского войска: когда я мирно лежал в гамаке на командном посту, я слышал топот ног, будто бы мимо пробежала стая слонов: это были 6 или 7 конголезцев, отряжённых на поиски еды, которые, перебивая друг друга, испуганно твердили одно и то же: askari Tshombé, askari Tshombé (солдаты Чомбе, солдаты Чомбе). Они видели их, в 20 или 30 метрах от наших позиций. Я едва успел накинуть мундир, оставив гамак и рюкзак на произвол судьбы, как уже один из кубинцев, сопровождавших меня, так же увидел askari Tshombé; ситуация осложнялась тем, что мы не могли рассчитывать на конголезцев, а со мной было лишь 4 кубинцев, один из них больной Сингида; именно его я немедленно и послал уведомить Мойю, дабы он выслал подкрепление, после чего я принял меры к тому, чтобы Сингида увёл с собой и конголезцев, которые в этих условиях скорее мешали. Отойдя на несколько метров в сторону реки, дабы выйти из диапазона видимости врага, я двинулся в направлении, откуда прибежали конголезцы, намереваясь отступить тем же путём после первых выстрелов в гвардейцев, сковав их продвижение вперёд. Несколько мгновений спустя приходит известие: конголезцы всё перепутали, это были не вражеские солдаты, а местные крестьяне, которые, будучи обнаружены, так же убежали и один из наших людей, хорошо их рассмотрел.

Мы принялись обсуждать этот инцидент, когда за нашими спинами незаметно появился разведчик, посланный Мойей чтобы узнать, что случилось; он подслушал наш разговор и побежал обратно, дабы сообщить, что гвардейцы уже на командном пункте, они захватили его. Неразбериха была тотальной: члены засадной команды попали в засаду. Мойя, который непосредственно руководил акцией, незамедлительно поднял всех бойцов и укрылся в близлежащей зоне, в тот же момент отдавая приказы о моём поиске, поскольку, по свидетельствам конголезцев, я спустился в сторону реки Кимби.

Спустя два часа мы всё ещё находились в полном раздоре и некоторые из конголезцев воспользовались случаем, чтобы уйти в свой лагерь и больше не возвращаться: таким образом, в результате путаницы, мы потеряли нескольких солдат. Инфантилизм реакции конголезцев, которые бежали, словно нашкодившие дети, дополнялся ошибками, допущенными некоторыми нашими товарищами из-за отсутствия боевого опыта.

Мы решили переместить засадную позицию на несколько сотен метров, поскольку крестьяне уже видели нас, и мы не знали, к какой группе они принадлежат. А я вынужден был покинуть бойцов и вернуться в лагерь, поскольку меня известили, что вскоре туда прибудет товарищ Арагонес. Засада длилась 11 дней, с 1 по 11 сентября, и несколько раз Мойя должен был объявить, что он остаётся только с кубинцами, из-за того, что конголезцы порывались уйти, каждый раз настаивая на этом всё больше, однако, перед грозной позицией командира, они вынуждены были оставаться на своих постах.

Наконец, грузовики показались на дороге в количестве двух штук; первый был уничтожен, 7-8 солдат противника убито и захвачено столько же винтовок; они не имели ничего больше, кроме оружия, обильных запасов марихуаны и некоторых не особо важных документов, за исключением ведомостей зарплаты для наёмников в Люлимбе. Второй автомобиль не был уничтожен нашим гранатомётчиком, поскольку его оружие не сработало и находившиеся в грузовике солдаты, - их было больше, чем в первом, - успели высадиться и обратить в бегство наш левый фланг. Он в основном состоял из конголезцев, но здесь так же были кубинцы, которые отступили, увлечённые общей паникой. Вместо того, чтобы полностью уничтожить два грузовика, в один момент мы оказались в роли преследуемых и вынуждены были бежать. Как всегда и бывает в такие моменты, разгром был полным. Конголезцы быстро пересекли Кимби, не останавливаясь до самого Главного Штаба, и вновь кое-как сопротивлялась лишь небольшая группа кубинцев; хотя в этот раз, руандийцы, имевшие больше боевого опыта, нежели конголезцы, тоже остались. Один из них даже попытался стрелять из своей базуки в грузовик, а другой, инкорпорированный в наш кубинский отряд, гордо демонстрировал сапоги убитого солдата, которые он присвоил себе, поскольку его собственные совсем развалились. Они так же внесли свой вклад в спасение брошенного оружия.

В этой акции было продемонстрировано, что ещё очень много не хватает для того, чтобы организовать силы, - пусть даже и небольшие, - ведущие маленькие сражения, и многого ещё не хватает в плане подготовки некоторых кубинцев, которые смутились, столкнувшись с условиями, разительно отличающимися от привычных им концепций армии, - такими как партизанская война, - в результате чего им не удавалось скоординировано и инициативно действовать.

С другой стороны, то, каким образом солдаты противника защищались, показывает, что они имеют военную подготовку и готовы перейти в наступление, что и было сделано после уничтожения первого автомобиля; все вражеские солдаты были неграми, но они отнюдь не выглядели ничтожествами, как об этом думали сами конголезцы, видевшие корень всех своих бед в белых наёмниках, поскольку они считали негров трусами, согласно их же собственным заявлениям.

Перед началом боя, руководитель группы Калихте сообщил мне, что его люди отказываются сражаться вместе с руандийцами, потому что те убегает стреляя и могут зацепить таким образом собственных же товарищей. По этому поводу у нас не было никаких вопросов, потому что мы и сами страдали от такого метода, однако мы больше сомневались в самих конголезцах, и это было правильно, потому что ни один из них не выстрелил, а их бегство началось в первые же минуты боя. Мы были не очень обеспокоены этим, потому что ранее то же самое творилось с руандийцами, а сейчас, в этом третьем испытании они, хотя и небольшой группой, но продемонстрировали свой боевой дух. Тем не менее, попытки объединить две эти этнические группы казалось обречены на провал. Мы смогли преодолеть кризис и убедить людей Калихте сражаться вместе с людьми Мунданди, но затем возник спор на почве дискуссии об оружии. Я настаивал на том, чтобы выдать оружие конголезцам, в качестве жеста доброй воли, а руандийцы считали, что конголезцы не будут с ним ничего делать, что оружие принадлежит только им; состоялся тяжёлый разговор с капитаном Закариасом, после которого мы сумели восстановить контроль, и руандийцы очень неохотно отдали винтовки, без какого-либо дружелюбия. Руандийцы уехали обратно на свой фронт, не желая продолжать борьбу здесь. Это произошло на следующий день после того, как я передал своё мнение Масенго о капитане Закариасе и о его взглядах на боевое единство.

Результат боя был удовлетворительным в том смысле, что мы не имели ни одного убитого или раненого. Товарищ Анзали, в последующие часы отправился на разведку вместе с Мбили и сжёг оставленный врагом на дороге грузовик, но воспламенившийся бензин нанёс ему ожоги

небольшой степени тяжести. Ази так же осуществил засаду на солдат из Ньянги, ранив, возможно, нескольких из них, но особо эффективной эту акцию назвать нельзя.

Тем не менее, создалось впечатление, что ситуация может выправиться. Я отдал распоряжения осуществить новые засады на дороге, в то время как сам готовился отправиться в Люлимбу чтобы переговорить с Ламбером о необходимости единого действия. Как я уже сказал, мы нашли среди бумаг первого грузовика ведомости заработной платы, которые указывали что в Люлимбе сконцентрировано 53 вражеских солдата, и посчитали, что настал идеальный момент атаковать этот пункт превосходящими силами Ламбера и открыть дорогу на Касенго. Если затем будут выставлены засады между Катенгой и Люлимбой, мы получим несколько дней передышки, чтобы выставить надёжный барьер в этом последнем пункте, объединив все разрозненные силы этой обширной области.

В соответствии с нашими принципами, мы предприняли первые шаги социальной направленности. Доктор Хинди, прибывший с нашей базы, дал консультации местным крестьянам, взявшись за организацию системы периодических посещений горных деревень. Я роздал зерна овощей, которые мне привезли с озера, для того, чтобы крестьяне сеяли их, разделяя затем урожай с нами. Мы создали совершенно другую, доверительную атмосферу. Как и крестьяне в любой другой точке мира, они были восприимчивы к живому человеческому интересу к ним, отвечая благодарностью и готовностью к сотрудничеству; было горько констатировать, что эти люди, демонстрировавшие подлинное доверие и интерес к работе, войдя в Освободительную Армию, могут переродиться в недисциплинированных солдат, которых мы видим повсюду, ленивых и не имеющих боевого духа. Военные группировки, будучи факторами развития революционного сознания, представляли собой помойки, где в результате дезорганизации и отсутствия руководства, процветало гниение и разложение, на что мы сетовали много раз в ходе наших наблюдений.

1. Макунго – деревня, расположенная неподалёку от Фронта Форс. До финального наступления врага являлась ничейной землёй.

13. Болезнь усугубляется

Мой обычный анализ августа является самой оптимистичной заметкой за все 7 месяцев нашего пребывания в Конго:

«Наконец то для меня закончился период иждивенчества, и это шаг вперёд. В целом, этот месяц можно охарактеризовать как очень позитивный: к акции на Фронте Форс нужно добавить качественное изменение в самих людях. Присутствие Закариаса с 10 руандийскими бойцами является наивысшим проявлением этого процесса, так же, как присутствие почти всего конголезского фронта на равнинах. Осталось лишь, чтобы акции давали результаты, и мы сможем стабилизировать ситуацию здесь. Мои следующие шаги заключаются в посещении Ламбера в Люлимбе и нанесении визита в Кабамбаре, после я намерен убедить тамошних командующих в необходимости захвата Люлимбы, а затем идти дальше; но для этого всего необходимо, чтобы засада и последующие действия дали результаты.

Не знаю, где сейчас находится Кабила, но буду стараться убедить Масенго посетить фронты; это должно изменить отношение людей к нему; потом необходимо организовать крестьян всего региона и сформировать единое командование фронта. Если всё пройдет хорошо, через два месяца мы сможем взять Фронт Форс в кольцо и попытаться осуществить необходимые саботажные акции на электростанции, дабы она потеряла стратегическое значение этой точке. Всё начинает выглядеть в другом свете, по крайней мере, на данный момент».

Но несколько дней спустя вновь стали доминировать тёмные тона. Али имел несколько серьёзных ссор с командующими своей зоны и в настоящее время находился близ озера, и хотя этого не было сказано, он всячески сопротивлялся возвращению, отложив на неопределённый срок обратное путешествие. В только что оставленной зоне Фронта Форс деятельность совсем развалилась. Мы послали людей в Кигому для поиска пары баллонов с кислородом, дабы попытаться уничтожить линию электропередач с помощью горелки, но столкнулись с трудностями перевозки из-за веса и нежелания людей тащить их; кроме того, никто не хотел осуществлять никаких акций, если в боевой группе не будут присутствовать кубинцы; разведывательные рейды с

целью поиска места, откуда можно было бы вести артобстрел турбинного коллектора гидроэлектростанции, не дали позитивных результатов. А здесь, после первых моментов эйфории, солдаты быстро устали от трудовой жизни и требовали возвращения к своим весёлым гулянкам на Главной Базе.

Вот где ситуация выглядела наиболее мрачной, так это в области отношений Масенго и Кабилы с командующими зоны Физь и конголезской революции с правительством Танзании. Кабила и Масенго приехали в Кибамбу, но тут же получили известие, что власти Танзании отказались пропустить груз оружия, который мы просили, - в том числе столь необходимые нам запалы для противотанковых мин, - и требуют немедленного приезда и объяснений Кабилы. Мы знали, что это правда, поскольку за оружием был послан Чанга, наш «озерный адмирал», и ему был дан ответ, что ничего он не получит и что Кабила обязан персонально поговорить с представителями властей. Единственный раз, когда Кабила сделал серьёзную попытку вернуться в Конго (по крайней мере, никто не может доказать обратного), он вынужден был вернуться, чтобы обсудить создавшуюся проблему.

На озерной базе были схвачены несколько членов конкурирующей группы Физи, которые вели тлетворную пропаганду в регионе; у Масенго не было подходящей тюрьмы, где можно было бы содержать задержанных, и он отправил их в Увиру под личной охраной. Он решил сопровождать их персонально, чтобы заодно осмотреть область, где действовали его силы. Они выехали на лодке. Вот версия Али по поводу всего произошедшего; оно даёт ясное представление о повороте, который приняли события:

«8-9-65

От товарища Али

Товарищу Тату

Тема: Поездка товарища Тома в Касиму

Поездка товарищей Масенго, в сопровождении Чанга и Али в Увиру

Мы выехали 16 числа в 21:00 чтобы доставить товарища Тома в Касиму, а затем продолжить путешествие в Увиру, куда должны быть переправлены трое заключённых контрреволюционеров, и проинспектировать регион – последнее должно было быть сделано товарищем Масенго.

Прибыли в Касиму в 24:30. По приезду, товарищ Масенго приказал подняться на борт командующему эскадры, однако вместо него пришёл другой боец, которому мы сообщили, что в лодке прибыл президент Масенго; разговаривая с ним, мы предложили на обратном пути завести ему сигареты и ещё какую-то ерунду.

Спустившись, боец попросил мыла и добавил, если мы не дадим его, корабль никуда не пойдёт. Товарищ Том спустился и сообщил бойцам эскадры, чтобы они не стреляли, не обращая внимания на то, что Тома и бойцов отделяло около 100 метров.

Каждый из них совершил несколько выстрелов, после чего все они убежали. Позже был схвачен только один из них.

Товарищ Масенго позвал на пляж бойцов и командующих зоны, приказав арестовать оставшихся бойцов эскадры, которых он заберёт на обратном пути.

Мы продолжили путь до Увиры, но, достигнув в 9:00 Мубембе, товарищ Масенго приказал остановиться, чтобы продолжать путь ночью.

В данной деревне мы были встречены достаточно холодно. Масенго переговорил с местным президентом и своим однокурсником по учёбе в Китае, попросив, чтобы они собрали население для проведения совета, с целью информировать людей о сложившейся политической ситуации.

Примерно в 12:30 заседание началось, и продолжалось до 17:00. В это время к нам подошёл товарищ Эрнесто и сказал, чтобы мы ничего не говорили, и что население хочет освобождения заключённых или в противном случае прольётся кровь.

В 17:30 товарищ Масенго сказал, что скоро мы поедem, мы собрались и спустились к пляжу. Уже здесь товарищ Масенго приказал нам подняться в лодку; чуть задержавшись, Эрнесто вновь позвал нас и сообщил, что мы наверное идиоты, поскольку в лодку начнут стрелять. Вслед за этим местные начали занимать позиции; неистово ругаясь, они приказали передать заключённых их эскадре, увозящей арестованных безо всякой реакции, до тех пор, пока один из наших моряков не схватил винтовку и не понёсся в сторону бунтовщиков, за ним Масенго и ещё кто-то. Они начали свистеть, чтобы собрать войско, сумев схватить 11 солдат, но не заключённых, которые развивали широкую кампанию в пользу противоположной группы.

Давление, оказанное этим инцидентом, а так же полученная информация, сделали невозможным продолжение поездки в Увиру, поскольку дальше ситуация была ещё хуже.

Известно, что те, кто увёл заключённых, принадлежали к фракциям Физи и Бараки, упомянутым и другими людьми, которых я не помню, поскольку я не хотел брать на заметку их информацию.

Я хочу, чтобы ты знал, что Масенго даже не соизволил предупредить нас об опасности, существовавшей здесь, а ведь он знал о ней, так как это сквозило в голосе народа, - в то время как мы не знаем языка, - а так же всё это обсуждалось на совете, на котором мы не присутствовали, в отличие от него.

Согласно информации, полученной от Эрнесто, эта ситуация не является новой.

Учитывая эти факты, я задаюсь вопросом что делать, каким должно быть наше отношение ко всему этому, так как слова здесь переходят в дела и дела весьма опасные.

В том, что касается вас, нужно быть осторожным, достаточно осторожным, так как они, эти бунтовщики, имеют значительные силы и мы ничего не знаем о них.

На обратном пути мы заехали в Касиму и забрали нашего политического комиссара (Тома), но не бойцов эскадры, которых так и не удалось поймать.

Вернувшись в деревню, несмотря на условные сигналы, которые были даны нами прошлой ночью, по нам открыли огонь.

Жду вашего быстрого ответа.

С революционным салютом.

Али».

Хорошо показывает, что подозрения Али не имели основы, тот факт, что сам Масенго должен был подняться в лодку и быть подверженным тем же опасностям, что и они.

Почти одновременно Масенго прислал мне письмо, которое демонстрирует, насколько чувствуют себя неуверенно товарищи и руководители Конголезской революции. Оно датировано 6 сентября и послано из Кибамбы:

«Товарищ доктор Тату

Макунго

Товарищ доктор,

После нескольких дней разлуки я вновь приветствую вас. В военном плане я следую вашим советам, то есть, товарищ подполковник Ламбер будет координировать деятельность фронтов Люлимба-Макунго и Калонда-Кибуйе.

Товарищ Кабила и я были готовы совершить поездку по фронтам, но к сожалению, обстоятельства не позволили реализовать эту программу в данный момент. Пять дней спустя после нашего приезда в Кибамбу, товарищ Кабила получил срочный вызов

танзанийского президента Ньерере. Политическая ситуация внутри страны не очень серьёзная, мы надеемся, что с нашими усилиями мы сможем преодолеть некоторые трудности, вызванные безответственными людьми. Сегодня мы осуществили аресты некоторых элементов революционной банды¹, и не было никаких протестов со стороны местного населения; это обозначает, что население понимает собственные недостатки. Главарём этой банды является предатель Гбенье, который после получения многих миллионов, послал этих агентов во все уголки страны с целью похоронить Революцию, а после начать переговоры с представителями Леопольдвилля.

Империалисты обещали Гбенье позволить сформировать правительство, если он добьётся крушения Революции и сгруппировать внутри своего будущего правительства всех агентов империализма, в целях поддержки неокOLONиализма в Конго.

Гбенье использовал совещание глав всех государств Восточной Африки (Танзания-Уганда-Кения) для того, чтобы заявить, что нам нужно самим решать свои собственные проблемы с Леопольдвилем, пообещав, что после примирения с Леопольдвилем, Конго желает сформировать федерацию с другими странами африканского востока. Именно поэтому товарища Кабилу срочно вызвали в Дар-эс-Салам, возможно, с целью оказать давления на нас; танзанийцы даже отказали некоторым из нас сопровождать товарища Кабилу в Дар-эс-Салам.

Несмотря на всё это, мы никогда не согласимся с этим примирением. Мы просим ваше посольство вмешаться в ситуацию.

Отмечу также, что сегодня я отправляюсь в Увиру в сопровождении кубинского капитана Али, а после моего возвращения поеду в Кибамбу и надеюсь по приезду оттуда получить ваш ответ на наши вопросы, и прежде всего, ваши хорошие советы по поводу проблем, озвученных выше.

Мы считаем, что африканские лидеры не хотят полного освобождения Конго, опасаясь, что если Конго полностью освободится, с истинными революционерами во главе, вся Африка будет находиться в опасности, взятая на буксир конголезской революцией.

В любом случае, ситуация ещё не так серьёзна, мы уверены, что сумеем преодолеть этот тяжёлый период.

С основой того, что я только что написал, я жду, что вы сможете нам дать какие-нибудь директивы, помогающие решить проблемы такого рода».

В письме указан ряд интересных моментов: деятельность Гбенье и его связь с империалистами, которая скрывалась до того самого момента, описанного Масенго; его обещания африканским лидерам, которые нас не устраивали, и давление, которое оказывал на Кабилу Дар-эс-Салам. Следует отметить сближение в этот момент Масенго с кубинцами, что должно было произойти гораздо раньше, в более удобной ситуации для нас, поскольку вскоре могло разразиться наступление вражеской армии. Я немедленно ответил следующим образом:

«Дорогой товарищ,

Только что разговаривал с посланным тобой товарищем Чарльзом Бемба; он рассказал, как ты видишь ситуацию, но я подведу небольшой баланс.

По моему впечатлению, мы продемонстрировали на сегодня реальную возможность действия на равнине; после акций фронта Мунданди, мы только что осуществили засаду, в которой было убито 7-8 вражеских солдат и захвачены шесть винтовок². Мы разместили засады на двух дорогах; на той, что ведёт из Ньянги в Люлимбу и на трассе Форс-Люлимба.

Думаю, что необходимо продолжать действия в этой зоне и попытаться изгнать чомбистов, которые стоят возле Люлимбы, для того, чтобы иметь открытый путь к озеру. Я знаю о проблемах, которые возникли в Бараке и Физи, но было бы очень важным для нас иметь прямой путь к озеру для обеспечения.

О проблемах, которые вы только что описали мне: во-первых, вы должны быть уверены, что мы будем поддерживать вашу позицию с правительством Танзании, а так же ваши потребности по мере наших сил. Я хотел бы поговорить с вами, но я понимаю, какие могут возникнуть трудности, если вы оставите Генеральный Штаб. Через несколько дней я буду

свободен для того, чтобы поехать к вам. После я хотел бы посетить другие регионы этого же фронта и прошу не задерживать меня на озере; моё ремесло в том, что я делаю сейчас.

Как и вы, я с оптимизмом смотрю в будущее, но мы должны обращать больше внимания на политическую и военную организацию. Мы добились прогресса, однако этого недостаточно, и мы должны двигаться вперёд в военном плане. Бой это великая школа для солдата. С другой стороны, нашим основным источником оружия является вражеская армия; если нам не позволят использовать озеро, у нас в запасе остаётся поле битвы.

Я приветствую ваше решение о назначении товарища Ламбера координатором, несмотря на то, что его роль становится всё более трудной. Его истинная миссия, на мой взгляд, заключается в том, чтобы быть командующим фронта. Призываю так же обратить внимание на то, что товарищи из Руанды очень хорошо сражаются вместе с нами, и уже проведены совместные акции с конголезцами. Капитан Закариас является смелым человеком, несмотря на некоторые недостатки, которые могут быть исправлены со временем.

Пунктом, на который необходимо сделать упор, является политика по отношению к крестьянам. Без поддержки населения, мы не сможем добиться настоящих успехов. Надеюсь, мы сумеем лично обговорить этот момент более подробно.

С революционным салютом.

Тату».

Ещё прослеживается оптимистический тон, который сохранялся некоторое время; худо-бедно, но мы нанесли противнику некоторый урон и считали, что имеем шанс поддерживать борьбу на истощение, которая заставит врага оставить определённые позиции из-за их слишком высокой цены.

В эти дни прибыли, как и анонсировалось, курьеры, которыми оказались Арагонес, Фернандес Мель и Маргольес, которые приехали, чтобы остаться на фронте; узнав личности товарищей, я испугался, предполагая, что они привезли сообщения, призывающие меня вернуться на Кубу или оставить борьбу, потому что не укладывалось в голове, что секретарь Партии покинул свой пост, чтобы отправиться в Конго, тем более включиться в такое предприятие как это, где не было ничего определённого и где скорее можно было столкнуться с негативным развитием. Арагонес настаивал на своём отъезде, и Фидель дал согласие; то же самое произошло с Маргольесом; Фернандес Мель, старый товарищ по борьбе, был человеком, который попросил Кубу отправить его в Африку с целью укрепления командного состава контингента. К ним так же присоединился Карим, который должен был занять место Тома как политического комиссара из-за своего гораздо более высокого идеологического и культурного уровня развития.

Первые трое въехали в Конго тайно, прикрываясь личинами медиков, поскольку было неизвестно, действительно ли они могли остаться, учитывая их белые лица, но мы занимали такую позицию, которая позволила нам делать в нашем поле практически всё, что пожелаем; беда начиналась тогда, когда мы пытались выйти на конголезское поле, чтобы всё там организовать.

Товарищ Арагонес, из-за своего громадного телосложения, получил на суахили псевдоним Тембо (слон), а товарищ Фернандес Мель, за свой характер, был назван Сики (уксус). Все остальные следовали традиции получать имена согласно числовому порядку. Тембо получил в книжке сотрудников номер 120. Были подсчитаны понесённые нами потери: четверо убитых, двое вернувшихся на Кубу и товарищ Чанга, который был в списке, но фактические функции которого заключались в нахождении в Кигоме и курсировании между берегами озера. Итого мы имели 113 человек. Исключая четверых медиков, 107 бойцов. Это была сила достаточной величины, чтобы попробовать сделать что-то, но, как было видно, по разным причинам, которых мы не знали или не смогли избежать, кубинцы были разбросаны на большой площади, и в момент акции мы имели в своём распоряжении не больше 30 или 40 бойцов. Если к этому добавить тот факт, что практически все когда-либо болели, а некоторые и по несколько раз, можно согласиться с тем, что это была сила, недостаточная для того, чтобы решить исход кампании; можно было бы выстроить ядро армии нового типа, если бы конголезские товарищи имели другие характеристики.

Моральный дух нашего войска несколько улучшился, как можно судить по следующему факту: Абдала, Анзали и Баати, - трое товарищей, которые намеревались покинуть борьбу, - вскоре попросили вернуться к своим военным обязанностям.

Казалось, что Освободительная Армия так же укрепляется за счёт прибытия контингентов, обученных в Китае и Болгарии. Первой заботой этих парней было получить две недели отпуска, чтобы посетить свою семью; после отпуск растягивался на неопределённый срок из-за того, что для них он оказался короток. В любом случае, это были кадры, обученные для Революции, они не могли рисковать в бою, это было бы безответственно; они приехали, чтобы передать своим товарищам в горах знания, усвоенные за 6 месяцев теоретической подготовки, и было невозможно совершить преступление против революции, отправив их в бой.

Эта позиция была поддержана всеми группами, независимо от того, приехали они из Китая, Болгарии или СССР. Попытки подготовки студентов, происходивших из мелкобуржуазных слоёв Конго, со всеми их комплексами неполноценности и желаниями копировать действия колонистов, давали такие результаты.

Для обучения были избраны франкоговорящие юноши или дети политических боссов, впитавшие в себя весь негатив европейской культуры, и не имевшие никакого революционного духа, который рождался в среде конголезского пролетариата. Они возвращались, отлакированные снаружи марксизмом, проникнутые важностью к самим себе как к «кадрам», и с диким желанием командовать, что в итоге выливалось в недисциплинированность и даже в заговоры.

Скромные бойцы, способные отдать свои жизни за дело, правоту которого они интуитивно чувствовали, были неизвестны лидерам, остававшимся в стороне от центров борьбы и лишёнными революционных кадров, которые могли бы им помочь. Наши усилия были направлены на поиск таких истинных революционеров среди всего этого мусора, но время было не на нашей стороне.

1. Это трое заключённых, о которых рассказал Али

2. Захваченных винтовок было 6, но одна была украдена руандийцем, что породило ссору, в ходе которой виновник был разоблачён и оружие вернулось.

14. Прощупывая пульс

Необходимо было провести акцию на дороге из Катенги в Люлимбу, пытаясь предотвратить подход вражеских подкреплений, дабы сократить таким образом потенциал изолированных войск в этом последнем пункте, а затем попытаться атаковать его. Мы продублировали засады, поставив во главе них Помбе и Нане, и начали борьбу вокруг позиции, которую день за днём пытались уничтожить, но враг быстро восстанавливался, пока, наконец, здесь не был сконцентрирован сильный гарнизон, что не позволило продолжать далее наши действия.

Выслав вперёд Азиму с небольшой группой для проведения разведки дороги, я вышел в направлении Люлимбы. Был облачный день с кратковременным дождём, не позволявшем нам двигаться вперёд, что заставило искать убежища в покинутых домах, которые в изобилии встречались возле дороги, так же заброшенной ещё задолго до того, как здесь произошли события, изменившие лик региона. В первой половине дня послышался шум боя, сопровождаемый грохотом авиации, направлявшейся в сторону засады; о результатах всего этого мы узнали спустя несколько дней из сообщения Мойи: гвардейцы пробили нашу оборону, поплатившись за это потерей нескольких танкеток, и, вероятно, некоторым количеством бойцов, высланных на укрепление Люлимбы. Из этого пункта так же выдвинулись войска чтобы помочь своим товарищам прорвать засаду, что даёт повод думать, что нашим ребятам противостояло отнюдь не 53 человека, - как следовало из захваченной зарплатной ведомости, - а намного больше. Поначалу мы думали, что развернувшийся бой являлся битвой за Люлимбу, но на самом деле, речь шла об укреплении противником своих авангардных позиций для последующего наступления. Это мы позже поняли, наблюдая за громадной подготовительной работой, осуществляемой неприятелем на Фронте Форс и в Ньянги, но у нас не было никакой дополнительной информации из-за отсутствия источников в стане врага.

В полдень мы встретились с Азимой, возвращавшемся из разведки; он прошёл по дороге до деревни, которую мы посчитали Люлимбой, не встретив ни одного гвардейца. Эта дорога идёт параллельно с позициями, занимаемыми повстанцами в горах, до пункта, где она сходит с

трассой, идущей с Фронта Форс, после чего идёт напрямую к холмам, поднимаясь там, где они наиболее низкие и проходимые.

Азима рассказал, как продолжил разведку в километре от перекрёстка, пройдя по дороге, которая показалась ему наиболее важной, до реки Кимби, не встретив ни следа человека. Он так же изучил пункт под названием Мисьон, - старую брошенную протестантскую церковь; двигаясь по этой ничейной земле, разведчики были замечены повстанческими дозорными с холмов, и, с дистанции в 6 километров, те выстрелили по ним 17 раз из пушки, несколько раз из миномётов и ещё из какого-то оружия, которое Азима не сумел распознать. Пушечные выстрелы были осуществлены с некоторой точностью, но, учитывая параболическую дугу снаряда, попасть с такого расстояния в шестерых мужчин, марширующих по дороге, мог только сверхчеловек; результатом являлась чудовищная трата снарядов, бессмысленная стрельба по подозрительным лицам в зоне, которая должна быть наводнена передовыми постами врага.

На фоне таких событий, мы решили пойти по дороге к горам, чтобы там поспать; поскольку дистанция была длинной, казалось слишком утомительным преодолеть её за день, и мы должны были послать кого-нибудь вперёд, чтобы предупредить Главный Штаб Любоньи¹, что направляемся к ним по дороге на равнине. Так мы и сделали, и на следующий день встретились с аванпостами, высланными с гор в ответ на наше уведомление, которые и привели нас к барьеру Люлимы.

В ходе путешествия мы могли видеть великое количество деревень, обустроенных крестьянами в джунглях, у подножий гор, в местах, где была вода. Они находились в двух, трёх, четырёх километрах от дороги, и крестьяне должны были ютиться в примитивных домах, обрабатывая свои старые поля, располагавшиеся недалеко от трассы, тем самым увеличивая риск столкновения с вражеской армией. Кроме того, они питались за счёт охоты. Мы долго разговаривали с крестьянами, я попросил прислать из Макунго медика, для их лечения, поскольку мы не привезли никаких медикаментов, и пообещал, что каждые две недели доктор будет совершать сюда регулярные визиты.

Барьер подполковника Ламбера представлял собой скопление маленьких хижин (с соответствующей обстановкой) с цинковыми или соломенными крышами, расположенных у дороги, где не было никакой растительности, которая могла бы их скрыть, без окопов или других укрытий подобного рода, только с небольшой защитой в виде пары зенитных пулемётов. Защитные меры, широко использовавшиеся солдатами, заключались в бегстве до ближайших зарослей и укрытии там в случае авиационного налёта. Хотя серьёзных налётов, несмотря на уязвимость и обнажённость позиций, так и не было сделано. Так же не было никаких укреплений первой линии обороны, где располагались дозорные с несколькими базаками (окопы всегда являлись нашей головной болью, поскольку, из-за суеверного страха, конголезские солдаты избегают попадать в какие-либо ямы и поэтому не строят никаких подобных оборонительных линий для отражения атаки). Сила позиции заключалась в её расположении на крутом склоне, доминировавшем над дорогой, петлявшей между холмами, откуда легко можно было атаковать поднимавшиеся вражеские войска, но только если поднимались они именно по дороге. Если бы вперёд была выслана пехота, наступавшая по флангам, не было ничего, что могло бы остановить её, и она могла бы захватить позиции почти без потерь.

На барьере находилось очень мало людей и ни одного командующего. Мы думали немедленно идти к Любонье, но нам послали сообщение, что скоро командующий сам поднимется на барьер. Он прибыл на следующий день, сообщив нам, что подполковник Ламбер находится в Физи, потому что там его больная дочь; до этого он ездил к озеру, и вот уже полтора месяца, как его нет в лагере. Заместитель командующего со временем переместился в Любонью, где расположился Главный Штаб, а на барьере остался какой-то мелкий руководитель (что не имело никакого значения, так как никто здесь не имел власти над людьми). Доставка еды была взвалена на плечи крестьян, которые должны были идти до лагеря из района Любоньи около 15 километров; иногда бойцы охотились в окрестностях: здесь было много оленей.

Когда прибывало продовольствие, - главным образом, маниок, - начиналась работа по его помолу, дабы каждый смог в индивидуальной форме приготовить себе «букали», так как не было никакой традиции совместной трапезы. Каждый должен был стряпать свою порцию из того, что сумел добыть, превращая лагерь в гигантскую кухню, в которой, умножая беспорядок, принимали участие даже дозорные.

Меня пригласили выступить перед войском, - небольшой группой менее ста человек, не все из которых были вооружены, - и я в обычной своей манере принялся «грузить» их; вооружённые люди ещё не солдаты, они лишь люди с оружием; революционный солдат рождается только в бою, но здесь не было никаких боёв. Я призвал их, - кубинцев и конголезцев, - вместе спуститься в долину для сражения, поскольку мы прибыли, чтобы вместе разделить с ними тяжесть борьбы. Борьба будет очень трудной: не нужно ожидать никакого скорого мира, и нельзя ждать великих побед без столь же великих жертв. Я объяснил так же, что против современного оружия их «дава» не всегда оказывается эффективной, и что смерть и ранения являются естественными спутниками войны. Всё это я рассказывал на примитивном французском, который Чарльз Бемба переводил на язык кибембе, являющийся родным языком этой территории.

Местный командующий был готов спуститься вместе со своими людьми, но отказался атаковать без приказа начальства; мы не могли ничего сделать с этой маленькой и разнородной группой на равнине, если сверху не будет приказа атаковать Люлимбу. Я решил отправиться в Физь, чтобы попытаться убедить Ламбера в необходимости такой атаки. Сначала, одолев 15 километров по дороге от барьера, мы приехали в Любонью, расположенную на большой равнине Физь. Крестьяне приняли нас очень хорошо, и это их отношение материализовалось в виде угощения. Воздух был пронизан ощущением безопасности и мира, поскольку уже очень давно гвардейцы не проникали в горы, и вся эта группировка находилась в относительно благополучном состоянии, выражавшемся в более разнообразном рационе, - здесь имелись картофель, лук, некоторые другие продукты, - а так же в стабильной обстановке. На следующий день мы оставили эту деревню и прошли уже около 10 километров, когда на дороге появился грузовик, который перевозил бойцов в Любонью и теперь возвращался обратно. На нём мы и доехали до Физи. На автомобиле ехал индивидум с явными признаками алкогольного отравления, его ужасно рвало; на следующий день я узнал, что он умер в больнице, или, лучше сказать, в рецептурной, так как здесь не было ни врачей, ни медицинской помощи другого рода.

За 40 с лишним километров поездки мы имели возможность понаблюдать за некоторыми особенностями региона. В первую очередь, большое количество вооружённых людей наблюдалось во всех деревнях, которые мы встречали на пути; в каждой из них был свой командующий, располагавшийся в собственном доме или доме друга, чистый, сытый, обычно хорошо выпивший. Во-вторых, казалось что солдаты наслаждаются полной свободой и очень довольны этой ситуацией, расхаживая с винтовкой на плече; они не демонстрируют ни малейших признаков дисциплины, желания борьбы или организации. В-третьих, соблюдение чёткой дистанции между людьми Ламбера и людьми Мулане, что выглядело как отношения кошек и собак; Чарльза, инспектора Масенго, они сразу же идентифицировали и окружили его холодным высокомерием.

Физь это небольшая деревня, но, тем не менее, крупнейшая из всех, видимых мной в Конго. Она строго разделена на два района: маленький с каменными домами, некоторые из которых очень современные, и африканский квартал с обычными хижинами, крайне бедный, без воды и канализации. Этот квартал был густо населён и здесь проживало множество беженцев из других регионов, чьи пути сошлись в этой точке; в другом районе обитали командующие и сами солдаты.

Физь расположена на вершине горной гряды, которая спускается к озеру, в 37 километрах от Бараки, на лугу с бедной растительностью; в качестве защиты тут имелся только один зенитный пулемёт, обслуживаемый греческим наёмником, взятым в плен в бою в зоне Люлимбы, и местные командующие были вполне удовлетворены столь странной и ненадёжной защитой. Генерал Мулане принял меня очень холодно, поскольку ему была известна цель моей поездки, и, учитывая напряжённость между генералом и Ламбером, он счёл нужным выразить своё неудовольствие. Моя ситуация была немного необычной: столкнувшись с сухостью генерала Мулане, вежливого, но холодного хозяина, я буйно ходатайствовал за Ламбера, рассыпаясь в любезностях; это было настоящее сражение без оружия. Результатом было то, что у нас было два обеда: один с генералом, другой с Ламбером. Они относились друг к другу со взаимным уважением и Ламбер стоял на вытяжку перед генералом.

У нас состоялась небольшая встреча, в ходе которой я проинформировал генерала о работе, которую мы провели на всём фронте, и, не болтая ничего лишнего, выразил намерение говорить с товарищем Ламбером насчёт того, что можно было бы сделать в Люлимбе. Генерал выслушал меня в полном молчании, а потом отдал приказ на суахили одному из своих помощников (сам он не говорил по-французски), и тот начал перечислять только что закончившиеся грандиозные акции, проведённые в Муенга, городе, находящемся примерно в 200 километрах к северу. Трофеями было знамя и старое ружьё, отобранное у бельгийского священника. По их словам, они

не смогли пройти дальше и захватить другие селения из-за отсутствия оружия и боеприпасов; бойцы привели только двух пленников, однако, цитата: «Вы знаете, дисциплина не очень хорошая, и мы многих убили ещё до того, как добрались сюда». Патриоты потеряли трёх человек. Теперь они хотели укрепить Муенгу тяжёлым оружием и отправили на озеро просьбу выдать его, вместе с боеприпасами и некоторой амуницией. Затем они собираются начать наступление на Букаву, имея около 300 штыков. Я не стал задавать много вопросов, опасаясь обнаружить плохо сдерживаемую иронию или недоверие к их словам, и заставлял их пускаться в объяснения, несмотря на то, что выглядело не очень логично, что 300 человек, после тяжёлой яростной битвы, не смогли взять больше трофеев, чем флаг и ружьё деревенского священника.

Вечером «помощничек» генерала, вместе с полковником из региона Касенго, объяснил мне особенности всех обширных владений Мулане. Они особо касались Увиры, сектора, который располагался в зоне доминирования генерала, но который, тем не менее, находился под командованием полковника Бидалилы, игнорирующего прямые приказы главнокомандующего; полковник из Касенго, напротив, был верным подчинённым Мулане. Оба они жаловались на отсутствие оружия; полковник из Касенго уже долгое время ожидал боеприпасов и амуниции, но они так и не прибыли. Я спросил его, почему он не вернулся в Кибамбу, и он ответил, что хотел подождать, пока в Бараку придёт оружие, и оттуда силами своих людей транспортировать его в Касенго, а затем начать наступление.

Генерал Мулане и полковник из Касенго являлись ветеранами, начавшими борьбу вместе с Патрисом Лумумбой; они не говорили этого напрямую, но переводчик уверенно объяснил, что именно они инициировали борьбу и являются истинными революционерами, в то время как Масенго и Кабила присоединились к ней гораздо позже, и сейчас хотят воспользоваться ситуацией. Он начал прямые нападки на этих товарищей, обвинив их в саботаже; согласно одному из информаторов, Кабила и Масенго посещали Нор-Катангу, откуда им присылали оружие и материалы, дабы сохранить эту зону, верную Сумиало, в полной нищете и беспорядке, что так же позже произошло и в Касенго. Кроме того, они не соблюдают субординацию; несмотря на присутствие в зоне генерала, подполковник Ламбер, являвшийся оперативным командующим бригады, имел полную независимость, и координировал свои дела только с Кабиллой и Масенго, получая от них нужное количество оружия и боеприпасов, разлагая дисциплину и предотвращая всеобщее наступление революции.

Обе стороны, - и люди из Касенго, и люди из Физи, - попросили у меня кубинцев. Я объяснил, что пытаюсь сконцентрировать свои скудные силы, а не распылять их по всему фронту, что один или два кубинца не изменят ситуацию; я пригласил их посетить озеро, где наши товарищи смогли бы обучить их азам обращения с пулемётом, там же находились специалисты по тяжёлой артиллерии; таким образом, они могли бы воспитать собственных артиллеристов, не полагаясь на наёмников, как в случае с Физи. Этот аргумент их вообще никак не убедил.

Генерал пригласил меня посетить Бараку и Мболо, свою родную деревню. Я дипломатично принял предложение, но мы должны были вернуться в тот же день, поскольку нам необходимо возвращаться в зону Люлимбы. Перед отъездом я совершил прогулку по Физи и имел возможность осмотреть раненого в Касенго бойца. Пуля пробила ему бедро, и рана была инфицирована, выделяя неприятный запах. Я рекомендовал немедленно отправить его в Кибамбу, - раненый провёл в этих условиях уже 15 дней, - дабы им занялись находившиеся там медики, и предложил, чтобы он тотчас же был транспортирован в Бараку, в рамках нашей поездки туда. Они рассудили, что более важным будет погрузить в автомобиль многочисленную охрану, и оставили раненого в Физи; я больше не имел сведений о нём, но думаю, что дело закончилось очень плохо.

Для них важно было организовать шоу; генерал Мулане надел свой боевой наряд, состоящей из мотоциклетного шлема, обшитого шкурой леопарда, который придавал ему довольно смешной вид, в результате чего товарищ Тумайни окрестил его «Космонавтом». Маршируя очень медленно, и останавливаясь через каждые 4 шага, мы наконец достигли Бараки, небольшого городка на берегу озера, где я ещё раз имел счастье наблюдать всё то, что уже перечислено ранее, т.е. полную дезорганизацию.

В Бараке были заметны следы прежнего благополучия, здесь даже некогда был хлопкоупаковочный завод, но война разрушила всё, и мелкие фабрики теперь были разбомблены. В 30 километрах к северу, на берегу озера, располагалась деревня Мболо; к ней вела очень плохая дорога, шедшая параллельно берегу. Примерно через каждый километр мы обнаруживали то, что называлось барьерами; две палки, переплетённые сизалевым волокном, означающие сигнал остановки, близ которых несли свою вахту стражи, требовавшие путешественников

предъявить документы. В связи с нехваткой бензина, единственными, кто путешествовал здесь, являлись революционные функционеры, и было непонятно, зачем так распылять силы на многочисленные дорожные посты, в то время, когда нужно заниматься их сосредоточением. В Мболо произошла смена персонала; солдаты, приехавшие на грузовике кортежа, заменили трёх, которые укатили в Физь в отпуск; так же был организован военный парад, который завершился выступлением генерала Мулане. Здесь идиотизм достиг поистине чаплинских форм: было чувство, что мы смотрим плохую комедию, скучную и пресную, в то время как командующие орали во всю глотку, топали ногами и ругались последними словами, а бедные солдаты приходили и уходили, появлялись и исчезали вновь, пытались реализовывать их перестроения. Командиром отряда был бывший офицер бельгийской армии. Каждый раз, когда бойцы попадали в руки одного из трёх этих бывших колониальных вояк, они с лихвой узнавали все нюансы казарменной дисциплины, с местными особенностями, никогда однако не выходившими за рамки приличий. Всё это служило для организации парадов всякий раз, когда в регион пребывала важная шишка. Худшее состоит в том, что солдаты с открытым сердцем впитывают подобную методологию, которая преподносится им как образец тактики.

Наконец, все разошлись, и генерал повёл нас в свой дом, и со всей любезностью нам было предложено подкрепиться. Той же ночью мы вернулись в Физь поговорить с Ламбером, чтобы затем немедленно уехать. Кроме преобладающей враждебности и холода в отношении к нам, - что очень отличалось от общего отношения конголезцев, - здесь имелось столько признаков бардака и разложения, что невольно возникала мысль о необходимости очень серьезных мер и очень большой чистки. Так я и сказал Ламберу, когда увидел его, и он, очень скромный, ответил, что всему виной генерал Мулане, что сам он в своём секторе, как я имел возможность убедиться, таких вещей не допускает.

Мы выехали на следующий день на джипе, но вскоре кончился бензин, и нас оставили на дороге, поэтому далее мы пошли пешком.

Вечером мы остановились отдохнуть в доме друга Ламбера, который промышлял продажей самогона. Полковник сказал нам, что он пойдёт посмотреть, можно ли немного поохотиться, и ушёл; вскоре нам принесли кусок мяса, который мы съели с обычным аппетитом; Ламбер, между тем, явился много позже, с искрящимися глазами, что сигнализировало об обильном алкогольном возлиянии, при этом он сохранял самообладание. Мы столкнулись с группой из 15 или 20 новобранцев Ламбера, которые решили уйти, потому что им не выдали оружия; Ламбер сделал им серьёзный выговор, он вещал с ужасным пафосом, несмотря на простоту слов, что можно объяснить состоянием эйфории после потребления «помбе». Прямо там новобранцы взяли наши вещи и сопровождали нас до самой Любоньи; я думал, что они потом вернутся на фронт, но на самом деле они исполняли только роли носильщиков, а затем их отпустили на все четыре стороны.

Мы поговорили с Ламбером о наших будущих планах: он предложил оставить Главный Штаб в Любонье, но я утверждал, что этот пункт не подходит, т.к. находится в 25 километрах от врага. Генеральный Штаб не мог располагаться от имевшихся войск, - от силы 350 человек, - на такой дистанции. Мы можем оставить здесь свои пожитки, но сами должны быть вместе с нашими бойцами на фронте. Ламбер не очень охотно со мной согласился, и на следующий день мы назначили отъезд. Он повёл нас осмотреть его оружейный склад, который располагался примерно в 5 километрах от Любоньи, в хорошо сокрытом месте. Действительно, в условиях Конго создание такого арсенала играло важную роль; здесь было большое количество боеприпасов и оружия, включая и захваченное у врага в предыдущих акциях, в эпоху, когда враг был ещё слаб; 60-мм миномёт с боекомплектom, бельгийские базуки североамериканского типа, несколько снарядов к ним, пулемёты. Группа Ламбера была намного лучше укомплектована, нежели группа Физи, что придавало некоторый вес аргументации этих бойцов.

Мы намеревались тотчас же спуститься на равнину, встретиться с войсками Ламбера, Калонда-Кибуйе и Калихто, оставив только несколько засад для сдерживания подкрепления, и окружить Люлимбу подвижной цепью, используя бойцов из Килонда-Кибуйе для двойной задачи: атаковать деревню со стороны дороги и одновременно предотвращать возможное прибытие подкрепления. В резерве мы имели людей с барьера, установленного на трассе, которая шла из Люлимбы в Кабамбаре, находившегося так же под командованием Ламбера.

Мы вышли, вооружённые всеми этими грандиозными планами, но нам так и не удалось покинуть Любонью: после соответствующих собраний и раздачи «давы», появились два самолёта В-26 и два Т-28, начавших систематический обстрел деревни. Выдержав 45 минут бомбардировки, мы

имели несколько легко раненых, шесть разрушенных домов и пару автомобилей, посечённых шрапнелью. Командир объяснил, что результат этой операции демонстрирует силу «давы»; только двое наших бойцов получили очень незначительные ранения. Мне показалось правильным не начинать дискуссию об эффективности авиации и достоинствах «давы» в случае, вроде этого, и на этом мы прекратили беседу.

По прибытии к барьеру, начались собрания и совещания, в финале которых Ламбер мне объяснил, что он не будет спускаться на равнины; помимо всего прочего, сейчас в его распоряжении было всего 67 штыков, а 350 его людей были разбросаны по близлежащим деревням. Он не имел сил для проведения запланированной атаки; он немедленно приступит к поиску «отпускников» и наладит необходимую дисциплину.

Я убедил его, чтобы он отправил группу людей на равнину для разведки и налаживания кое-какой предварительной работы; я пойду с ними. Утром он вышел с первой группой людей, сообщив им, что он проводит их немножко, а потом направится к барьеру Кабамбаре, чтобы найти побольше людей; мы встретимся внизу.

Дойдя до деревни, которую мы приняли за Люлимбу, и не встретив там никого, мы продолжили путь в сторону реки Кимби и, в 2 километрах от неё столкнулись со всеми нашими бойцами, сидящими в засаде; деревня, которую мы приняли за Люлимбу, на самом деле ею не была, та располагалась в 4 километрах отсюда, на берегу реки Кимби. Ламбер получил хвастливые новости из Калонда-Кибуйе, информирующие об уничтожении всех позиций в этом пункте и о том, что гвардейцы бежали в джунгли; поверив в это, он распорядился спокойно двигаться вперёд, и когда бойцы прибыли на место назначения, они почти нос к носу столкнулись с гвардейцами, такими же безмятежными, как и наша группа. Они делали свои упражнения в лагере недалеко от деревни, и их было много. Тотчас же была организована маленькая засада, а разведка подсчитала, что в лагере находится от 150 до 300 солдат неприятеля.

Главным сейчас было сконцентрировать здесь наибольшее количество бойцов, организовать их и начать атаку без надежд на получение подкрепления, но сначала мы должны были создать более прочную базу и ждали, пока Ламбер приведёт своих незабвенных 350 человек. Мы отступили к Мисьон, который располагался в 4 километрах от Люлимбы, чтобы там дожидаться результатов совещаний, проводимых с каждым из руководителей различных барьеров; ответственным за эту деятельность был сам Ламбер.

1. Любонья – деревня между Люлимбой и Физии

15. Начало конца

Лагерь, организованный в Мисьоне, производил такое впечатление, словно группа парней прибыла отдохнуть сюда на выходные; царило полнейшее безразличие ко всему вокруг. Издали можно было услышать крики спорщиков или хохот, громко отражающийся от сводов церкви, в которой остановились бойцы; шла безостановочная борьба за поддержание порядка на постах. Ламбер постоянно приходил и уходил, создавая впечатление эффективной работы по поиску своих людей; но они всё не появлялись, а число бойцов не могло превысить цифры в 40 человек; когда набиралось немного больше, кто-то просто возвращался на свои барьеры или в свои деревни. Так же не были спущены с гор пулемёты, предназначенные для укрепления позиций; их едва удалось дотащить до первого холма, который доминировал над подступами к горам.

Разведывательные рейды, которые провели Вазири и Банхир, демонстрировали, что в регионе имеется гораздо больше солдат, чем эти 53, о которых мы имели сведения. Главный лагерь располагался на другом берегу реки Кимби, но был и ещё один, местоположение которого так и не удалось выяснить; враг свободно пересекал этот берег реки и кормился на огромных полях маниока, возделываемых крестьянами Люлимбы, расположенных по обеим стороны дороги. Там можно было бы с относительной лёгкостью устроить засаду. Банхир, который провёл разведку справа от дороги, полагал, что должен быть другой лагерь, но он его так и не нашёл. Я послал его в новый рейд к небольшому холму, доминировавшим над равниной, дабы отыскать этот второй лагерь. Он не смог выполнить свою задачу, потому что столкнулся с группой вражеских солдат, охотившихся здесь, но к счастью те его не заметили. Безнаказанность охотников доходила до того, что они добирались до самых отрогов гор; с наших позиций слышались выстрелы, которые они

производили из своих винтовок в разных направлениях, и это очень нервировало дозорных на постах. Уже в первый день они толпой бежали с засадной позиции, услышав вблизи выстрелы гвардейцев.

Пришли новости о различных акциях, которые осуществил Мбили, ответственный за засады на дороге между Катенгой и Люлимбой. Он нанёс вражеским войскам некоторые потери, однако не в необходимом размере, и колонны с подкреплением сумели пройти. Мойя предупредил, что в засадах больше не осталось никого, кроме наших людей, поскольку конголезцы, в самом лучшем случае, не оставались на позициях больше двух-трёх дней, после чего удалялись; каждый раз было всё труднее и труднее найти замену бойцам; они возвращались в свои горные лагеря, окончательно растеряв последние крохи энтузиазма, поразившего их в первые моменты. Самолёты бомбардировали крестьянские деревни Нганья и Кенянья, сбрасывая листовки, которые содержали очень размытое фото неких мёртвых людей, сопровождаемое комментарием, что всё это результаты рейдов «симба»¹. Ниже помещалось обращение к населению на суахили и французском, вопрошавшее, хотят ли они быть убиты или испытать страдания во имя обогащения кубинцев и китайцев, пришедших в Конго чтобы украсть золото страны. Но, среди прочих идиотских словоизлияний такого же типа, были и весьма точные высказывания, вроде того, что крестьяне не имеют ни одежды, ни соли, не могут охотиться или возделывать поля, что голод угрожает их семьям; кое-что из этого крестьяне могли воспринять. В нижней части был пропуск, подписанный Мобуту², позволяющий бойцам повстанческих отрядов вернуться к нормальной жизни, им была гарантирована жизнь и свобода армией Чомбе.

Это тот же метод, который использовал Батиста в нашей войне. Он имеет влияние на некоторых слабохарактерных индивидуумов, однако на Кубе он принёс очень мало вреда. Мои опасения однако сводились к тому, что здесь слабохарактерные лица были в подавляющем большинстве. Понятно, что подобно батистовским тупицам, местные реакционеры разбрасывали эти многообещающие листовки аккуратно после бомбардировок и террора; думаю, что это стандартный метод репрессивных армий.

Я направился провести осмотр окрестностей, чтобы найти место для размещения оружия и обустройства засад. За этим занятием прошло утро, и я продолжал своё дело, как вдруг прибежал Данхузи, - один из моих помощников, - чтобы сообщить, что гвардейцы охотятся очень близко от Мисьона, что они совершили несколько выстрелов, после чего дозорные сбежали и рассыпались по окрестностям. Я должен был вернуться назад и заняться трудным делом по поиску людей. Это было нелегко, поскольку сплочённость конголезских бойцов длилась только до первого сигнала тревоги, после чего все они находчиво бросились в сторону своего безопасного убежища: гор. В результате этого разгрома, со мной остались только 20 или 25 конголезцев.

На следующий день в ходе своего очередного турне прибыл Ламбер; он вернулся с барьера на дороге в Кабамбаре, и заявил, что его люди сейчас в 4 километрах от Люлимбы и им даны инструкции быть готовыми к любому повороту событий, однако их было не 120, а лишь 60; само собой, у них было огромное желание сражаться. Я уже больше не особо верил Ламберу из-за его частых безответственных выходов, но в последствии мы действительно смогли насчитать около 60 бойцов. Я поведал ему о том, что случилось, и сколько бойцов у нас осталось; мы не могли атаковать с таким количеством людей. По последним данным, Люлимба была значительно усилена, поэтому я предложил организовать три маленькие засады с простой целью потрепать врага; две в полях маниока – месте, где противник всё чувствовал себя в безопасности, - и одну на дороге. Я сменил и свой пост, переместив его в сторону реки, Киве, которая протекала слева от дороги, чтобы организовать там своих людей. На самом деле, я искал повода отделиться от Ламбера, и попытаться сформировать смешанный кубинско-конголезский отряд; желание, которое так и не удалось претворить в жизнь, поскольку не удалось создать необходимое для этого конголезское ядро. Ламбер заявил, что должен обсудить эту новую тактику маленьких засад со своими людьми, а после он даст ответ, но благодаря своему характеру и произошедшим далее событиям, этот ответ так и не пришёл.

В ходе одной из этих анархичных экскурсий из одной стороны в другую, Ламбер столкнулся с охотившимся солдатом, и убил его. Для меня это обозначало новые проблемы. Очевидно, что гвардейцы Чомбе слышали выстрелы очередью и догадались, что это не мог стрелять их товарищ, так как тот имел только ружьё «Спрингфилд»; с другой стороны, убитый не был закопан и лежал там, где был настигнут пулей. Я указал Ламберу, что он должен похоронить тело, чтобы не оставлять следов и сохранить неопределённость о судьбе солдата, но все мои усилия наталкивались на стену, потому что никто не хотел делать этого из-за суеверного страха перед

мёртвыми. Я тяжело боролся, чтобы убедить их в необходимости устранения тела; не знаю, сделано ли это было, но вечером они заявили, что закопали труп в надёжном месте.

Было нежелательно оставаться здесь дальше, поскольку система безопасности была нулевой, из-за чего бойцы на постах «давали газу» при малейшем намёке на опасность, и иногда, без предупреждения, просто уходили к горам. Я предложил отступить на километр, и Ламбер в принципе согласился с этим, но задача выполнена не была.

Я должен был догнать людей, посланных искать Макунго, и сформировать из этой обособленной группы ядро партизанской армии, свободной от вредного влияния недисциплинированных солдат, но я не мог оставить Ламбера наедине с его свитой кретинов, и мы договорились, что я пошлю ему Мойю с 10 людьми; он в ответ даст мне 10 бойцов, выбранных из добровольцев, чтобы пройти боевое обучение. Ламбер исполнил лишь половину из своих обещаний; он дал мне десятерых, но они не были ни добровольцами, ни избранными, и вообще никак себя не проявляли.

Близ ручья, в пяти километрах от Люлимбы, я нагнал группу, которая шла во главе с нашим новобранцем Тембо; тот уже прошёл испытание изнурительным маршем и заработал уважение со стороны недоверчивых кубинцев. Принимая в расчёт тех десятерых, что были посланы вместе с Мойей к Ламберу, нас было 35 человек; крошечное войско. Остаток группы из 120 человек был разбросан на берегу озера, на Главной Базе, на Фронте Форс и фронте Калихте. Каждый раз, когда мы шли вперёд, наша «армия» уменьшалась и мы никак не могли сконцентрировать силы; я не осмеливался оставить без присмотра кубинцев ни одного пункта, так как, в противном случае, тотчас же происходил возврат к прошлому беспорядку. В эту группу пришли некоторые новые люди; лейтенант, брат Азимы, который получил псевдоним Ребокате, гаитянский врач Касулу, весьма полезный для нас (не претендуя на то, чтобы принизить его знания, он был полезнее не из-за своих медицинских умений, а потому, что в совершенстве владел французским), и Тума, руководитель группы связистов. Именно с ним мы обсудили последние пришедшие инструкции, изменив их, поскольку он предполагал, что будет действовать в Дар-эс-Саламе. Я слегка модифицировал этот аспект организации, приказав закрепить радиобазу на вершинах приозёрных гор, - с конголезской стороны, - откуда он мог бы связаться с Дар-эс-Саламом и Кигомой, а так же искать способы напрямую соединиться с Кубой. Война не может быть руководима из Конго, - в чём заключался мой замысел, - если мы будем продолжать во всём зависеть от Дар-эс-Салама.

Мы обсудили типы необходимого оборудования и договорились об использовании китайского передатчика, очень хорошего, одного из тех, что распространялись с абсурдным эгалитаризмом, - по одному на каждый фронт, - без учёта того, что африканцы не имеют ни малейшего представления о том, как пользоваться аппаратами. Хотя некоторые конголезцы умели с ним управляться, ограниченный диапазон передатчика не позволял использовать его для связи друг с другом, но было невозможно просто отказаться от них: каждый передатчик зорко охранялся и не было способа, чтобы передать его кому-то другому. Мы хотели попытаться создать солидную группу радиосвязи, которая бы служила для обучения конголезских кадров. Туме так же были даны инструкции, в соответствии с которыми он должен был поехать в Физь для осмотра длинноволновой радиостанции и проверки того, сможем ли мы создать на её базе революционное радио для покрытия всего региона, поскольку, несмотря на множество авианалётов, радиостанция Физи сохранилась в целости.

Я послал Масенго вместе с товарищами письмо, полное обычных советов; в этот раз я подчеркнул, что мы должны серьёзно поговорить с людьми из Физи для прояснения отношений и использования находившегося там радио, поставив его под централизованный контроль, что поможет избежать саморекламы и пропаганды в пользу одной из фракций. Я сделал несколько критических замечаний в отношении газеты, руководимой Киве. Не высказываясь насчёт её общего плохого качества – мы не могли в данной ситуации требовать большего, - я возражал против лживых рассказов о боевых действиях. Они были ужасны, любой автор военных рапортов времён Батисты мог бы поучиться у товарища Киве, вкладывавшего в газетные отчёты всё своё воспалённое воображение. Потом Киве объяснял мне, что во всём этом были повинны его корреспонденты.

Эти дни были использованы для разведки с целью точного определения позиций врага, и поиска места для временного лагеря, где мы могли бы начать реорганизацию наших бойцов, оставив придорожные хижины, которые служили нам убежищем некоторое время. Авиация активно кружила над местностью, не уделяя однако внимания брошенным домам, расстреливая область близ барьера Ламбера. Мы в очередной раз обеспокоились этими атаками, когда прибыли два человека из группы Мойи, сообщившие нам, что, отправившись на разведку, они столкнулись с

вражеским войском, наступавшим развёрнутым строем; разведчики вынуждены были спрятаться и уже не вернулись в Мисьон. В прилагаемом докладе излагаются события того дня:

«28 сентября

Тату:

Сегодня, около 13:00 началось наступление гвардейцев из Люлимбы на Мисьон в форме заградительной цепи, идущей пешком по дороге, сопровождаемой миномётными обстрелами и авиационными бомбардировками. Близ зенитного пулемёта я встретился с полковником и другими нашими товарищами; тогда я отдал приказ немедленно открыть огонь из пушки, чтобы избежать окружения гвардейцами наших товарищей в Мисьоне; засадные команды, составленные из конголезцев, огня не открыли и до сего момента эти бойцы не появились. Товарищи Тиза и Чаиль, которые находились в Мисьоне в качестве поваров, смогли отступить к нашим позициям; товарищи Банхир и Рабанини около 4:00 отправились на разведку и до сего момента мы не знаем, что с ними стало, полагаем, что они отступили к тому месту, где вы находитесь³. Конголезцы потеряли практически всё: моя идея заключается в том, чтобы обстреливать гвардейцев с этой позиции, используя для этого наших людей, поскольку конголезцы, в момент, когда самолёты начали стрелять, побросали зенитные пулемёты, а когда я сказал, чтобы они вернулись на огневую позицию, они бросились на землю. Я поставил за пулемёт кубинца; командовать артиллерийским расчётом я поставил другого нашего товарища. Пушка располагалась в двух холмах позади нас; полковнику ещё вчера было сказано, чтобы он перенёс орудие на эту позицию, но этого так и не было сделано. Товарищ Компанье⁴, который встретился с товарищем Тизой в Мисьоне, ушёл вместе с конголезцами, и нам ничего не известно о его местонахождении, так что теперь нас восемь; если мы не сможем остановить гвардейцев, мы думаем отступить дальше в горы, потому что холм за нами абсолютно голый; кроме того, мы слышали выстрелы в сторону Физи, что очень странно.

Товарищ полковник уверяет меня, что его люди останутся с нами, но мне эти уверения кажутся сомнительными. Гвардейцы остановились в Мисьоне и находятся там прямо сейчас.

Мойя».

Пришли новости от Мбили: они атаковали две танкетки, уничтожили одну, но враг всё равно прошёл, авиация, застав их врасплох на рассвете, атаковала очень активно, но никто не пострадал. Конец доклада был патетичен: Мбили имел нескольких больных кубинцев, и только три конголезца оставались с ним, остальные отступили к своей базе. В другой раз гвардейцы просто смели засаду, - теперь с относительной лёгкостью, - поскольку деморализация конголезских бойцов была неописуемой.

На следующий день радио сообщило, что Генеральный Штаб Мобуту, обладавший, согласно сообщению, войском численностью в 2400 человек, во главе с подполковником Хоаре, атаковал зону Физь-Барака, чтобы уничтожить этот последний оплот повстанцев, и Барака уже пала под его ударами.

Ламбер, со своей стороны, заявил, что Барака действительно была атакована, но наступление было отбито, а враг потерял убитыми 20 белых наёмников и бесчисленное множество чёрных. Как видно, сами конголезцы абсолютно не беспокоились о количестве погибших негров, главным для них было количество убитых белых. Между тем, вот ещё один доклад с фронта Ламбера:

«29 сентября

Тату:

Вчера мы разговаривали с полковником чтобы спустить пушку и миномёт и сконцентрировать огонь на гвардейцах, которые были по ту сторону Люлимбы и уже взяли Мисьон, поэтому Ламбер отправился искать пушку и миномёт в сопровождении Нане, дабы предотвратить возможное его невозвращение; так же ему было предложено, чтобы после обстрела мы удалились на другой холм, дабы избежать последующего налёта авиации. Уже вчера самолёты летали низко и гвардейцы указывали им цели для бомбардировки посредством выстрелов из миномётов; в 17 часов вчерашнего дня вернулся товарищ Нане с двумя миномётами и пушкой и установил их на позициях; полковника с Нане не было, но позже, около 18:00, он явился совершенно пьяный, приведя нескольких людей из лагеря и предложив, чтобы после стрельбы

из миномётов и пушки, мы спустились вместе в Мисьон, поскольку, по его мнению, после обстрела все гвардейцы убегут. Я сказал, что это очень опасно, потому что враг очевидно выставил засады и подобный маневр будет равносителен практически прямому попаданию в паутину гвардейцев, и может возникнуть путаница, грозившая тем, что мы перебьём друг друга; он ответил, что это исключено, что он сделает это, что он уже говорил с вами, и что они идут атаковать Люлимбу; я заявил, что наши люди остаются здесь. Кроме того, он сказал, что гвардейцы собираются оставить себе одеяла, захваченные в Мисьоне, и что этого нельзя допустить⁵. После атаки он намеревался поехать в Китай. Мы осуществили выстрелы из миномётов и орудия и вернулись в лагерь вместе со всеми солдатами Ламбера. Сам он так же вернулся.

Вечером мы договорились побеседовать обо всём этом по возвращению в лагерь, но оказавшись там, мы даже не пытались этого сделать, поскольку полковник всё ещё был пьян. Я решил подождать другой возможности для разговора. Орудие мы переместили на другую позицию. На позиции, откуда мы стреляли вчера, мы оставили дозорный пост для наблюдения. За орудием мы имеем нашего товарища, чтобы предотвратить возможное продвижение гвардейцев вперёд. По всей видимости, они обосновались в Мисьоне, а другие отступили к своему лагерю, поскольку грузовики уехали. Практически всё, что мы делаем, заключается в принятии мер сдерживания в случае, если гвардейцы попытаются прорваться. Моя идея заключается в следующем:

Ночью осуществить несколько выстрелов по Мисьону, подождать несколько дней для проведения там разведки, поскольку возможно гвардейцы уйдут и их не будет видно. Наши люди, за исключением товарища, который находится за орудием, полностью мною контролируются. Сегодня мы сказали полковнику, чтобы он с самого раннего утра выводил своих бойцов из домов из-за угрозы авиационной атаки, что и было сделано; мы думаем выстроить какие-нибудь убежища. В отношениях между нами и Ламбером не намечается никакого раскола, поскольку в предыдущих трениях виноват лишь самогон. Мы можем контактировать со здешним лагерем в любой момент, потому что, даже если мы перейдём на другую позицию, мы непременно оставим здесь кого-нибудь из наших.

Ожидаю инструкций от вас.

Моя».

Степень безответственности полковника была ужасной. Новости, которые я получил о ситуации в Бараке были фальшивыми: эта позиция была взята практически без боя, так что наша ситуация становится всё более сложной и на наших глазах растворялся проект армии с собственным арсеналом оружия, людьми и боеприпасами. Ещё проникнутый незнанием и слепым оптимизмом, в анализе сентября я писал:

«Анализ прошлого месяца был полон оптимизма, сейчас я не могу сделать того же, хотя некоторые вещи внушают надежды. Очевидно, что мы не сможем окружить Форс в течение месяца. Более того, теперь мы не можем даже указать приблизительную дату. Наёмники перешли в наступление, и - правда это или нет, - Барака и Люлимба превратились в надёжный оплот. Правда, что мы очень слабы в общении (с конголезцами), но почти невозможно драться вместе с этой группой в текущих условиях, и кубинцы должны делать всё в одиночку. Тем не менее, Масенго назначил координатором фронта друга Ламбера (что бесполезно, но решение исполняется другими и мною уважается) и написал мне примирительное письмо⁶, попросив дать ответ на некоторые конкретные вопросы. Моя борьба должна быть направлена на создание отдельной колонны, хорошо вооружённой и экипированной, которая одновременно будет и ударной силой и моделью для других; если это будет сделано, панорама изменится в значительной степени, а если нет – будет невозможно организовать революционную армию; качество здешних руководителей этому препятствуют.

Короче говоря, это месяц без прогресса, но и оптимизм пока ещё не увял. Будем надеяться».

1. Симба – (суахили «львы»), прозвище левых повстанцев, поднявших в 1964 году мятеж против центрального правительства Конго

2. Мобуту – начальник Генерального Штаба Национальной Конголезской Армии.

3. Это те товарищи, о которых я уже написал.
4. Руандийский солдат, принятый в наши ряды.
5. В предыдущий день отступление было столь поспешным, что в Мисьоне остались вещи Ламбера и некоторых других руководителей.
6. В моём дневнике написано слово «примирительное», но оно не подходит, поскольку отношения между нами и Масенго никогда не порывались.

16. Борьба против времени

Наша позиция не была особенно выгодной, и нам было бы очень плохо, в случае, если солдаты предприняли здесь наступление, но в нынешних условиях, когда неприятель находился по другую стороны Люлимбы, были основания предполагать, что мы можем какое-то время не беспокоиться. Позиция располагалась по берегам ручья Киливе, недалеко от первых отрогов гор. Нашей главной заботой была еда; иногда мы охотились на оленей, но с каждым разом их становилось всё меньше, а охотиться было небезопасно. Необходимо было считать, что мы находимся на вражеской территории, и охота должна была проходить очень точно, так как выстрелы были отлично слышны гвардейцам, даже несмотря на то, что те действовали очень опасно, уйдя практически в глухую оборону.

У нас было совещание с президентом одной из близлежащих деревень. Каждый маленький поселок имеет своего «капито», то есть мелкого управленца. А большими деревнями, или группами деревень, управляет президент. Наш президент говорил по-французски и был достаточно сообразительным; в течение долгого разговора я изложил ему наши просьбы: нам необходимы люди для транспортировки от озера консервов и других продуктов, крестьяне должны обеспечить нас помощью, овощами и сырцом табака, которые они выращивают. Взамен мы предложили делить с ними часть продуктов и материалов, принесённых с озера, достойную оплату предоставленной еды, оказание бесплатной медицинской помощи и снабжение лекарствами, - в пределах наших возможностей, - и семенами овощных культур, часть урожая от которых мы так же будем забирать. Президент принял к сведению все эти предложения и созвал совет своих товарищей, после чего, - через два или три дня, - нам очень торжественно был дан ответ, отпечатанный на машинке и подписанный большинством из членов собрания, где провозглашается готовность к поиску людей для отправки их к озеру; крестьяне гарантируют нам еду и попытаются найти табак, но они не могут принять плату, поскольку гостеприимство является правилом Революции, гласящим, что крестьяне должны кормить и поддерживать свою революционную армию.

От Мбили пришла новость: опять солдаты пересекли его линии фронта и снова в ходе акции были подбиты броневики, но на этот раз с помощью хитроумного устройства: мина была закопана на дороге, имея в качестве детонатора запал от ручной гранаты, приводившийся в действие посредством шнура, но теперь речь не шла о человеческой реакции, а о собственной тяге машины, которая, попав в маленькую ловушку, имела лишь 6 секунд на то, чтобы выбраться; по крайней мере одна танкетка взлетела на воздух с помощью такого примитивного механизма.

Я послал Сики на работы в качестве медика в зону барьера, и в то же время, чтобы он помог Мойе в осуществлении его задач; первые доклады, пришедшие от него, так же как и от Мойи промокшие под дождём, сетовали на крайнюю степень существующей дезорганизации. Его изумил обычай бесстрастно поддерживаемый конголезцами, несмотря на то, что они ожидали вражескую атаку; каждую ночь, ложась спать, каждый из артиллеристов разбирал своё орудие и уносил с собой в постель. Они не были способны выкопать траншеи для лучшей защиты, чтобы спать там вместе со своими орудиями, или, просто выставить охрану на ночь. Оружие, как личный предмет, должно было быть со своим владельцем, со своим господином, который не позволит ему «спать» без присмотра в другом месте, не являющимся его домом. Каждое утро начиналось с мучительных попыток мобилизовать бойцов, дабы они заняли свои боевые посты вместе с артиллерией.

Мне сообщили так же, что они слышали несколько громких взрывов в Любонье; когда они пошли узнать, что случилось, предполагая, что это нападение врага, обнаружилось, что арсенал полностью сгорел, в результате чего было потеряно множество миномётных и орудийных снарядов и пулемётных патронов.

Как предвестник прибытия товарища Масенго, приехал Муюмба, который до недавнего времени исполнял обязанности делегата Революционного Совета в Дар-эс-Саламе. Он прибыл, чтобы взять на себя ответственность за проведение саботажных акций на железной дороге Альбервиля, в области Макунго, и хотел взять с собой шестерых кубинцев. Моя реакция была гневной, я объяснил, что веду почти непрерывную борьбу за объединение своих людей, пытаюсь создать мощную смешанную армию и должен постоянно биться с распылением сил такого типа (здесь, кстати, я в первый раз использовал в своей беседе фразу, что кубинцы «конголизировались», то есть заразились царящим вокруг духом упадка). Это распыление сил принесло больше вреда, чем ожидаемой пользы; мы должны обсудить это очень серьёзно, потому что я вижу будущее Революции, идущей по данному пути, в очень плохом свете. Дискуссия, и, прежде всего, рассказы о происходящих событиях, оказали на него большое впечатление; он сказал, что готов остаться со мной, что найдёт 20 крестьян для прохождения военной подготовки и проведёт осмотр области Макунго, а после вернётся. На вопрос, соглашусь ли я принять рекрутов из крестьян, у которых нет вообще никакого военного опыта, я ответил, что это будет даже гораздо лучше; тысячу раз я предпочту новых людей, лишённых любых контактов с обычаями революционных войск, этим солдатам, уже отравленным разложением лагерной жизни.

На следующий день прибыл Масенго; так же в беседе с ним я недвусмысленно выразил свою точку зрения о проблемах, с которыми мы столкнулись, подчеркнув те решения, которые он должен принять дабы создать мощную и дисциплинированную армию, если не желает остаться с мелкими группами, разбросанными по горам. Мы договорились, что создадим в этой зоне фронт под руководством Ламбера, но я хотел бы иметь независимую колонну; я указал, что она должна быть независимой так же от контроля Ламбера, поскольку его безответственность приводит меня в отчаяние.

Мы хотели создать что-то вроде боевой академии. Я предпочитал иметь в качестве учеников крестьян и Муюмба пообещал увеличить их число до 60, но указал, что добавит ещё солдат с разных фронтов; это предложение не вызвало у меня особого восторга. Кроме того, мы намеревались более рационально организовать Генеральный Штаб, что позволило бы оперативно руководить всеми фронтами, и я согласился послать Сики в качестве консультанта для налаживания работы штаба, Тембо для политической работы и Касулу, медика и переводчика с французского. Масенго попросил, чтобы я написал нашему послу в Танзании, чтобы он как-то повлиял на танзанийское правительство, поскольку трудности увеличивались день ото дня. Наконец, он попросил больше кубинских кадров. Я в принципе сказал да, но должен был сделать тщательный отбор; это была специфическая война, в которой качество отдельных кадров стоит многого, и его невозможно заменить количеством.

На следующий день, в то время как мы дискутировали, пытаюсь поднять из руин Освободительную Армию, произошёл трагикомический инцидент: один из парней бросил зажжённую спичку и хижину, сделанные из сухой соломы, - сезон дождей только начался, - вспыхнули словно факелы; сгорели некоторые вещи, но больше всего меня пугала опасность, в которой пребывали люди, поскольку в хижинах так же находились гранаты, взрывающиеся внутри, и, кроме того, меня беспокоило впечатление, которое мы произвели на Масенго и его товарищей нашей небрежностью и дезорганизацией. Агано, виновник инцидента, - один из лучших наших товарищей, - тем не менее был приговорён оставаться три дня без еды.

Когда происходил весь этот фейерверк с «участием» патронов и гранат, сопровождавшийся взрывами моих бомб большой мощности, приехал Мачадито, наш кубинский министр здравоохранения, с несколькими письмами и посланием от Фиделя. Он привёз с собой своего коллегу Мучунго, министра здравоохранения Революционного Правительства Сумиало; они потерялись и вышли на наш лагерь, ориентируясь на звуки взрывов. Я знал о давних отношениях, которые поддерживал Сумиало и его товарищи с Фиделем. Люди из Революционного Совета не были правдивыми в своих рассказах; думаю, что их слова были правдивы только наполовину, потому что в таких случаях всегда бывает так, а кроме того, они вообще мало что знали о том, что происходит внутри страны; они уже очень долго пребывали вне Конго, и, так как волна лжи от «демобилизовавшихся» за границу солдат неуклонно росла вверх, я полагаю, что, даже не имея плохих намерений, они всё равно не могли получить представление о том, что же происходит в реальности. Дело описывалось ими в идиллических красках, с повсеместным присутствием военных группировок, с силами в джунглях, с продолжающимися боями; картина, далёкая от той, что мы видели перед глазами. Кроме того, им удалось добыть достаточно денег, чтобы совершить серию вояжей по всему африканскому континенту, объясняя характеристики своего Революционного Совета, подвергая бичеванию Гбенье и его камарилью. Они обращались так же

за помощью в поддержке своих беспочвенных проектов, и просили другие дружественные страны выдать до 5 тысяч винтовок, торпедных катеров для действий на озере и тяжёлого оружия, выдумывая планы фантастических атак и невероятных наступлений. У Кубы им удалось выпросить 50 врачей, и Махадито прибыл изучить условия для их приезда.

Ранее через Тембо я получил впечатление того, что обо мне думали на Кубе, что там уверены, будто бы я настроен крайне пессимистично. Сейчас эта картина была усилена личным посланием от Фиделя; в нём он советовал мне не отчаиваться, попросил вспомнить первые дни борьбы в Сьерра-Маэстре и всегда помнить, что эти проблемы неизбежно возникают, несмотря даже на хороший кадровый состав. Я написал Фиделю длинное письмо, из которого я привожу несколько параграфов, которые очерчивают мою точку зрения:

«Конго, 5.10.65.

Дорогой Фидель,

Получил твоё письмо, которое вызвало во мне смешанные чувства, поскольку во имя пролетарского интернационализма мы совершаем ошибки, которые могут очень дорого стоить нам. Кроме того, меня лично беспокоит то, что - или от отсутствия серьёзности написанного в моих письмах, или потому, что ты меня вообще не понял, - вы полагаете, что я страдаю ужасной болезнью беспричинного пессимизма.

Когда прибыл твой «греческий подарок»¹, он сказал мне, что одно из моих писем сильно напоминает послание приговорённого к смерти гладиатора, а Министр², передав мне твоё оптимистическое сообщение, лишь подтвердил это твоё мнение. Ты можешь переговорить с эмиссаром, и он передаст тебе свои впечатления как бы из первых рук, так как он проехался по большей части фронта; по этой причине я опускаю собрание анекдотов о местном положении. Я скажу тебе только то, что здесь, согласно словам моих собственных сторонников, я потерял объективный взгляд, сохраняя необоснованный оптимизм, противоречащий реальной ситуации. Я уверяю тебя, что если бы для меня это не было красивым сном, я был бы полностью разбит атмосферой всеобщей катастрофы.

В своих предыдущих письмах я просил вас более не присылать сюда людей, но только кадры; сказал, что здесь практически нет нехватки оружия, за исключением некоторого специфического вооружения, но напротив – слишком много вооружённых людей и слишком мало солдат; и особенно я подчеркнул необходимость давать денег не больше, чем по чайной ложке, да и то – лишь после многочисленных просьб. Ни одно из этих увещеваний не было принято к сведению, и уже сфабриковано множество фантастических планов, которые подвергают нас опасности международной дискредитации, а так же ставят меня в очень тяжёлое положение.

Перехожу к объяснениям:

Сумиало и его товарищи продают вам кирпич огромных размеров. Было бы утомительно перечислять огромное количество вранья, в котором они погрязли, предпочту объяснить вам сложившуюся ситуацию на прилагаемой схеме. Есть две зоны, где можно говорить о присутствии каких-то организованных революционных сил; это зона где сейчас находимся мы, и другая, часть провинции Касаи, где базируется Мулеле, являющийся тёмной лошадкой. В остальной части страны присутствуют только автономные банды, выживающие в сельве; они без борьбы потеряли всё, как, к примеру, без борьбы ими был сдан Стэнливиль. Но не это самое печальное, самое худшее это упадочный дух, царящий среди групп данной зоны, единственной, имеющей связь с заграницей. Разногласия между Кабилу и Сумиало с каждым разом всё более обостряются, и именно эти разногласия выступают в качестве предлога, чтобы сдавать города без боя. Я достаточно знаю Кабилу, чтобы не питать никаких иллюзий в отношении него, и не могу сказать того же самого о Сумиало, однако, что касается этого последнего, то некоторые выводы напрашиваются исходя из известных фактов, таких как постоянная ложь, окружающая его, тот факт, что он так и не соизволил ни разу явиться в эти проклятые Богом места, частое пьянство, практикуемое в Дар-эс-Саламе, где он обитает в лучших отелях, и вид союзников, которых он тут завёл против других фракций. В эти дни группа армии Чомбе высадилась в зоне Бараки, где генерал-майор, верный Сумиало, имеет не менее тысячи вооружённых людей, и захватила этот чрезвычайно важный стратегический пункт практически без боя. Сегодня они выясняют, кто виноват: те, кто не сражался, или те, кто не выслал с озера достаточно боеприпасов. Факт в том, что они позорно бежали, бросив в зарослях безоткатную пушку 75 миллиметров и два миномёта 82 мм;

весь обслуживающий персонал этих орудий пропал, и теперь они у меня просят кубинцев, чтобы спасти артиллерию (хотя неизвестно, где конкретно находятся орудия), а потом сражаться вместе с нею. В 36 километрах находится Физь, и они ничего не делают для того, чтобы защитить эту деревню; нет ни траншей на единственной подъездной дороге, выходящей между горами, вообще ничего. Всё это даёт лишь слабое представление о ситуации. Что касается необходимости тщательно подбирать людей, а не массово посылать сюда кого попало, то ты вместе с комиссаром уверяешь меня, что те, кто здесь находятся, отличные парни; я уверен, что большинство из них действительно отличные, если бы они не были надломлены. Нельзя быть уверенным в этом, нужно иметь действительно стальной дух, чтобы терпеть всё то, что происходит; здесь нужны уже не отличные парни, а сверхлюди...

А осталось их 200; поверь мне, что эти люди сейчас деградируют, если только мы не примем окончательного решения бороться самостоятельно; в этом случае произойдет естественный отбор, и мы увидим, со сколькими из них мы останемся стоять против врага. Возможно, что этот вариант слишком драматичен и необходим один батальон для того, чтобы вернуть территории, которые занимала Революция в момент нашего прибытия, и угрожать Альбервиллю, однако в данном случае численность не имеет никакого значения; мы не сможем в одиночку освободить эту страну, которая не хочет сражаться, здесь нужно возвращать боевой дух и искать солдат с фонарём Диогена и терпением Иова; задача, которая становится тем сложнее, сколь больше придурков наносят вред, встречая наших людей на своём пути...

Ситуация с лодками заслуживает отдельного внимания. Уже давно я просил двух техников-мотористов, чтобы избежать опасностей кладбища, в которое превратилась пристань Кигомы. Прибыли три советских пакетбота и не прошло и месяца, а два из них уже вышли из строя; третий, на котором прибыл эмиссар, зачерпывает воду всеми бортами. Три итальянские лодки последовали по тому же пути, что и предыдущие, несмотря на то, что имели кубинский экипаж. Для решения этой проблемы, а так же вопроса об артиллерии, необходимо согласие со стороны Танзании, которое не так то просто получить. Это не Куба, готовая ставить на карту всё, что имеет (карта, которая разыгрывается, достаточно слабая). Эмиссар получил от меня задание уточнить у дружественного правительства формат помощи, которую оно может оказать. Знай, что почти всё, что прибыло на судне, было изъято в Танзании и эмиссар так же должен сообщить тебе об этом.

Вопрос денег является для меня наиболее болезненным из-за его постоянного повторения, как я и предупреждал. На пике моей «расточительной» дерзости, после многочисленных слезливых просьб, я взял на себя обязательство снабжать фронт при условии, что я возглавлю борьбу и сформирую смешанную специальную колонну под моим прямым руководством, следуя стратегии, которую я сам и очертил, и которую вы поддерживаете. Я подсчитал, преодолевая душевную боль, что необходимо 5 тысяч долларов в месяц. Сейчас я наблюдаю, как суммы в 20 раз больше без вопросов выдаются всяким проходимцам, чтобы те комфортно жили в африканских столицах, не говоря уже о том, что они разъезжают по миру за счёт прогрессивных стран, частенько оплачивающих их поездки. На несчастный фронт, где крестьяне страдают от всех мыслимых бед, в том числе от притеснений и алчности собственных защитников, не приходит ни копейки, как и бедолагам, изгнанным в Судан (виски и женщины не фигурируют в списке трат, которые покрывают дружественные правительства, а это стоит денег, если хочется хорошего качества жизни).

Наконец, с 50 кубинскими врачами освобождённая зона Конго будет иметь завидное соотношение - один врач на каждую тысячу жителей, т.е. достигнет уровня СССР, США и двух-трёх других наиболее развитых стран мира, не говоря уже о том, что распределение здесь происходит в зависимости от политических предпочтений, и нет даже минимальной санитарной организации. Гораздо лучше, если бы вместо этого гигантского контингента будет послана группа революционных врачей, снабжённая, согласно моей просьбе, хорошими практикующими фельдшерами такого же революционного типа.

Так как в прилагаемой карте приводится краткая информация о военной ситуации, ограничусь лишь несколькими рекомендациями, связанными с объективной необходимостью: забудьте обо всех этих людях, руководящих фантастическими группировками, и подготовьте мне сотню кадров, не все из которых должны быть неграми, и выберете из списка Османи наиболее превосходных. Что касается оружия, необходимы новая база, электрические детонаторы с элементами питания, немного R-4 и более ничего на данный момент; забудьте о винтовках, - если они не компьютеризированные, то не принесут никакой пользы. Наши миномёты должны

быть в Танзании и с ними новый расчёт миномётчиков, чего нам более чем предостаточно. Забудьте про Бурунди и тактично попробуйте вновь поднять вопрос о лодках (не забывайте, что Танзания является независимой страной, и мы должны там играть по-честному, оставив в стороне рулетку, которую кручу я). Немедленно отправьте механиков и человека, который знает навигацию, дабы переправляться через озеро с относительной безопасностью; это уже обговорено и Танзания согласилась. Позволь мне самому справиться с проблемой врачей, но пришли некоторых в Танзанию. Не делайте вновь ошибок, раздавая деньги, поскольку конголезцы слушают меня, пока чувствуют себя нуждающимися, и игнорируют меня, если неконтролируемые деньги льются рекой. Не доверяйте никому и не судите никого по наружности. Приведите в чувство тех, кто ответственен за информацию, ибо, не в состоянии распутать этот клубок лжи, они дают утопическую картину, которая не имеет ничего общего с реальностью.

Я стараюсь быть ясным и объективным и правдивым. Вы доверяете мне?

Обнимаю».

Мы с Мачадо сходились во мнении о невозможности иметь здесь полсотни врачей, по крайней мере до тех пор, пока мы не организуемся как герилья, и он согласился с тем, что особенности нынешней ситуации действительно тревожные, поскольку он сам был свидетелем всего того разложения, которое существовало на фронтах и подтачивало дух Революции.

Я надеялся, что некоторые парни, такие как местный министр здравоохранения, могут помочь навести порядок, прежде всего потому, что сам он происходил из зоны Физи и имел здесь авторитет. Но на самом деле, это была нулевая фигура; оставаясь здесь до конца, за исключением короткого времени, когда он уезжал исполнить некоторые задачи, этот товарищ всё равно чурался Масенго (не знаю, кто в этом виноват) и, можно сказать, был оторван от реальности. Конечно, он не мог плодотворно заниматься медицинскими вопросами: здесь не было ничего больше, кроме кубинских врачей и некоторых медикаментов, прибывших для фронта или для поддержания элементарной санитарии в зонах расположения наших сил. Ранее мы говорили с Масенго о необходимости более внимательно заняться Физи, навязать свою власть генералу Мулеле и уделить некоторое внимание, например, медицинской службе или радиостанции, но теперь об этом было уже поздно рассуждать, поскольку Физь превращается во вражеский лагерь.

Мойя приехал из Любоньи, куда он отправился для проведения инспекции после взрыва арсенала, и принёс новость о том, что Барака сдалась в руки врага, по его мнению, без борьбы; потеряны пушка и миномёты, брошенные конголезцами. Думаю, что в данном случае ярко блеснули «болгары».³

На этом фоне у нас состоялась встреча с руководителями которых мы давно разыскивали, и вот наконец они появились. До этого момента нам не удалось осуществить никаких согласованных действий ни с Калихте, ни с Жаном Ила, командующим зоны Калонда-Кибуье. Не знаю, приписывают ли им то же, что и Ламберу, чьи особенности работы настолько экстравагантны, что не позволяют реализовать ничего толкового. В конечном счёте, на встрече присутствовали сам Масенго, товарищ Муюмба, министр здравоохранения, товарищи Жан Ила и Калихте, подполковник Ламбер, другие руководители фронта Ламбера, а так же обычные политические комиссары и зрители. Было приказано разыскать Закариаса, но он не ответил, поэтому руандийцы не были представлены. Мои слова были примерно следующими:

Во-первых, я представил присутствующих с нашей стороны: министра здравоохранения Кубы, прибывшего, чтобы провести анализ медицинских потребностей; Сики, руководителя Генерального Штаба кубинской армии; Тембо, секретаря партийной организации, покинувшего свой пост, чтобы сражаться здесь; товарища Мойю; товарища Мбили, оба с большим опытом борьбы. Разъяснил более менее то же самое, что говорил и Масенго, но добавил анализ поведения каждого из командующих. Ламбер был динамичным товарищем, спору нет, но он должен всё делать лично, он не сумел сформировать армию, его люди кое-как шевелились, пока он шёл вперёд, но в противном случае они останавливались. Привёл в качестве примера случай с мёртвым солдатом; Ламбер находился на первой линии, поскольку того требовал характер его собственных подчинённых. Напротив, Калихте никогда не появлялся на линии фронта. Оба подхода являются неправильными: руководитель не должен быть так близко к первой линии, чтобы это препятствовало обзору всего фронта и принятию совместных решений, но он так же не должен оставаться так далеко, чтобы потерять все контакты с сражающимися. Командующему Калондра-Кибуье я сообщил, что барьер, который по его словам выстроен на дороге, является

иллюзией, потому что там не было ни одного столкновения с армией; нет никаких причин содержать в этих условиях 150 бойцов. Так же я сделал подробный анализ недисциплинированности, допущенной жестокости, паразитических особенностей армии; это была действительно обличительная речь, и даже несмотря на то, что они вытерпели ливень обвинений, никто из них не был способен согласиться с моей «прокачкой».

Сделав несколько замечаний по поводу речи, товарищ Тембо сказал, что, на его взгляд, не было предложено практического решения проблем Конго; говорилось лишь о негативе, но ни слова о возможностях, предоставляемых партизанской войной. Это была справедливая критика.

Я так же провёл встречи со своими товарищами, поскольку до меня дошли слухи о некоторых проявлениях, отражающих растущее уныние; некоторые кубинцы заявляли, что он продолжают находиться в Конго лишь потому, что Фидель не знает о реальной ситуации, в которой они находятся. Я объяснил, что ситуация сложная, Освободительная Армия потерпела крушение и нужно бороться чтобы поднять её из руин. Наша работа будет очень тяжёлой и очень неблагодарной, и я не могу просить их быть уверенными в триумфе; лично я верю, что можно всё исправить, но только напряжённо работая и потерпев множество маленьких поражений. Так же я не могу требовать от них доверия к моим руководящим способностям, но, как революционер, я требую уважения за свою честность перед ними. Фидель был осведомлён обо всех фундаментальных фактах, и не одно из произошедших событий не было от него скрыто; я прибыл в Конго не для того, чтобы заработать дешёвой славы, и я не собираюсь жертвовать ничем, спасая личную честь. Если и является правдой то, что я не сообщил в Гавану мнения о том, что всё потеряно, то лишь потому, что, честно говоря, я такого мнения не имею, однако я осветил настроения войск, их колебания, сомнения и слабости. Я рассказал, какова в своё время была ситуация в Сьерра-Маэстре, когда моё отчаяние доходило до крайней точки из-за отсутствия веры в новых рекрутов, которые, поклявшись всеми святыми в своём непоколебимом решении сражаться до конца, «смаывались» на следующий же день. Вот какова была степень развития, и каковы были революционные силы на Кубе. Кто-то не верит в Конго? Конголезские революционные солдаты находятся здесь, среди масс, и мы должны обнаружить их одного за другим; эта наша основная задача.

Необходимость этого разъяснения демонстрирует силу фермента, растворявшего моральный дух наших войск. Трудно было работать с парнями; товарищи с достаточной дисциплиной формально исполняли приказы и директивы, но более не осуществляли никакой творческой деятельности; всё нужно было повторять по несколько раз, строго контролировать, и, кроме того, использовать пресловутые «прокачки», - которые не были слишком ласковыми, - чтобы поставленные задачи были исполнены. Осталась далеко позади эпоха романтизма, когда я угрожал недисциплинированным товарищам отправить их обратно на Кубу; если бы это происходило сейчас, в лучшем случае, я бы остался лишь с половиной от нынешнего состава.

Тембо написал длинное письмо Фиделю, в котором описывает, главным образом с точки зрения анекдотичности, сложившуюся в данный момент ситуацию. Вооружённый всеми этими данными, а так же собственными впечатлениями, Мачадо отправился в обратный путь.

В результате встречи с руководителями несколько изменился состав будущей академии, которая теперь должна была состоять из 150 солдат, представлявших три фронта, по 50 человек от каждого – Ламбера, Калонда-Кибуйе и Калихте, - помимо тех 60, которых пришлёт Муюмба, и крестьян, завербованные в регионе.

Что касается Бараки, я вернулся к разговору с Масенго и согласился послать туда Сики с несколькими людьми для организации защиты Физи, что делало возможным, после некоторого изучения, перенести туда все силы и атаковать авангард неприятеля. Но Сики заявил, в качестве предварительного условия, что всё должно быть сделано серьёзно, и руководство должно полностью находиться в руках кубинцев; только при таких условиях мы могли решиться отправить всех своих людей на борьбу. Этот ультиматум был необходим. Только недавно, во время неудачной попытки атаковать Люлимбу, среди наших товарищей поднялся ропот, и заявлялось, что если в следующий раз на позициях останутся одни кубинцы, которые умрут напрасно, защищая никому не нужные позиции, многие просто оставят борьбу, потому что таким образом её продолжать нельзя.

Я не мог рисковать атаковать Бараку, если мы не будем иметь в своих руках всего оружия, и не будет сделан серьёзный анализ; мы не знали, сколько сил находится там, но позиции врага были очень неудобными, они заняли приозёрный пляж, окружённый горами на враждебной территории.

Нужно было что-то делать. В конце концов, я почти умолял Масенго с помощью своего авторитета образумить людей из Физи и написать Кабиле ещё раз, просив его приехать в Конго. Нельзя было поносить Сумиало и его товарищей, и в то же время, продолжать кормить нас завтраками, обещая приехать в перерыве между пьянками в Кигоме и Дар-эс-Саламе. (То, что они постоянно пили, сообщил мне источник с другой стороны озера; не думаю, что это было правдой). Я сильно колебался, обдумывая, стоит ли говорить столь крамольные вещи, но я считал, что мой долг указать на них Масенго для того, чтобы эту позицию он донёс Кабиле напрямую; это не было попыткой играть роль нянек или опекунов, но есть вещи, которыми революционный руководитель обязан жертвовать в данный момент.

Масенго обещал написать Кабиле; не знаю, сделал ли он это. Я выдвинулся с Сики в зону Физи, в то время как Муюмба отправился в зону Макунго, обещав в течение 7 дней отправить нам 60 крестьян; он так и не исполнил своего обещания по причинам, которые мне неизвестны, поскольку он больше не вернулся.

Ламбер прислал мне письмо, утверждая, будто бы ходят слухи, что Физь так же пала, и он просит разрешения вместе с 25 людьми отправиться на поиски других 25, и с ними выдвинуться на завоевания Бараки, или, - если это не получится, - Физи; я ответил ему, что не имею полномочий на то, чтобы давать такое разрешение, но что, на мой взгляд, его собственный фронт имеет много слабых мест, а враг переходит в наступление, в связи с чем является необходимым его присутствие там. С другой стороны, глупо предполагать, что с 25 или 50 людьми можно восстановить то, что было потеряно, несмотря на сотни. Он был достаточно любезен чтобы послать мне ответ, в момент, когда он отправился в Физь со своим отрядом.

При всём этом, возможности даже слегка беспокоить врага в зоне Люлимбы были практически нулевыми; солдаты главного барьера уже не хотели спускаться в долину; я послал разведывательную группу к барьеру на дороге в Кабамбаре с заданием пересечь реку Кимби и изучить с другой стороны позиции солдат, и результатом был доклад, повествующий о том же общем уровне деморализации; лейтенант, отвечавший за барьер, заявил, что не может удерживать людей на позициях (их оставалось не более 25 человек); они не слушались его, не делали, то, что он приказывал, а, если повести их в бой, они попросту дезертируют. Это был так же чисто теоретический барьер, и группа должна была быть списана со счетов как боевая сила.

1. Тембо

2. Мачадо

3. Я следую обычаю, установленному в Конго, согласно которому бойцы именовались по национальности той страны, в которой они обучались.

17. Отступление по всем фронтам

Мы продолжали пытаться всеми возможными средствами инкорпорировать конголезцев в нашу маленькую армию и дать им азы военной подготовки, чтобы с этим ядром постараться спасти наиболее ценное: душу, само присутствие Революции. Но кубинцы, ответственные за то, чтобы вдохнуть жизнь в мёртвое тело, сами с каждым разом теряли всё больше жизненных сил. Действие климата не оставалось без последствий: к эпидемии малярии добавился гастроэнтерит. В дневнике кампании фиксировалась, - до тех пор, пока трудности полевой жизни не победили мой дух графомана-натуралиста, - статистика данного заболевания; за 24 часа более 30 заболевших. Сколько ещё, знают только джунгли. Многих товарищей постигла эта болезнь, которая не будучи слишком тяжёлой и не в состоянии сопротивляться сильным антибиотикам, тем не менее способствовала подрыву морального духа, и так уже разлагающегося. И ничто, что происходило за пределами нашего лагеря, не могло поднять его.

Немногие конголезцы, которых нам удалось завербовать, отправились за давой в близлежащий лагерь или пошли на осмотр к конголезскому медику (колдуну), и больше не вернулись, просто дезертировали. Столкнувшись с этим фактом, я осознал значение отсутствия прямого контакта с ними; я хотел внушить им всё то, что чувствовал сам, стремился убедить их в том же, во что действительно верил, но переводчик, и, - возможно, - моя белая кожа, сводили на нет все мои усилия. После одной из обычных выходов, нарушавших дисциплину (конголезцы отказывались

работать, что было одной из их особенностей), я яростно набросился на них, говоря по-французски; они услышали наиболее страшные выражения, которые я смог сыскать в своём бедном лексиконе, и, в минуту апогея, я сказал, что им нужно надеть юбки и отправиться собирать в плетёные корзины маниок (по их мнению – женское занятие), потому что больше они ни на что не годны, они хуже женщин; я лучше предпочту создать армию из женщин, чем из таких вот индивидуумов. Между тем переводчик изложил мою речь на суахили; конголезцы посмотрели друг на друга и рассмеялись от всего сердца, с приводящей в замешательство бесхитростностью.

Наиболее стабильной проблемой была, пожалуй, дава и её строгие требования, поэтому мне пришлось привести в лагерь «муганга», который, вероятно, относился не к самой высокой категории колдунов, однако, прибыв к нам, он немедленно взял быка за рога: заняв своё место, он всего себя посвятил отдыху, как и подобает «муганга» высшей категории. Он был находчив: на следующий день после приезда, я сообщил, что он должен отправиться с группой людей, которые должны провести несколько дней в засаде, поскольку дава теряла свою эффективность с течением времени и бойцы, утратившие магическую защиту, покидали свои посты на позициях, но он ответил категорическим отказом; он сделает им усиленную даву, действие которой будет двухнедельным. Столкнувшись с таким сильным аргументом и поддерживая его авторитет, мы должны были согласиться, и люди отправились в путь с усиленной давой, которая дала отличные результаты.

Днями раньше мы говорили с Масенго о начале практического военного обучения в зоне Калонда-Кибуйе, в связи с чем я принял меры чтобы отправить туда кубинцев с задачей действовать, разделившись на две группы, и провести отбор конголезских комбатантов, наиболее лучшим образом проявивших себя в засадных акциях. Мы хотели использовать ту же систему, что и в ближайшей к Катенге зоне, где мы были вынуждены снять засады из-за массового дезертирства, доходившего до такой степени, что на некоторых позициях остался всего один или два бойца. Мы оставили Ази, который был болен, с двумя товарищами, а остальные должны были быть сосредоточены с нами. Несмотря на наши усилия, среди больных и разбросанных по разным фронтам, нам удалось собрать очень немного свободных людей, и эти тринадцать бойцов во главе с Мбили и направились к Калонда-Кибуйе. Иширини был вторым шефом.

Этот товарищ был солдатом на Кубе, но из-за его человеческих качеств мы решили испытать его в ответственном деле подготовки местного командного состава, поскольку, если в конечном итоге наша армия станет больше, нам потребовалось бы это оперативное учреждение, укомплектованное достаточным количеством конголезских кадров. Товарищи должны были находиться по крайней мере 20 дней в засаде; мы решили не оставлять их на более долгий срок из-за суровости климата, который косил множество людей, особенно кубинцев. После этого вторая группа должна была отправиться в другой район, избегая насыщать ту же область засадами, в то время как первая группа отдыхала и восстанавливалась. Мбили ушёл, чтобы пересечь реку Кимби и начать действовать, и в этот момент, с небольшой временной разницей, я получил два письма – одно от Сики, а другое от Масенго. Сики писал:

«Моя,

Гвардейцы наступают на Физь, и ничто не может остановить их, мы уходим из Физи в Любонью, я постараюсь разрушить мосты. Можешь сказать Тату, что моя поездка закончилась крахом.

Сики.

10.10.65»

Письмо Масенго содержало новость о том, что Физь уже пала, и директиву, чтобы вся группа Калонда-Кибуйе была поставлена под моё руководство¹.

Между тем, некоторые из предыдущих работ начали давать результаты: с озера прибыл груз продуктов и кое-какие медикаменты, привезённые крестьянами, с которыми мы поделились частью вещей. Их было не много, но мы смогли дать им немного соли и сахара, и теперь наши люди пили сладкий чай. Прибыло письмо от Али, промокшее под дождём; это была история засады, которую мы попытались организовать в зоне Кабимбы; из-за найденной на тропе пустой пачки сигарет, группа вернулась назад, чтобы, в конце концов, прибыть на главную дорогу в весьма урезанном виде; из 60 конголезских солдат осталось только 25; на дороге они арестовали нескольких крестьян (те занимались уборкой трассы), которые заявили, что через несколько часов должен

проехать грузовик цементной фабрики, которая располагалась в Кабимбе. Руководитель конголезского отряда, узнав об этом, решил снять засаду за час до прибытия грузовика, поскольку с ним могли придти гвардейцы; на этом операция, длившаяся неделю, завершилась. Некоторое время спустя, дождь наград посыпался на головы конголезцев за столь элегантно исполненную акцию: капитан превратился в майора или команданте и так далее.

Из Физи приехал Сики, совершивший ускоренный марш-бросок из-за сложившейся там ситуации, и рассказал о перипетиях своей поездки. Посредников, через которых проходили беседы с генералом Мулане (Сики не говорил ни на французском, ни на суахили, а генерал не говорил на французском) было слишком много, чтобы дать гарантии абсолютного взаимопонимания, но в общем, Сики передал наш ультиматум и предложил немедленно выкопать траншеи. Существующая защита заключалась в «барьере», состоящим из трёх мужчин, - гранатомётчика со своим помощником и другого, который оперировал советским ППШ; так же имела обычная канава посреди дороги, как бы препятствовавшая проезду; ни укреплений, ни разведывательных мероприятий – больше не было ничего. После разговора с Сики, генерал Мулане взял слово и разразился речью, направленной против товарища Масенго, обвинив его в том, что во всём виноват именно он, потому что он не прислал ни оружия, ни амуниции, не прислал кубинцев, чтобы они дрались здесь, что в этих условиях он не может защищать Физь, что он не мальчик для битья, и что вся ответственность должна лежать на Масенго. Сики никак не отреагировал, не знаю, может быть из-за отсутствия характера или потому, что он находился на вражеской территории, как он мог квалифицировать эту зону, поэтому он перенёс весь этот словесный поток молча. Этой же ночью его уже не было в Физи.

Некоторые товарищи выражали мнение, что генерал не мог быть настолько туп, что он просто был в сговоре с наёмниками; не знаю, так ли это было на самом деле, но генерал продолжал оставаться в зоне Физи, как повстанец, после того, как мы покинули её. Думаю, что его медлительность может быть оправдана подобной деятельностью, но на практике, генерал сыграл в пользу врага.

Реальность такова, что внутренние разногласия, как показали события, прорвались наружу. 37 километров от Бараки до Физи враг прошёл по дороге, вьющейся вдоль холмов, со множеством возможностей для засад, включая реку, которая формировала достаточно трудный барьер для пересечения его автомобилями, мост через которую уже был наполовину сломан, но не было никого, кто полностью уничтожил бы его, чтобы достигнуть лучших возможностей обороны; это бы по крайней мере, несколько задержало наступление. Но ничего из этого не было сделано. 12 октября враг триумфальным маршем вошёл в Любонью. Полковник Ламбер, узнав о падении Физи, ушёл туда с 40 людьми, оставив тяжёлое оружие в Любонье, которое потерялось в зарослях; он не хотел прислушаться к голосу разума, а Масенго не имел духа, чтобы навязать ему решение остаться защищать этот последний рубеж, который стоял на пути объединения вражеских сил Люлимбы и тех, что высадились в Бараке.

Когда Масенго приехал в наш лагерь, я довольно раздражённо сообщил ему, что не могу взять на себя ответственность за организацию обороны от двойной атаки с имеющимися в наличии людьми. Восточный сектор был усилен Мбили, отправившимся туда с 13 бойцами, и теперь мы можем подсчитать, что 13 кубинцев находятся с одной стороны, и 10 с другой; дальнейшее развитие ситуации будет обозначать смерть этих 23 человек, поскольку остальные не хотят делать абсолютно ничего. На барьере располагался арсенал со 150 ящиками патронов всех типов, - прежде всего, для тяжёлого оружия, миномётов, пушек, пулемётов, - и в предыдущую ночь я пытался всеми средствами подключить людей к работе по спасению боеприпасов; я должен был угрожать лишить их воды, отобрать одеяла, которыми они укрывались, в общем, оказать экстремальное давление на них, в то время как Масенго, который провёл там ночь, был абсолютно бессилён что либо сделать для того, чтобы заставить их работать, а помощники Ламбера бежали вместе со своими бойцами.

Реакция Масенго заключалась в том, что он отправил Ламберу письмо, в котором приказывал вернуться и вместе со своими людьми принять участие в организации обороны. Не знаю, дошло ли это письмо до своего адресата, но всё было бесполезно; спустя некоторое время пришло известие, что без боя пала позиция, сдерживавшая натиск врага с обеих стороны - с Люлимбы и с Любоньи, - и теперь отступление превратилось в паническое бегство. Деятельность наших людей была более чем неважная; оружие, которое было передано под их ответственность, - например, миномёты, - осталось в руках конголезцев и было ими потеряно, кубинцы не продемонстрировали никакого боевого духа, и, точно так же, как и конголезцы, заботились только о том, как спасти свои жизни, а дезорганизация отступления была такова, что мы недосчитались одного человека и до

сих пор не знаем, потерялся он, ранен или убит вражескими солдатами, палившими по холму, по которому отступали наши люди. Мы думали, что он мог направиться на базу у озера или быть в каком-то другом месте, пока его длительное отсутствие не убедило нас, что он был убит или захвачен. Но более о нём мы ничего не знаем. Короче говоря, мы потеряли огромное количество оружия. Я дал указания, чтобы все присутствующие конголезцы, которые не задействованы в выполнении какой-либо миссии или приказа, были немедленно обезоружены. На следующий день в руках у нас оказались существенные военные трофеи, как если бы мы осуществили самую плодотворную из засад; пушка 75-мм с хорошим количеством боеприпасов, зенитный пулемёт в полной сборке и остатки другого, части миномёта, пять автоматов, гранаты, патроны и сотня винтовок. Ответственный за пушку, товарищ Бахаза, остался один на позиции, и, перед наступлением гвардейцев, панически анонсированного в докладе другого кубинца, ушёл, бросив орудие на произвол судьбы; наёмники наступали однако не с такой огромной скоростью и Мойя, отдав соответствующий приказ, сумел спасти пушку; тем не менее товарищ Бахаза, член Партии, был подвергнут мною серьёзной критике, как впрочем и многие другие.

Мы решили, по договорённости с Масенго, разоружить всех беглых солдат, лишить их всех званий и сформировать новый отряд из того, что осталось, а осталось, на мой взгляд, очень немного. Я рассчитывал только на тех, кто демонстрировал свою серьёзность и боевой дух.

Была проведена встреча с конголезскими товарищами; я очень резко высказался по поводу их поведения, объяснил, что мы хотели бы выстроить новую армию и никого не заставляем идти с нами, любой желающий может покинуть лагерь, но нужно оставить оружие здесь, а так же с нами остаётся арсенал, который мы спасли с превеликими трудностями. Выступая перед собравшимися, я попросил поднять руки тех, кто хотел остаться; никто этого не сделал. Так как я уже разговаривал с двумя или тремя конголезскими парнями, которые высказали желание продолжать борьбу, мне это показалось странным; тогда я взглянул на одного из них и попросил сделать шаг вперёд тех, кто хочет остаться; двое вышли из строя, и, немедленно после этого, все остальные сделали то же самое; теперь оставались все. Я не был уверен в такой искренности; я попросил их хорошо подумать, обсудить положение между собой и только после этого принять решение. После нового всеобщего совета, от них отделилось 15 человек, готовых немедленно уйти, однако произошли и положительные сдвиги; конголезский командир решил остаться как простой солдат, поскольку он не сильно ценил предыдущие звания, а число добровольцев оказалось больше, чем ожидалось.

Было решено, что Масенго вернётся на базу в сопровождении Тембо, Сики и медика-переводчика Касулу. Парадоксально, но политическая ситуация в стране была как никогда перспективной, поскольку Чомбе был отправлен в отставку, а новый премьер-министр Кимба безуспешно пытался сформировать своё правительство. Мы имели идеальную возможность для того, чтобы продолжить борьбу и использовать суматоху, которая охватила Леопольдвиль, однако вражеские войска, далёкие от событий в своей столице, по-прежнему действовали очень эффективно, и здесь, на фронте, не было никакой серьёзной внутренней оппозиции, действующей по своему разумению.

С товарищем Рафаэлем, отвечающим за наши дела в Дар-эс-Саламе, приехавшим поговорить лично со мной, мы имели дискуссию, в ходе которой договорились по ключевым вопросам; руководитель группы связистов должен находится на фронте; кроме того, нам должен был быть предоставлен передатчик, способный связаться напрямую с Гаваной, еженедельно должен был отправляться груз продовольствия для новой армии, которую необходимо снабжать как можно лучше, а товарищ из Дар-эс-Салама должен переехать в Кигому, заменив Чанга, который не говорил на суахили и испытывал много сложностей; Чанга переедет на эту сторону озера и будет отвечать за лодки.

Что касается снабжения, я изменил своё прежнее отношение, которое оказалось неверным; изначально я приехал, намереваясь создать показательное боевое ядро, пройти все трудности бок о бок с конголезцами и продемонстрировать им наш дух самопожертвования на пути революционного солдата, но результатом этой политики стало то, что наши люди голодают, раздеты, разуты, а конголезцы получают обувь, одежду и еду из других источников; единственное, чего мне удалось достигнуть, так это распространения недовольства среди кубинцев. Тогда было решено сформировать ядро армии, отлично обеспеченной амуницией, солдаты которой едят лучше, чем остальные конголезские бойцы; оно будет действовать непосредственно под моим командованием, станет практической школой, эмбрионом новой армии. Для достижения этих целей крайне важным являлась организация регулярных поставок из Кигомы базового снабжения, и его перемещение с озера на фронт с помощью крестьян, поскольку конголезских солдат будет

очень трудно заставить работать, а если бы этим занимались кубинцы, мы остались бы вообще без бойцов.

Мы разделили наши силы на два отряда под руководством моих заместителей Зива и Азима, боевые акции, после минимального курса обучения, должны были проходить под командованием Мбили и Мойи соответственно. Основной состав этого нового ядра был таков: 15 кубинцев и около 45 конголезцев, некоторые присоединялись сюда в соответствии с потребностями; командир отряда, три командира взводов, кубинцы, и три командира отделений (из пяти человек), так же кубинцы. Таким образом, три отделения составляли взвод, три взвода – отряд; в общем 9 командиров, все кубинцы. Мы переместились в новый лагерь, расположенный в часе ходьбы от предыдущего, близ первых отрогов гор, но всё ещё на равнине.

1. Эта группа никогда не была включена в наше войско, прибыл лишь ряд товарищей под руководством политического комиссара, который казался хорошим парнем, но он не мог справиться с этой толпой; остальные разошлись по своим деревням. Я разогнал всю эту банду, включая и комиссара, потому что больше не хотел беспорядка в своих войсках.

18. Катастрофа

В эти дни приехал и присоединился ко мне наш старый знакомый, «Крутой», который исполнял роль своего рода политического комиссара высшего уровня. Чарльз, который так же сопровождал меня, был политическим комиссаром, занимавшимся скорее практическими вопросами, конкретной борьбой, поскольку он мог работать непосредственно с людьми, говорящими на языке кибембе, составлявших большинство наших войск. Присутствие «Крутого» для нас было очень важным, так как мы искали кадры, способные к развитию; тем временем наш посол в Танзании информировал об очень сильном давлении на него со стороны правительства этой страны, дабы урегулировать конфликт с Гбенье. Я не знал, что может случиться, но был готов продолжать борьбу до последней минуты; в данный момент мне подошёл бы любой, кто поднял бы знамя повстанчества, в случае, если бы были достигнуты какие-то миротворческие договорённости.

Новый лагерь находился в лучших природных условиях, нежели старый, однако они всё же не были идеальными. Было очень мало воды, лишь небольшой очень грязный ручеек протекает там, и мы знали по опыту, какие желудочные проблемы это может спровоцировать; холм, располагавшийся между трассой и лагерем, препятствовал широкому обзору. Можно было бы занять гораздо лучшую позицию, поднявшись на сам холм, но там не было воды, и очень неудобно было бы таскать её туда для столь значительной группы людей, имевшейся в нашем распоряжении. Я отдал приказ организовать на вершине холма склад боеприпасов, дабы избежать бремени защиты 150 ящиков со снарядами всех типов, которые мы собирались спасти из Любоньи. Осматривая окрестности, выбирая место для арсенала, я предусмотрел ещё ряд других мероприятий, таких например, как размещение на вершине холма отряда, готового встать на защиту позиции в случае вражеской атаки.

Из некоторых присоединившихся к нам крестьян мы сформировали эмбрион третьего отряда; я планировал увеличить войско до четырёх отрядов, а затем остановиться, дабы подвести некоторые итоги, поскольку не желал чрезмерного увеличения численности бойцов, прежде чем будет проведён строгий отбор в непосредственном бою. Крестьяне региона, откликнувшись на призыв товарища Масенго, пришли, чтобы записываться в армию; всем им я персонально читал «азбуку революционера», переведённую Чарльзом в подходящих и понятных терминах.

Пришла записка с озера от Масенго, информирующая, что он не может приехать, потому что под рукой у него нет никакой доступной лодки (в конце концов, он сумел выехать на традиционной деревянной пироге «мотумбо» с приложенным к ней мотором); он был готов увезти Аробаини, - товарища, раненого в предыдущем бою, - чтобы попытаться спасти его палец, находившийся в крайне плачевном состоянии, из-за чего Аробаини выбыл из строя; он сообщил, что говорил с медиками, планировавшими выйти из борьбы, и попытался убедить их остаться ещё на 6 месяцев, до марта, но это было бесполезно, поэтому он принял решение в любом случае оставить их в Конго против собственной воли. Этот метод был слишком резким, но нельзя отрицать его эффективность для достижения искомого результата, и я полностью согласился с его действиями.

Мы выслали двух разведчиков, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится арсенал в Любонье и попытаться сделать что-нибудь для его спасения; он был больше чем тот, который мы вывезли с барьера Ламбера. Разведчики сообщили, что склад в порядке, но он не был никак защищён, в чём они ошибались, так как к тому моменту группа конголезских бойцов, составлявшая один из иллюзорных барьеров, была мобилизована с озера на охрану этого объекта.

По окрестностям бродило множество рассеянных бойцов из Любоньи, Калонда-Кибуйе, Макунго, которые укрылись в деревнях, терроризируя местных жителей. Мы решили принять необходимые меры, и Чарльз был назначен ответственным за карательную экспедицию, которая позволила бы очистить эти места, наказывая солдат и изымая у них оружие. Эта акция была хорошо встречена крестьянами, очень обеспокоенными деятельностью бродяг, ставших гораздо более жестокими и жадными с тех пор, как они потеряли командование и превратились в дезорганизованную банду.

Мы решили начать ускоренные строительные работы и занятия, чтобы не давать ни минуты покоя как конголезцам, так и кубинцам; дабы определить вектор действия, я провёл две встречи – одну с офицерами Генерального Штаба, а другую с членами нашей партии. На первой был обозначен метод военного обучения; фиксировались характеристики отрядов и принимались решения о последующих действиях; так же обсуждались методы внутренней дисциплины и интеграции с конголезцами. Моральный дух офицеров не был слишком высок; они демонстрировали большой скептицизм по отношению к поставленным задачам, хотя и исполняли их достаточно хорошо. Началось строительство домов, туалетов, больницы, работы по очищению мочила, и копанию траншей для защиты наиболее уязвимых районов. Но всё шло очень медленно, потому что дожди были теперь более интенсивные, а я не имел достаточной решимости заставить людей переместить арсенал, ожидая, когда окончится строительство на вершине холма; это был мой промах, ставший фатальным. С другой стороны, мы наслаждались фальшивой безопасностью, находясь в нескольких километрах от врага, который нечасто посещал эти места, не высылал наблюдательные патрули, как обычно бывает в таких случаях, но тем не менее, его авангардные посты были достаточно близко.

На собрании партийцев я вновь настаивал на необходимости поддержать меня ради создания дисциплинированной, показательной армии. Я спрашивал присутствующих, верит ли кто-нибудь из них в возможность триумфа и руки подняли лишь Мойя и Мбили, да только что прибывшие два врача, Физи и Морогоро; сей факт можно было считать продуктом реального положения вещей, но так же и близости ко мне; в общем, демонстрацией личной верности. Я предупредил, что иногда я должен буду просить их о самопожертвовании, возможно даже возникнет необходимость отдать жизнь, и спросил, готовы ли они к таким жертвам; теперь руки подняли все.

Мы проанализировали слабые стороны некоторых членов партии, подвергнув их критике, которая была принята. Когда я дошёл до случая Бахазы, - товарища, который оставил пушку на произвол судьбы, - тот не согласился с моей оценкой его действий. Бахаза демонстрировал исключительные качества, среди которых был и непоколебимый оптимизм, служивший примером для его товарищей, - как кубинцев, так и конголезцев, - но нельзя было отрицать его малодушия в тот момент, подтверждением чему было то, что орудие было спасено уже после того, как он его бросил. Я настаивал ещё и ещё, пока наконец, со вздохом упрёка он не ответил: «Хорошо, я виноват». Понятно, что это было не то, чего я добивался, ведь речь шла об анализе наших слабостей, так что я потребовал, чтобы другие товарищи, которые понимали, что вменяемый промах имел место быть, высказали своё мнение.

Я закончил собрание с убеждением, что очень немногие люди разделяют мою мечту о создании армии, которая приведёт к победе конголезского оружия, но был разумно уверен, что есть ещё люди, готовые пожертвовать собой, даже если эти жертвы останутся бесплодными.

Фундаментальной задачей было достичь единства среди конголезцев и кубинцев, очень трудной задачей. У нас были общие кухни, чтобы избежать анархии индивидуальной готовки; конголезцам не нравилась наша еда (повара были кубинцами, потому что при них не исчезали все продукты) и они постоянно протестовали, создавая очень напряжённую атмосферу.

Жан Ила, командующий зоны Калонда-Кибуйе, прибыл к нам с семьёдесятью людьми, но у нас уже и так было достаточно бойцов и я не мог принять его в наше войско; я отослал его обратно в родные пенаты, заверив в том, что вскоре туда же направится группа кубинцев, чтобы организовать засаду непосредственно на дороге, так как его позиции находились над трассой Люлимба-Катенга, где мы ещё могли осуществлять эффективные акции. Я забрал у него миномёт, испорченный пулемёт, в котором не хватало некоторых частей, и гранатомёт советского

производства без снарядов; он хотел увезти оружие обратно, но я приказал оставить его, поскольку полагал, что здесь оно будет в большей сохранности.

Прежде чем уйти, по просьбе Жана Ила, я обратился к его бойцам, предупредив, что мы должны работать вместе и раскритиковав их плохое отношение к крестьянам, как будто бы они забыли собственные корни. Эта моя речь и другая, для нашего войска, в которой я предупредил, что будут расстреляны те, кто дезертирует, не понравилась конголезцам. Дезертиры продолжали уходить с оружием в руках, и единственным способом прекратить бегство, было принять решительные меры, и, в то же время, дать возможность тем, кто хотел уйти, сделать это без оружия.

Наши патрули всё ещё продолжали бороздить окрестности в поисках беглецов и разбросанного оружия, и им удалось обнаружить пулемёт, у которого так же недоставало частей; с помощью того пулемёта, что оставил Жан Ила, удалось полностью собрать его. В ответ на суровое предупреждение и сделанное в то же время предложение, некоторые конголезцы начали покидать наши ряды.

22 октября, с самого раннего утра, были слышны непрерывные миномётные выстрелы в сторону Любоньи, что заставило нас думать, что противник наступает туда; приняв необходимые меры, я послал короткое письмо Масенго, в котором просил его усилить с помощью бойцов с озера эту позицию, дабы мы избежали сейчас оборонительного боя; по ходу дела (чтобы не нарушать обычая) я дал ему несколько советов, порекомендовав, например, отправить людей в Физь и Увиру, чтобы узнать, какова диспозиция наших войск.

Пришли вести из Любоньи; склад боеприпасов находится в полной безопасности, его разделили на две части: одна располагалась в месте, избранном нами, а другая скрыта конголезскими товарищами и они не хотели говорить, где она находится. Командир барьера в Любонье просил кубинцев, гранатомёты, другого оружия сдерживания, но я не хотел удовлетворять ни одну из этих просьб, дабы не продолжать разделения войск и их огневой мощи.

Настало 24 октября, дата, отмечающая полугодие нашего пребывания в Конго; шёл сильный дождь, и соломенные хижины промокли; некоторые конголезцы попросили меня разрешить им пойти поискать в старом лагере оставшиеся там цинковые листы, и я дал разрешение. Может быть прошло около часа с того момента, как вдруг я услышал винтовочную стрельбу, а после взрывы гранат; ничего не подозревавшие конголезцы столкнулись с наступающей армией и были атакованы солдатами. К счастью для них, солдаты стреляли издалека и все конголезцы спаслись. В лагере поднялось столпотворение; конголезцы исчезли, а мы не могли собраться; на самом деле, конголезцы направились к дому муганги, чтобы он сделал им даву, после чего они начали занимать свои места. Я приступил к организации обороны с отрядом Зивы, который должен был занять первую линию; мы вознамерились оказать тёплый приём солдатам. Вдруг, какие-то товарищи сообщают мне, что по горе движется контингент солдат; я не мог видеть их и спросил, сколько их, мне ответили что много: количество?, очень много, был ответ; он не знает сколько именно, но очень много. Мы находились в трудной ситуации, потому что нам могли отрезать отступление, а мы не могли достойно обороняться, если холм будет находиться в руках врага; я послал отряд под руководством Ребокате, чтобы он вступил в бой с солдатами как можно выше, дабы остановить их там.

Моя дилемма была следующей: если мы останемся, то будем окружены, если мы отступим, потеряем арсенал и всю амуницию, которую удалось спасти, такую как два миномёта, полевую радиостанцию и т.д.; у нас абсолютно нет времени, чтобы забрать хоть что-то. Я предпочитал столкнуться с врагом, надеясь продержаться до ночи, а затем отступить. Мы уже рассматривали этот план, когда враг появился на дороге, шедшей напротив трассы из Люлимбы, и открыл огонь оттуда, но это продолжалось не больше минуты. Тотчас после этого прибежал товарищ, - казалось, тяжело раненый, однако он лишь получил удар во время стрельбы из гранатомёта, - и объявил, что солдаты уже на первой линии; это было ошеломительно. Я должен был торопливо дать приказ к отступлению; пулемёт, конголезский расчёт которого бежал, был оставлен кубинским стрелком, который даже не сделал попытки спасти его; я послал людей предупредить бойцов на другом краю чтобы они хватали оружие и спешно уходили и что мы отступаем по флангу, после чего мы вышли на трассу, оставив в лагере множество неудобных вещей: книги, бумаги, продукты, даже двух обезьян, служивших в качестве талисманов.

Одна группа не получила приказ к отступлению, оставшись лицом к лицу с врагом, в результате чего понесла потери; Бахаза и товарищ Маганга были ранены, спасая пушку, и, после передачи её конголезцам, дабы те поместили её в безопасное место, остались сражаться вместе с Зива, Азима

и другими товарищами, которых я не могу вспомнить, и которые спасли нашу честь в тот день. После окончательного отступления, они выстрелили из гранатомёта по складу боеприпасов, но безрезультатно.

Мы, как я уже сказал, отступили в бок, избегая возможного окружения со стороны солдат, стрелявших сверху. Лично мой моральный дух находился в полном упадке: я чувствовал себя виноватым в этой катастрофе из-за своей недальновидности и промахов. Группа людей, которая следовала за мной, была достаточно большой, но я послал некоторых вперёд, чтобы открыть дорогу, в случае, если вражеские солдаты попытаются замкнуть кольцо; я приказал им ждать меня у подножия холма, но они продолжали идти дальше, и я встретился с ними лишь через несколько дней; с этого момента конголезцы начали дезертировать. Отдыхая у подножия холма, где нас должны были ждать, я предавался горьким размышлениям, думая, что нас тринадцать, - на одного больше, чем в тот момент, когда Фидель находился в похожей ситуации, но я не был таким руководителем, как он. Наш состав был следующим: Мойя, Мбили, Карим, Ута, Помбо, Тумайни, Данхуси, Мустафа, Дуала, Ситини, Марембе, «Крутой» и я. Я не знал, что стало с остальными.

Наступила ночь, когда раздались последние выстрелы солдат, занявших наши позиции; в это же время мы пришли в деревню, оставленную жителями, и забрали здесь нескольких жирных кур, оправдывая себя тем, что всё равно всё это будет потеряно крестьянами завтра, когда сюда доберётся противник. Мы продолжали двигаться дальше, надеясь оторваться, так как мы находились только в двух или трёх километрах от разгромленного лагеря, ибо дали большой круг по плохой дороге. Через километр или полтора располагалась другая деревня, в которой ещё оставались кое-кто из крестьян. Мы взяли ещё несколько кур и уже собрались заплатить за них, но крестьяне ответили, что все мы испытали огромную трагедию и являемся братьями по несчастью; мясо для нас не стоит ни копейки.

Мы надеялись, что кто-нибудь из них станет нашим проводником, но они были страшно напуганы; селяне просто сообщили, что неподалёку есть другая деревня, где находятся медики и кто-то ещё. Мы послали человека туда, и, через некоторое время, приехали наши доктора Физи и Кимби, и медбрат с двумя другими товарищами; они вышли из лагеря ещё ночью, чтобы провести посещение окрестных деревень, и остановились в одной из них, когда услышали шум боя; спустя некоторое время мимо пробежало большое количество конголезцев, среди которых был один раненый, который был осмотрен, после чего тот продолжил свой путь; все они направлялись в сторону Любичако. Медики знали от раненого, которого лечили, и возможно, от какого-то другого конголезца, так же легко раненого, что Бахаза был тяжело ранен. Пришло уведомление от Азимы с разъяснением, где они находятся, и, после короткого восстановительного сна, в 4 часа ночи мы покинули это место, сопровождаемые крестьянином-проводником, сумевшим преодолеть свой страх. В 6 утра мы прибыли в деревеньку, где находился раненый Бахаза; здесь так же сконцентрировалось неплохое количество бойцов, кубинцев и конголезцев.

Была уточнена картина катастрофы и её причины. Парни, посланные чтобы остановить солдат, стремившихся окружить нас у подножия холма, не сумели столкнуться с ними. Даже после того, как они увидели сверху, что враг входит в лагерь, они не стреляли, поскольку предполагалось, что мы, в случае окончательного отступления, поднимемся на вершину холма (чего не было сделано из-за информации, что враг уже находится там). Зива утверждал, - и это затем подтвердилось, - что теми, кого мы приняли за солдат на холме, являлись крестьяне, бежавшие по горам, увидев приближение настоящего вражеского войска, которое до этого никогда не покидало равнину; эти сведения ещё больше расстроили меня; мы упустили прекрасную возможность организовать засаду, в которой могли бы ликвидировать большое количество вражеских солдат, и проиграли из-за неверной информации, которая привела в беспорядок оборону и спровоцировала неоправданный распад одного из флангов. Товарищ Бахаза в момент отступления попал под огонь и до самой этой деревеньки ехал на плечах соратников.

Мы поднялись на склон холма, поскольку до сих пор мы всё ещё находились в рывтине, между тем как Бахазу медики пытались привести в себя. У него было тяжёлое ранение: пуля полностью переломала плечевую кость, а так же ребро, и застряла в лёгком. Эта травма навеяла воспоминания об одном товарище, который, получив в Сьерра-Маэстре аналогичное увечье, умер через несколько часов; Бахаза был сильнее, его мощные кости остановили пулю, которая, видимо, не дошла до средостения, но ему было очень больно; мы как могли реанимировали его, после чего начали подъём на очень крутой холм, скользкий от дождя, с тяжёлым грузом за спиной, который пришлось тащить измотанным кубинцам, без надлежащей помощи со стороны конголезских товарищей.

Транспортировка Бахазы у нас заняла 6 часов; это было ужасно, парни не могли больше 10-15 минут тащить раненого на своих плечах, и с каждым разом становилось сложнее найти им замену, потому что, как я уже сказал, конголезцы не изъявляли желания помогать, а наших было сравнительно немного. В какой-то момент показалось, что вражеские солдаты поднялись, чтобы заблокировать наш путь через один из склонов холма, и нужно было оставить нескольких бойцов прикрывать отступление, но это вновь оказались простые крестьяне, бежавшие в горы. С нашей точки обзора мы могли видеть бесчисленные пожары, так как противник предавал огню все крестьянские дома на своём пути; каждая деревня, в которую входили солдаты, сжигалась ими до последнего дома. Мы могли проследить этот маршрут по столпам поднимавшегося дыма, а так же мы видели многочисленные силуэты крестьян, искавших спасения в горах.

Наконец мы прибыли в маленькую деревню, где практически не было еды и полно беженцев; их глаза были полны молчаливого обвинения в сторону людей, пришедших, чтобы нарушить их годами устоявшийся покой; эти люди внушили им веру в триумфальный финал, а после убежали, оставив без защиты их дома, их посевы. Весь этот тихий гнев выразился в горестной и душераздирающей фразе; «И что мы теперь будем есть?». Действительно, все пахотные земли, скот остались там, внизу, селяне бежали лишь с тем, что могли унести в руках, как всегда нагруженные детьми, и они были не в состоянии принести еды больше чем на один или два дня. Другие крестьяне, рассказывая мне о том, как солдаты неожиданно ворвались и захватили их женщин, гневно вопили, что имея ружья, они могли бы защититься, но вооружённые лишь копьями, им пришлось спастись бегством.

Казалось, состояние Бахазы значительно улучшилось; он говорил спокойно, чувствовал себя менее больным, хотя был очень нервным, и выпил куриный бульон; успокоенный его самочувствием, я сделал фото, запечатлев его большие глаза, обычно навывате, выражавшие душевное беспокойство.

Ранним утром 26 октября медбрат пришёл ко мне чтобы сообщить, что ночью состояние Бахазы резко ухудшилось, он сорвал с себя бинты, а затем умер, по-видимому, от острого гемоторакса. Утром мы исполнили торжественный и печальный ритуал, вырыв могилу и похоронив товарища Бахазу; он был шестым, кого мы потеряли, но первым, чьё тело мы сумели похоронить. И это мёртвое тело, как и его поведение с момента ранения, было немой обвинением против моей недальновидности, моей глупости.

Собравшуюся маленькую группу проигравших я провожал печальным взглядом, внутренне осыпая самого себя шквалом упреков; я вспомнил все свои совершённые ошибки, и могу заявить, - и это правда, - что из всех смертей, произошедших в Конго, гибель Бахазы была для меня самой болезненной, потому что, будучи отчитанным мной за свои слабости, он ответил на критику действием, как истинный коммунист, но теперь уже я не смог проявить себя на должном уровне, и поэтому стал виновником его смерти. Со своей стороны, я сделал всё от меня зависящее, чтобы исправить свои ошибки, усилив работу, взявшись за неё с гораздо большим энтузиазмом как никогда. Я объяснил товарищам, что ситуация усугубляется, и если мы не сумеем объединиться с конголезцами, нам не удастся сформировать нашу армию; я попросил кубинцев хорошо подумать, ибо уже не только пролетарский интернационализм побуждал нас к борьбе; озёрная база позволяла нам иметь точку контакта с внешним миром - потеряв её, мы будем полностью изолированными в течении чьёто знает какого времени во внутренних районах Конго. Нужно бороться, чтобы сохранить открытой эту дорогу.

С конголезцами я поговорил позже, разъяснив серьёзность положения, а так же то, что корни нашего поражения в боях требуют от них экстраординарных усилий; между нами должны существовать более доверительные отношения и армия должна формироваться на базе единения, что позволит нам быстрее реагировать на любые ситуации; всё это я преподнес, апеллируя к их революционному сознанию. Окончив печальную церемонию похорон, мы переместились в Набикуме, - достаточно большую деревню, расположенную на берегу одноимённого ручья, в привлекательной и плодородной долине. Среди конголезцев проявились две фракции: одна маленькая, возглавленная «Крутым», который хотел любыми путями приблизиться к базе; другая, к которой принадлежало большинство выходцев из этого региона, возглавленная Чарльзом, который хотел оставаться здесь, ближе к гвардейцам, чтобы защищать родную зону.

Я решил остаться; вернуться обозначало добавить новые поражения к тем, которые мы уже перенесли, и усиливать деморализацию людей, почти полностью утеравших веру. Кубинцы желали идти на базу потому, что озеро так же действовало на них разлагающе, и, находясь там,

они были ближе к возможности бегства, но мы оставались здесь, возобновив деятельность по формированию двух отрядов из остатков людей, которых имели в наличии, собирая конголезцев и призывая кубинцев остановить отступление в этой точке.

Подводя итоги катастрофы, я сделал следующий анализ:

С военной точки зрения, я сделал первую ошибку, выбрав место для лагеря без предварительной более детальной разведки и без организации более солидной обороны; не были выставлены наблюдательные посты на достаточной дистанции для того, чтобы вступить в бой в нескольких километрах от позиции; я не приложил достаточных усилий для того, чтобы организовать склад боеприпасов на вершине холма, что могло дать нам больше гибкости в действиях, и для того, чтобы более разумно распорядиться тяжёлым вооружением, - например, миномётами, - которое было бездарно потеряно в бою. С другой стороны, информация о солдатах, окружающих нас по холму, расстроила все наши планы, и загнала нас в глухую оборону, представлявшую собой не скоординированные действия, а нагромождение людей, разбросанных там и сям. Кроме того, один из наших флангов, где было достаточно кубинцев, рухнул почти без боя; на этот раз мы не могли всю вину взвалить на бегство конголезцев; кубинцы, находившиеся там, тоже бежали. Когда мне объявили, что солдаты уже забрались на вершину маленького холма, защищавшего нас, я вознамерился схватить автомат и лично кинуться туда сражаться, но после я рассудил, что было бы неправильно рисковать всем для того, чтобы нанести лишь один удар, и я предпочёл отступить, но факт в том, что никаких солдат на холме не было, что информация была продуктом нервозности момента, точно так же как нервозность заставляла видеть солдат там, где были лишь беглые крестьяне, и большое количество врага там, где было не более 15 человек.

С военной точки зрения, был потерян весь арсенал, т.е. около 150 ящиков снарядов от пушек, которые в настоящее время были практически бесполезны, миномётов и пулемётов. Мы потеряли миномёт 82 мм и пулемёт, два миномёта 60 мм и два недоукомплектованных пулемёта, советский гранатомёт без снарядов, радиопередатчик китайского производства, с которым конголезцы наконец научились обращаться, множество других боеприпасов и мелкой амуниции. Гранатомёты, находившиеся в руках конголезцев, пропали вместе с гранатомётчиками; но прежде всего, был разрушен эмбрион организации, который нам удалось создать к тому моменту в среде наших людей.

Деятельность конголезцев не была столь плохой, как в других случаях; это правда, что в первые моменты все они пропали, но многие из них ушли лишь для того, чтобы получить у колдуна даву; после они вернулись, и среди них было несколько таких, кто хорошо себя проявил; мы уже могли бы начать выбирать бойцов среди них, если бы не столкнулись со столь тяжёлым и позорным поражением, в результате чего, после достойно проведённого боя, все они дезертировали.

С политической точки зрения, весь кредит доверия, который мы смогли заработать нашей братской и справедливой деятельностью по отношению к крестьянам, был исчерпан в связи с тем зловещим фактом, что все их дома были сожжены, они были изгнаны из региона проживания, и вынуждены теперь жить в горах, где практически не имеют никакой еды, и испытывают постоянную угрозу того, что вражеские солдаты доберутся и до этих мест.

Местные «генералы» мстили нам с лихвой; все они, Калихте, Жан Ила, Ламбер, его командиры, политический комиссар Бендера, и, возможно, некоторые президенты, начали болтать о том, что кубинцы просто-напросто куклы, которые много говорят, но в час боя убегают и бросают всё, а крестьяне, по простоте душевной доверившиеся им, жестоко расплачиваются. Эти революционные руководители хотели оставаться в горах, защищая свои ключевые точки; теперь они потеряли все из-за действий приезжих шарлатанов.

Это была пропаганда, которую командующие распространяли как среди своих солдат, так и среди крестьян. К сожалению, эти обвинения имели свою объективную базу; теперь нужно было очень долго и очень тяжело работать, чтобы вернуть доверие людей, которые, едва зная меня, положились на меня и на наш народ, гораздо больше чем на комиссаров и генералов, от произвола которых они страдали так долго.

19. Водоворот

Нашей первой заботой теперь стала борьба за доверие крестьян. Непрерывная череда поражений и неудач нашей армии, жестокое обращение и истязания, которым подверглись жители зоны, а

теперь ещё злонамеренные толки, за счёт которых разные местные командующие мстили нам; всё это поставило нас в очень трудное положение. Мы встретились с местным «капито», прибывшим вместе с руководителями соседних деревень и крестьянами, жившими здесь, чтобы переговорить с ними; в этом неоценимую помощь нам оказал Чарльз, исполнявший роль переводчика. Мы разъяснили им сложившуюся ситуацию, рассказали о причинах нашего прибытия в Конго, и об опасности, в которой находится революция, поскольку мы дерёмся между собой, не уделяя внимания борьбе с врагом. На собрании мы встретили восприимчивого и готового к сотрудничеству человека; он сказал тем, кто хотел его услышать, что это позор - сравнивать нас с бельгийцами (подобные речи уже были в ходу), поскольку он никогда не видел бельгийца и, более того, вообще белого человека, кушающего вместе со своими чёрными солдатами «букали» из одного котла, в той же пропорции, что и они. Конечно, слова крестьянина грели нам душу, но мы должны были добиться чего-то большего, чем простого привлечения симпатий; учитывая огромное количество деревень, разбросанных по региону, для установления доверительных отношений мы должны были провести по несколько дней в каждой из них, кушая «букали» из общей кастрюли; достичь успеха подобным образом было бы проблематично.

Мы попросили, чтобы нас обеспечили маниоком и некоторыми другими овощами, которые были у них в наличии; чтобы они снабдили нас инструментами для рытья траншей и обустройства лучшей защиты позиции; объяснили, что поможем обустроить госпиталь, в близлежащей местности, но вдалеке от дороги, по которой в ходе возможного наступления могли пройти гвардейцы; и что будет сформирован маленький отряд разведчиков, позволивший нам узнать больше о противнике. Они тотчас же согласились, и, спустя небольшое количество времени, госпиталь был готов; достаточно большой и удобный, расположенный на холме, защищавшем его от авиаударов, в котором мы вырыли ряд убежищ, чтобы сохранить материалы и предотвратить то, что случилось с нами недавно; потерю всего оборудования и амуниции.

Скорости и энтузиазму, с которым крестьяне ответили на наш призыв, способствовал так же и один прискорбный эпизод; на барьере в Любонье группа конголезцев решила установить, - с помощью запалов от ручных гранат, - мины-ловушки, что и было сделано, однако они не предупредили своих товарищей; другая группа конголезцев пошла туда и нарвалась на поставленную на врага мину. Трое были слегка задеты, но один получил тяжёлое ранение в живот навылет; в госпитале, куда все они были доставлены, их раны обработали раствором, брошенным врагом в ходе наступления. Легко раненые быстро пошли на поправку, но четвёртый должен был подвергнуться удалению петли кишечника в очень суровых полевых условиях, на открытом воздухе, с постоянной опасностью налёта вражеской авиации, кружившей над зоной. Несмотря на всё это, силами нашего хирурга Морогоро успешная операция была проведена, и это позволило нам объяснить крестьянам, что в больнице, - тихом и спокойном месте, находящемся под защитой от вражеских ударов, - операция была бы проведена более быстро и менее рискованно.

В эту же ночь прибыл ещё один раненый с двумя сквозными ранениями. Что же произошло? Услышав взрыв мины, вся группа конголезцев бросилась бежать; легко раненые и раненый в живот, который мог двигаться, так же бежали, подобранные затем своими товарищами, но один боец всё-таки остался там; может быть, он не мог двигаться из-за плохого самочувствия или же просто испугался. После того как стемнело, видя, что никаких гвардейцев нет, некоторые из конголезцев приблизились к месту трагедии, чтобы поискать своё оружие (они его бросили в ходе бегства) и вот тогда они наткнулись на этого раненого товарища. Он был перевезён в госпиталь, прибыв глубокой ночью. У нас не было ни ламп, ни какого-то другого подходящего источника света; освещая стол двумя фонариками, хирурги должны были провести операцию даже более сложную, чем предыдущая, на человеке, находящемся в критическом состоянии, не имея в наличии необходимых медицинских препаратов. Ранним утром, несмотря на все усилия, когда уже была закончена обработка всех четырёх выходных отверстий, пациент умер. Всё это, а так же большое внимание, уделённое докторами женщине, раненой в необычной схватке с быком (павшим от ударов копий), очень способствовало привлечению симпатий крестьян, и мы смогли сформировать ядро, способное сопротивляться злему влиянию местных «генералов».

Они тем временем продолжали свои коварные интриги. Например, эпизод с минами освещался по «Радио Бемба», где было заявлено, что именно кубинцы установили ловушку, а конголезцы попались в неё. Такая подлая ложь распространялась различными людьми, вроде политического комиссара Фестона Бендеры, команданте Хусейни и другими индивидуумами такого же масштаба; Калихто и Жан Ила не уставали бросать оскорбления лично против меня, так же, как и все люди Ламбера.

На смешанном барьере в Любонье конголезцы смеялись над нашими парнями, поскольку те, исполнявшие обязанности руководителей, вынуждены были работать, копать траншеи, в то время как их солдаты комфортно расположились в хижинах, выставив только 3 или 4 поста, и отказывались показывать место, где была спрятана часть вывезенного арсенала. Подобное отношение мы должны были переносить с бенедиктинским терпением.

Команданте Хусейни созвал совещание с участием конголезцев, среди которых были наши «уши». Говоря обо мне, он жаловался, что я отчитывал его как мальчишку, провизия, прибывавшая с озера, мною распределялась исключительно среди наших отрядов, а так же мы забрали у них всё оружие и боеприпасы; кроме того, мы съели всю кукурузу и маниок в округе; а ведь мы уже видели, что происходит, когда у конголезцев отнимают всю пищу. Самым печальным было то, что они, невзирая на все обвинения против кубинцев, просили нашего присутствия в их зоне.

Некоторые перечисленные факты, являвшиеся в общем-то незначительными, тем не менее имели под собой основу, ибо мы действительно жёстко обращались с местными командирами, боролись с их невежеством, их предрассудками, их комплексами неполноценности, нанося их самолюбию раны, которые, возможно, были довольно болезненны для их неразвитого сознания, винившего, как в самые худшие времена, белого человека во всех бедах.

Люди Ламбера осуществляли, со своей стороны, ту же клеветническую деятельность и пытались напрямую столкнуться с нами, обвиняя нас в трусости, - дескать, спровоцировав вражескую армию, мы затем просто убежали, - что усугубило подавленность и не способствовало подъёму нашего боевого духа. Мбили много раз предлагал отступить немного назад, чтобы окончательно потерять контакт с Ламбером и избежать столкновения, в противном же случае боевой дух его людей будет окончательно подорван. Такая ситуация наблюдалась повсюду; товарищ Мафу написал мне с Фронта Форс записку, которую я быстро переправил Масенго, где было сказано следующее:

«Сообщаю вам о сложившейся ситуации. Я предложил приехавшему капитану и команданте осуществить саботаж на линиях врага, но они ответили, что у них нет ни пуль, ни еды. Консервы, которые имелись, уже съедены.

После получения вашего послания, они повторили то же самое¹. Приехавший капитан сообщил что конголезцы распустили засаду, что его люди избили и разоружили их и принесли оружие сюда. Команданте был вызван на собрание к озеру и он сказал мне, что ситуация очень тяжёлая, и он не может ехать, потому что конголезцы убьют его по дороге². В тот день состоялись две сходки, наполненные аплодисментами и криками. Я думал, что это обсуждаются будущие сражения, но затем узнал, что говорили о способах покинуть Конго. Сначала мне было сказано, что это произойдёт на следующей неделе, но затем на другом собрании они решили послать разведку к озеру, чтобы узнать, где находятся лодки и захватить их. Для этого туда был отправлен капитан в сопровождении 10 солдат. Кроме того, к комиссару в Кигому с другой задачей, но имеющей те же цели, была послана ещё одна группа.

Скажу так же, что 8 конголезцев, присутствующих на собрании, были избиты и теперь здесь остались только трое.

Наш информатор, не сообщил, говорили ли о нас в случае ухода из страны. Он сказал, что если они узнают о том, что он разговаривал с нами, его расстреляют. Если я получу более точную информацию, я дам вам знать».

Исходя из этих данных, я приказал Мафу укрепить базу, а Ази (находящемуся на фронте Макунго) прибыть ко мне. В то время, как всё это происходило, я пытался перегруппировать своих людей и послал экспедиции чтобы найти всё оружие, потерянное в ходе бегства и не попавшее в руки врага; пушку Бахазы, миномёты и пулемёты, спрятанные конголезским персоналом для того, чтобы бежать быстрее. Я направил письмо Сики, в котором повторил многие рассказанные вещи; привожу лишь несколько пунктов, дающих представление о моём видении ситуации:

«Разложение людей ужасное, каждый из них хочет бросить всё, чтобы идти к озеру; вероятно, тебе там попадутся многие из таких, немедленно отправляй их сюда хорошо нагрузив материалами. Пусть остаются только настоящие больные. Изначально я принял решение остаться здесь, в Набикуме, в десяти часах ходьбы от озера (Главной Базы), в полутора днях от Касимы и в двух часах от иллюзорного барьера близ Любоньи. Если я пойду к озеру, это

будет огромным политическим поражением, поскольку местные крестьяне, доверяющие нам, будут брошены. После реорганизации, мы сможем действовать более эффективно, этим вечером начинаются занятия по стрельбе из советского автомата, от которого здесь есть патроны. Испытываем недостаток в боеприпасах. 30 патронов (СКС) и очень не хватает патронов для FAL. Вы должны прислать, если конечно сами имеете, 5000 патронов к СКС и 3000 к FAL. Пожалуйста, если у вас их нет, сигнализируйте, отсутствие новостей приводит в отчаяние.

Ходят слухи, что движутся три корабля с боеприпасами, которые Кабила направил в Кабимбу, плюс ещё 40 кубинцев на них. Попробуйте взять как можно меньше этих людей и прислать их ко мне. После ознакомления с ситуацией, будет принято решение».

Информация о Кабиле была получена из уст конголезского посланника, который заверил меня, что сам видел кубинцев и Кабила лично высадился в зоне; в письме говорится о Кабимбе, но на самом деле речь идёт о Кибамбе.

Товарищи в изобилии писали мне, но зачастую по дороге письма перепутывались, создавая неразбериху в их датировке. Приведу полностью письмо без даты, написанное видимо в последних числах октября:

«Товарищ Тату,

Мы глубоко сожалеем о смерти товарища Бахазы и сочувствуем твоему горю, учитывая обстоятельства этого дела. Мы счастливы, что ты находишься в добром здравии вместе с другими товарищами.

Мы надеемся, что к тому моменту, когда ты получишь это письмо, мы уже оправдаемся в твоих глазах за очевидную халатность наших товарищей, касающейся отсутствия информации и посылки материалов. Как вы видели, 21 числа, «два дня спустя после нашего прибытия», был уже отправлен первый курьер и первое письмо. Прошло совсем немного времени, и был послан второй курьер, с обширным и всеобъемлющим докладом. В докладе мы приводим данные о персонале, который имеется в нашем распоряжении в данный момент.

Мы не можем объяснить, как можно было быть настолько наивными, чтобы верить в то, что Кабила прибыл с четырьмя судами (в любом случае, должны были придти четыре борта, нагруженные материалами). Он по-прежнему невозмутимо сидит в Кигоме. Что касается прибытия кубинцев, информаторы возможно выдали желаемое за действительное. Единственным кубинцем, который приехал с того берега, является Чанга, совершивший две поездки в течение 3 или 4 дней, после чего 19 числа он уже не вернулся. Что касается него, то он сказал, что хочет продолжить свои поездки, поскольку боится, что лодки будут уведены и связь по озеру будет потеряна. Это предположение является чем-то новым, однако оно происходит из тех настроений, которые прощупываются как в Кигоме, так и здесь, на озере.

Курьер сказал нам, что послано письмо к Масенго, но на самом деле оно не пришло, хотя мы считаем, что обсуждать с ним любые вопросы бесполезно, поскольку Масенго сейчас полностью разбит, и не имеет ни духа, ни авторитета, как он сам сказал нам во вчерашнем разговоре. Масенго сообщил нам, что сам Кабила не имеет никакой власти для того, чтобы решать хоть что-то, что все вокруг сваливают вину за бедствия на этих двух. Мы можем сказать тебе, что Масенго во время разговора выглядел крайне жалко. Он сказал нам, что не имеет власти для того, чтобы прижать тех, кто присылает бойцам письма, призывающие сложить оружие. Всё это он объясняет племенными различиями и подобными вещами. Он сильно настаивал, чтобы мы помогли ему найти безопасное укрытие для оружия и амуниции, для того, чтобы использовать его, если в будущем можно будет возобновить борьбу. Это в сочетании с тем, что, как мы уже сообщали, он готовится уехать в Кигому (о чём он не сказал нам, но о чём нас уведомил Ньенье), - даёт тебе представление о том, кто он есть.

Что касается ситуации на озере, на базе и на фронте Али и Тома (Касима), всё описано в предыдущем докладе. Единственным изменением является то, что день ото дня всё становится хуже. (Но это нормально здесь).

Что касается контроля над припасами, о которых ты говоришь в своём письме, в каждом докладе тебе высылается подробный отчёт обо всём. У нас ещё есть здесь некоторые резервы, кроме одежды, которая так и не пришла, и обуви, которой осталось очень мало.

Десяти конголезцам, которых ты нам послал, мы могли выдать только спортивные тапки. Оружия тоже нет, поскольку, хотя Ньенье взял под контроль ситуацию внизу у озера, это произошло достаточно поздно и фактически контролировать уже нечего. В резерве здесь на базе у нас осталось 15 винтовок FAL, но мы не выдаём их никому, потому что не думаем, что ты не одобришь это.

Мы полагаем, что ранее посланные доклады дадут тебе более полное представление об общей, объективно описанной, ситуации и это поможет принять тебе решение, как ты сказал в своём письме.

Кубинцами, прибывшими сюда в течение этих последних двух или трёх дней, являются: Израель, Касамбала, Амия, Абдала, Ами и Агано. Все будут посланы к тебе, кроме Израеля и Касамбалы, у которых опухли ноги от хождения босиком. Баати так же не может быть отправлен сейчас, потому что он болен. Что касается патронов, к вам идут 2 тысячи от FAL и три ящика 7.62 от автоматов АК, которых у нас нет.

Мы думаем, что, учитывая твою ситуацию, было бы неплохо, чтобы Тембо был направлен на помощь к тебе. Так же думаем, что ты должен подойти сюда или один из нас пойдёт к тебе, дабы обменяться мнениями об общей ситуации. Мы продолжаем поддерживать связь с Кигомой и Дар-эс-Саламом по радио.

Предполагаем, что все то, что произошло здесь, так же как и там, где ты находишься, является продуктом утечки информации врагу. Масенго тоже так считает, поскольку есть много людей, включая и высших офицеров, которые перешли к врагу, и много тех, кто непонятно где находится.

Другая вещь, о которой нам сказал Масенго (чьё мнение в этом случае мы разделяем), это то, что он ожидает в любой момент нападения на базу и озеро. Внезапная атака, которая произошла у тебя, утвердила нас в этом мнении.

Сики считает, что позиция, которую вы выбрали, очень плохая и в любой момент мы можем остаться в изоляции. Так как барьер находится в непосредственной близости от Казлы, а Касима, как ты знаешь из прошлых докладов, была захвачена несколько дней назад, и там только четверо кубинцев вместе с Асмари и Томом. Конголезцы не берутся в расчёт, поскольку они бежали.

Чтобы урегулировать поток сообщений, мы надеемся получить твой ответ перед отправкой следующего. Так мы будем знать, каковы ваши дела и что вам необходимо.

Помните, что здесь практически нет надёжных людей, и что мы имеем двух товарищей на миномёте у озера, двух на наблюдательном посту в Ганье и должны ещё установить пост здесь, чтобы обезопасить склад (конголезцы очень вороваты). По дороге с корабля на базу они уже свистнули полмешка фасоли и мешок соли.

Обнимаем.

Сики.

Тембо»

После получения этого ответного письма, я получил предыдущее послание от Тембо и Сики, датированное 26 октября, которое передаю в главных параграфах:

Ситуация на озере и базе.

На встрече Сики с Масенго были приняты следующие решения: назначение Ньенье в качестве руководителя лагеря на озере и ответственного за оборону. Он уполномочен принимать любые меры, которые сочтёт необходимыми для того, чтобы его приказы исполнялись, и подчиняется непосредственно только Сики и Масенго. Тот же Ньенье вместе с Куми были назначены ответственными за материалы, прибывающие по нашему независимому озерному пути. Прилагаем эскиз оборонительной диспозиции, с расположением всех укреплений и тяжёлого вооружения. Как видишь, оборона хорошо организована в соответствии с имеющимися у нас средствами, и включает в себя две линии окопов. Сики не доверяет более ничему (и я тоже) кроме оружия,

находящегося в руках кубинцев, поскольку с конголезцами возникают проблемы. Harana masasi, harana chakula, harana travaillé; и всегда вопрос, - где путь к отступлению. Всё это в условиях отсутствия чёткой власти Масенго. К этому надо добавить, что озеро превратилось в убежище разномастных беглецов, в результате чего дисциплина ослабевает. На встрече Масенго пытался организовать Генеральный Штаб, в котором мы выставили наше предложение по организационной схеме, оставив без изменения её военную часть, но внеся корректировки относительно гражданской части. Сюда же относится наше предложение по части правосудия и финансов, которые должны рассматриваться в рамках военного аспекта. Как мы тебе сообщали ранее, предполагается назначить тебя оперативным руководителем.

Мы можем информировать, что снабжение, имеющиеся боеприпасы, а так же другое имущество взяты нами под контроль, так же, как это было при тебе и Масенго. До какого момента нам удастся сохранить этот контроль – это уже другой вопрос, поскольку мы полагаем, что вскоре последуют проблемы, потому что бороться и работать не хочет никто, но за материалами и едой к нам обращаются регулярно, в результате чего возникают конфликтные моменты как на озере, так и на базе. Хотя мы твердо придерживаемся лозунга «всё для фронта», некоторые конголезцы желают сами пользоваться провизией, отправляемой на фронт. Мы предложили решить эту проблему, отправив треть бойцов в близлежащие деревни на поиски пропитания. Однако, они предпочитают оставаться в своих домах голодными, не предпринимая ничего для того, чтобы прокормить самих себя. Еды у них совершенно нет.

Ситуация на фронте Али: Кабимба

На самом деле, бойцы этой зоны находятся в Катале, поблизости от Кибамбы, поскольку гвардейцы взяли Кабимбу, сожгли её и ушли. Тамшний майор не позволяет Али создать фронт, не слушает его советов, и, более того, упорно приклеился к озеру, не задумываясь об опасности того, что гвардейцы могут захватить его укрепления. Сики отдал Али приказ чтобы кубинцы собственными силами заняли редуты дабы избежать окружения или внезапной атаки. Ситуация с Али и майором крайне деликатная, поскольку майор сказал ему, что будет лучше, если кубинцы уйдут на базу (под предлогом отдыха). Конголезский политкомиссар в свою очередь поведал Али, что командующий собрал войска, и сообщил, что лучше, чтобы кубинцы ушли отсюда. Всё это обсуждалось с Масенго и он заверил, что решит эту проблему, лично переговорив с майором из Кабимбы. Через несколько дней было принято решение об акции, они провели три дня в дороге чтобы устроить засаду на трассе в Альбервиль, наткнулись на нескольких гражданских и арестовали их. Гражданские заявили, что вскоре по трассе пройдёт вражеский грузовик с продуктами, но, несмотря ни на что, конголезцы настояли на том, чтобы уйти не дожидаясь его. Это демонстрирует тебе то нравственное состояние, в котором пребывает сей фронт. Мы отправили им некоторые продукты. В общем, на этом фронте находятся 11 кубинцев.

Ситуация в Касиме

Касима была захвачена гвардейцами, как ранее мы тебе и сообщали, они продвинулись по воде до Каэлы, сожгли её и удалились; потеряно всё, по крайней мере один зенитный пулемёт (ранее он не использовался и был спрятан кубинцем, которого конголезцы оставили одного, и, по его словам, он вынужден был отступить под огнём авиации). Излагаем тебе эти факты так, как нас о них информировали. На фронт было выслано 50 конголезцев во главе с майором чтобы перейти под командование кубинцев и сформировать барьер. Позднее туда прибыл команданте, приехавший с Кубы с 7 товарищами, сказав, что идёт в Бараку. Том, политический комиссар, обрисовал ему ситуацию, пытаясь отговорить, но тот был упрям и продолжил движение, попав во вражескую засаду, в результате чего погиб он сам и трое других. Асмари попросил Сики отправиться туда вместе с 10 конголезцами и оказать первую помощь. На этот момент в Каэле имеются три засады, конголезский персонал которых разбегается; необходимо арестовать их, угрожать и т.д. Том утверждает, что не надо начинать стрелять, потому что иначе нужно будет расстреливать их всех. В общей сложности, на этом фронте 6 кубинцев.

Коммуникации

Мы поддерживаем сообщение с Кигомой три раза в день по R805 в следующие часы: 8:00, 14:30 и 19:00. Пытаемся установить связь с Дар-эс-Саламом, т.к. он находится в пределах досягаемости радиостанции. Если нам это удастся, будут возможны два сеанса радиосвязи в день. Кабила использует Кигому как свою базу, поэтому сейчас мы лучше руководимы. Есть возможности установить радиопередатчик на лодку, чтобы мы смогли поддерживать связь в течение поездки (если ты это позволишь). Мы реорганизовали телефонную сеть. Масенго послал двух или трёх

парней, чтобы им продемонстрировали, как функционирует и как производится ремонт этой аппаратуры.

После написания предыдущей страницы, мы сумели установить контакт с Дар-эс-Саламом. Всё получилось.

После завершения общего доклада о ситуации, нам позвонил Ньенье с озера, чтобы сообщить, что Масенго готовится уехать в Кигому. Вскоре раздался второй звонок оттуда же, сообщающий, что имела место встреча всех «генералов» с Масенго. На собрании присутствовали Ньенье и Куми; на нём Масенго рассматривал вариант своего отъезда в Кигому, поскольку он единственный руководитель, находящийся в Конго. «Генералы» воспротивились этому предложению, и Масенго согласился остаться. Однако, нам сообщили, что приготовления к отъезду продолжаются.

Третий звонок сообщил нам, что собрание продолжается; Масенго заявил, что получил сообщение от Касавубу³, в котором ему предлагается должность министра. В послании говорилось, что правительственная лодка ожидает его недалеко от Кибамбы, и ему осталось лишь подняться на борт. Масенго рассказывает, что ответил им в том духе, что его брат Митудиди умер в борьбе и что он так же готов умереть.

Ньенье и Куми находятся начеку с инструкциями информировать нас о любом происшествии. Масенго скидывает все проблемы, с которыми сталкивается, на плечи кубинцев, утверждая что именно они должны принимать решения. В том числе, это касается и проблемы взаимоотношений Али с майором из Кибамбы, которую он планировал разрешить лично, но теперь он говорит, что эта проблема, которую должен решить Тембо.

Сики и я завтра спустимся к озеру чтобы поговорить с Масенго, как будто бы мы ничего не знаем обо всех его выходках, чтобы послушать, что он нам скажет. Между тем, мы находимся начеку.

Мы проинформировали по радио Падилью об этих событиях дабы он был настороже, поскольку предполагаем, что если Масенго начнёт колебаться, то же самое случится с Сумиало и Кабилой. Уже на первом сеансе связи между Дар-эс-Саламом и нами, Падилья попросил доклад обо всех последних событиях, о ситуации на озере, и, что нам показалось весьма странным, но теперь абсолютно понятным: чтобы мы высказали своё мнение о Кабиле.

Как можно видеть, доклады пришедшие в последнее время были очень тревожными; согласно им, Масенго находится на перепутье и собирается оставить борьбу. В ответ я написал следующее:

«Тембо и Сики,

Отвечаю на письмо пункт за пунктом; после дам представление о здешней ситуации и обо всём остальном.

Международная ситуация не так плоха, независимо от того, сдадутся Кабила и Масенго или нет. Заявления Сумиало достойны и революция имеет руководителя; я говорил с «Крутым», чтобы он, в случае отъезда Масенго, взял на себя командование и организовал решительное сопротивление. Что касается проектов Кабилы; то пока они изложены по радио и я не вижу никаких проблем, если возникнет какой-то конфликт, мы его скроем и посмотрим, что будет дальше. Сейчас мы не должны оставлять базу ни под каким видом. Нужно требовать от Дар-эс-Салама результатов переговоров с танзанийским правительством.

Что касается озера и базы: приложенный эскиз обороны демонстрирует, что вы очень уязвимы к фланговой атаке. Пулемёты должны быть установлены так, чтобы иметь широкий диапазон обстрела, защищая фланги и там так же необходимо выстроить линию траншей. Тяжёлое оружие должно быть передано в пользование наиболее стойким кубинцам; ни в коем случае не сажать за орудия надломленных бойцов, здесь я уже поимел печальный опыт такого рода; необходимо тщательно разведать окрестности и подготовить оборону на укреплениях при подходах к базе. Как можно лучше укрепите пути снабжения.

Об Али; я послал ему записку, дабы он включился в оборонительную деятельность; с ним и с Мафу мы имеем достаточно людей сосредоточенных вне базы, и вы можете таким образом действовать, имея необходимые резервы. Не сбрасывайте со счетов голый холм, доминирующий над базой, поскольку он является одним из ключевых пунктов обороны (где находятся миномёты и зенитные пулемёты).

О Касиме; я уже проинформировал тамошних бойцов о высланных мною разведчиках. Думаю, что если гвардейцы не поторопятся, мы можем напугать их там, как только я реорганизирую мою команду.

О коммуникациях: это хорошая новость, но мне кажется чрезмерным общаться три раза в день с другой стороной озера и два раза с Дар-эс-Саламом. Из-за столь коротких интервалов, им просто нечего будет сказать, бензин для радиостанций будет израсходован, а кроме того мы станем слишком уязвимы из-за возможности локализации нас вражеской авиацией. Независимо от технических условий, которые должны быть проанализированы, рекомендую осуществлять регулярные ежедневные связи с Кигомой, назначив час для экстренных сообщений, и каждый два или три дня связываться с Дар-эс-Саламом. Это позволит нам сэкономить бензин для генератора радиостанций. Сеансы должны осуществляться ночью и станция должна быть защищена от ударов с воздуха. Мне кажется, будет хорошо, если местоположение станции будет постоянно меняться».

Получив ранее цитированные данные о странных действиях Масенго, я, как указано в моём письме, переговорил с «Крутым»; он расклеился, заявил, что он не тот человек, чтобы взять на себя руководство, что у него нет харизмы, был крайне нервным; почти как христианский мученик, он был готов умереть, ибо это его долг, но он не был способен взять ситуацию под контроль, это мог бы сделать его брат Муюмба. Тогда было решено написать Муюмбе, но он не мог ясно разъяснить ситуацию в письме из-за опасности, что оно попадёт в руки противника, и просил его приехать чтобы обсудить все важные вопросы здесь. Письмо ушло с двумя курьерами, и мы никогда не узнали, дошло ли оно до адресата, поскольку мы не получили ни ответа, ни новостей о его получении.

Я должен признаться, что все эти доклады о Масенго казались мне преувеличенными; его последующее поведение, - ведь он до конца оставался со мной, - демонстрирует, что информация Сики и Тембо (которые лишь пересказывали слова других) была следствием нервозности, подозрительности, отсутствия прямого контакта с людьми из-за языкового барьера и т.д. Другим доказательством беспочвенности подозрений стало длинное письмо от Масенго, датированное 27 октября, - т.е. следующим днём после составления послания Сики и Тембо, - в котором он описывал меры, принятые на всём протяжении фронта, обнадёживающие настроения крестьян, оборонительные мероприятия и заканчивал всё это фразой: «Что бы ни случилось, мы всегда будем оставаться оптимистами». Ясно, что это не более чем речевой оборот, но он указывает на душевное состояние, сильно отличающееся от того, которое пронизывало доклады наших товарищей, и гораздо больше соответствовало его реальной деятельности, если конечно он не был мастером притворства, что, кажется, было несвойственно его характеру. Я решил притвориться незнающим о сообщениях Тембо и Сики, когда ночью 30 числа прибыло срочное письмо, датированное 29, выдержки из которого:

«База Люлюабут, 29 октября 1965. 18:00.

Тату,

Отправляем тебе это сообщение, имеющее срочный характер, потому что сегодня семь самолётов с 12 часов безостановочно бомбардируют и сбрасывают большие объекты, которые, как нам кажется, представляют собой зажигательные бензиновые бомбы, в направлении Кабимбы и зоны Джанго до самого озера. Так как это обычный метод артподготовки будущего наступления или высадки, я сообщаю тебе об этом прежде чем станет слишком поздно. Бомбардировка заставила товарищей, обслуживающих зенитные пулемёты, отступить, и один из них так и не появился. Ньенье отправился на разведку и немедленно сообщит нам о её результатах.

Как мы уже тебе заявляли во всех предыдущих докладах, мы не доверяем никому из конголезцев, которые защищают озеро, и каждый раз мы доверяем им всё меньше, потому что их деморализация с каждым днём усиливается. Всего кубинцев между озером и базой, - многие из которых больны, - недостаточно для серьёзной защиты, которая позволила бы нам сохранить нашу жизненно важную базу сообщений с внешним миром.

В предыдущих докладах мы постарались обрисовать тебе как можно более объективную картину царящей деморализации, и поэтому мы не видим необходимости вновь повторяться, но ты должен знать, что это действительно тревожная вещь. Множество проходивцев с

фронтов укрылось на озере, присоединившись к проходимцам с озера. Имеется очень много заключённых, и, несмотря на это, как мы тебе объяснили вчера, имеется ещё больше преступников и предателей, с которыми власть не в состоянии справиться. Сообщения от Масенго (хотя он и не уехал) просящие у Кабилы сведений о верности определённых офицеров, ежедневные и частые. Другим часто повторяющимся обвинением является то, что офицеры призывают «революционеров» сложить оружие и бросают фразы, что Сумиало является хорошим другом Касавубу

Как тебе говорили в предыдущих посланиях, позиция, на которой ты находишься, нам не нравится абсолютно; мы знаем, что есть дороги с озера, которые гвардейцы могут захватить и оставить нас в изоляции. Думаем, что лучшим решением будет организация барьера там, где ты находишься, и перемещение большей части кубинского войска сюда.

Думаем, что написали тебе достаточно и что мы держим тебя в курсе, как о международной ситуации, так и о местной. Мы почти как две старые сплетницы. Мы просим вас сделать то же самое в отношении нас, поскольку мы всегда жаждем новостей (так старых сплетниц будет трое).

Сики и Тембо».

Мы решили взяться за дорогу до базы. Мбили остался руководителем этой зоны и должен был находиться на первом барьере. Ребокате сформировал вторую линию обороны, в том же месте, где был наш лагерь, с большим количеством обучающихся конголезцев. Обучение было действительно самым элементарным; проводились занятия по стрельбе, ибо эти бедняги не могли попасть даже в корову с пяти метров. Мы поговорили с крестьянами, которые прекрасно понимали необходимость удаления отсюда части войск, и чувствовали себя защищённым, оставшись вместе с бойцами, составлявшими барьеры, и медиками, которые так же оставались в госпитале, где проходили лечение раненые конголезцы и несколько больных кубинцев. Мы распрощались очень тепло.

По окончании октября, я записал в своём дневнике следующее:

«Месяц непрекращающейся катастрофы. К позорному падению Бараки, Физи, Любоньи и фронта Ламбера, добавилась внезапная атака врага в Килонве и потеря в ходе бегства двух товарищей – Маурино (пропал без вести) и Бахазы (погиб). Всё это было бы ничего, если бы в тот же момент среди конголезцев не установились настроения полного душевного упадка. Почти все руководители бежали, а Масенго кажется, готов последовать за ними. Кубинцы чувствуют себя не намного лучше, начиная с Тембо и Сики и заканчивая солдатами. Все оправдывают свои собственные ошибки, сбрасывая вину на плечи конголезцев. Однако, в наших боях, к моим ошибкам добавились серьезные недостатки кубинских бойцов. Кроме того, было очень трудно достичь дружественных отношений между ними и конголезцами и добиться того, чтобы кубинцы бросили свой высокомерный комплекс старшего брата, с особыми привилегиями в еде и снаряжении. В общем, наступает месяц, который может стать финальным, и в котором мы можем потерять всё, что у нас осталось».

Мои замечания касаясь общения между конголезцами и кубинцами проистекают из того, что, будучи поварами, кубинцы относились с некоторой благосклонностью к своим соотечественникам в распределении еды, а так же наблюдалась тенденция, когда конголезцев заставляли носить какие-то тяжёлые вещи. Мы не установили полностью братских отношений и всегда слегка чувствовали себя наставниками, обязанными дать совет.

Дорогу к базе мы подготовили к обороне в течение двух дней; на второй день, когда мы проходили близ деревни Нганья, населённой пастухами руандийского происхождения, мы увидели результаты вчерашнего авиационного обстрела: около 30 трупов коров были разбросаны по округе. Когда мы съели хороший кусок мяса, разделив мёртвые тела, внезапно появился Мунданди и я имел с ним серьёзный разговор. Я сказал, что его попытка побега в этот момент является безумством, что судьба Руанды связана с судьбой Конго, и что он не сможет продолжать борьбу на родине, если вообще не намеревается прекратить её. Он признал, что это является безумием; кто-то предложил ему отступить в Руанду, но он разубедил этих товарищей и теперь пришёл поговорить о том, чтобы провести саботаж на линии электропередач Фронта Форс, вызвав беспокойство врага в этом пункте.

Приехав на базу, я столкнулся с пораженческими настроениями и враждебным климатом в отношении некоторых конголезцев, спровоцировавших серьёзную дискуссию со своими соотечественниками; они подготовили длинный список всех руководителей, которые бежали в Кигому, список, который был не совсем точен, но который достаточно отражал реальное положение вещей, то есть трусость конголезских командующих, их презрение к борьбе и их предательство; правда, сюда же незаслуженно были включены некоторые имена тех, кто оставался в Конго до последнего момента. Преобладающие в наших войсках настроения находят своё отражение в двух записках, которые привожу здесь; одна из них является письмом от Тембо товарищу и в нём видно, каково душевное состояние получателя, а другая – письмом, которое я тогда не читал:

«База, четверг 28 октября 1965, 13:00

Получил твоё письмо. Хотя дата не проставлена, полагаю, что оно должно пересечься с тем, которое я послал тебе с товарищем Чеу.

Ты пишешь мне после тяжёлой потери товарища, который, и это не скрывается, был достоин не менее славной, но более полезной смерти.

В твоих строчках отражается настроение, установившееся благодаря последним событиям, картиной опустошения и полной ликвидации того, что раньше называлось «Конголезской Революцией». Это меня беспокоит. Хочу выразить тебе своё мнение со всей честностью и попросить тебя ещё раз доверять мне, хотя я и не могу заверить тебя, что это доверие не закончится для тебя новой «прокачкой».

Я знаю, что ты не дурак. Напротив, думаю, что ты революционер, который сможет исполнить свой долг, независимо от обстоятельств. Поэтому я не обращаюсь к твоей сознательности, ибо это было бы бесполезно и смешно, но если хочешь, я напому тебе старую пословицу, которая гласит: «женщина Цезаря должна быть не только порядочной, но и должна казаться таковой». Ты не должен позволять, чтобы кто-то думал, из-за твоего мнения о ситуации и конкретных мерах, которые должны быть приняты перед лицом этой ситуации, что ты пораженец и утратил боевой дух. Ты максимально должен поддерживать боевое расположение духа, а твоя деятельность, - и это должно быть видно, - должна служить примером и стимулом для остальных товарищей, находящихся в столь же трудных обстоятельствах, которые мы переживаем.

Возможно, что есть вещи, которых ты не понимаешь, принимаются меры, которые кажутся тебе ошибочными, но из этого не следует делать вывод, что Тату и остальные руководящие товарищи, не отдают себе отчёт в реальной ситуации, которая объективно существует. Не забывай, что в трудные моменты необходимо принимать крайние меры для сохранения морального духа войск и для избежания фиаско.

Сики и я послали объёмный доклад Тату (который вот-вот должен ответить), сообщив в деталях о сложившемся положении. Возможно что Тату решит приехать поговорить с нами после его прочтения. В противном случае не позднее четверга следующей недели поеду я, дабы поговорить с ним лично. Между тем, необходимо сохранять на высоте наш боевой дух и подавать пример спокойствия, уверенности и доверия. Можешь быть уверен, делается все необходимое для разрешения проблемы в наиболее революционной и наиболее убедительной форме, как и подобает марксистско-ленинским руководителям.

Сейчас я гораздо больше доверяю Тату, чем когда-либо и вы должны делать точно так же.

Я абсолютно не отрицаю, что он может ошибаться, но, если он и ошибётся, наш долг, после определённых дискуссий, продолжать следовать его руководящим принципам, какие бы они не были. Я не шучу, когда говорю, что предпочитаю тысячу раз умереть сражаясь, даже если мы видим, что это будет бесполезно, нежели проиграть из-за нежелания бороться. Кубинские революционеры могут умереть, но не могут бежать в ужасе.

Я надеюсь... Я уверен, что ты выполнишь свой революционный долг как солдат, как кубинец, как человек. И не только свой личный долг, но и, в качестве руководителя, подашь пример другим.

Мы победим!»

Другое письмо, датированное днём ранее, было направлено к Тембо:

«Товарищ,

Пишу тебе эти строки, чтобы передать привет из своего окопа в трёх километрах от Аскариса; а, кроме того, чтобы информировать вас о ситуации здесь; конголезцы ищут конфликтов с нами и говорят плохо о Тату, возлагая на него вину за сожженные дома, потерю оружия, отсутствие еды и бродячую жизнь крестьян.

С нашей стороны царит полное разочарование; я узнал, что большинство кубинцев, приехавших с Тату, просят собрать общий совет и планируют уехать отсюда. В той же деятельности замечены и 17 из тех, что относятся к группе, прибывшей недавно. Эмилио, эта деятельность очень широко распространилась среди товарищей; мы боремся, чтобы убедить их в том, что момент требует наибольшей твёрдости, но очень много недовольства, большое недоверие и огромное желание покинуть Конго. В своих взглядах они основываются на наблюдении за конголезцами, для которых, по их мнению, борьба закончилась. Товарищи утверждают, что эта ситуация дошла до такой точки из-за Тату и видят в нём, и в его действиях очень небольшое желание найти выход из ситуации.

Это всё, что я хотел сообщить вам, дабы ваша помощь была более эффективной.

Политический комиссар».

Как видно из этого последнего письма, произошла почти абсолютная дезинтеграция кубинского войска; включая даже некоторых партийцев, предложивших организовать партийное собрание для обсуждения отступления. Я был очень жёстким в своих ответах, предупреждая, что не принимаю никаких подобных предложений и не допущу никаких собраний такого типа, а неспособность бороться с распространением этих предложений я бы назвал изменой и трусостью. Мне удалось сохранить остатки авторитета, который кое-как поддерживал сплочённость кубинцев; но это всё. Но с конголезской стороны происходили гораздо более серьёзные вещи. Я получил письмо, датированное этими же днями и подписанное Жероми Макамбиллой, «провинциальным депутатом и представителем народа в Национальном Совете Освобождения»; в нём депутат доходит до обвинения Масенго в убийстве женщин, и после долгого описания этого случая, приглашает меня на встречу в Физь, чтобы проанализировать ситуацию в этой зоне. В момент, когда в опасности находилась наша связь с внешним миром, центральная база и Генеральный Штаб, которые необходимо защищать, этот сеньор рассылает письма куда попало (я получил их несколько), организуя какое-то нелепое собрание. Чтобы дать вам представление о неопределённости, в которой находилась революция, привожу один лишь параграф из этого послания:

«Я позволю себе ниже привести пожелания, предложения, ожидания населения региона Физи:

1. Население требует, чтобы военный аппарат нашей революции проникся доверием к дружественным силам, которые прибыли помочь нам, и сохранял это отношение до самой стабилизации страны.

2. Население просит активной помощи у дружественных стран, эта помощь должна состоять из:

а) Военных операций, персонала, денег, оружия, экипировки и т.д.

б) Технического и инженерного содействия, техников различных областей, врачей и т.д.

в) Социального содействия, преподавателей, коммерсантов, промышленников и т.д.»

Инициатива передать всю власть над военным аппаратом кубинцам была не больше чем попыткой к мятежу, полагаясь на нашу поддержку его, и не имела другой основы, кроме племенных разногласий между этими людьми и группой Кабилы-Масенго, если только здесь не замешаны интриги врага.

Единственной новостью, которая разорвала эту абсурдную и мрачную атмосферу, был доклад Али, в котором он заявлял, что провёл два боя и нанёс ряд потерь вражеской армии. Всё это, несмотря на то, что Али продолжал вести поединки с военным руководителем региона, и

оставался практически только с группой кубинцев, которая и должна была реализовать нападения. В одном из них были захвачены документы с планами противника и карты, а так же радиостанция, два миномёта, база, четыре винтовки FAL или Super-FAL, амуниция и боеприпасы. Это была замечательная атака, тяжёлое поражение для противника, но она уже не могла изменить общую ситуацию. Среди изъятых бумаг, был секретный приказ, который я привожу:

«2

Секретно.

ПРИКАЗ №2

Прил. Южная Карта масштаб 1/200 000 №1 Бендера
Карта масштаб 1/100 000 Катенга

1. Ситуация

А) Вражеские силы:

1) Вражеский батальон (+/- 360 человек) под командованием капитана Бусинди, укомплектованный в большинстве своём представителями племени бабембе и группы тутси (Руанда) в Катале.

2) Отряд (+/- 40 человек), обмундированный в форму Конголезской Национальной Армии.

Оружие: автоматы китайского производства.

27 сентября 1965 на 7 километре трассы в Кабимбе ими было схвачено 6 дорожных рабочих, которых заставили нести мешки до своей позиции (лагеря), направившись по трассе Мама-Касанга-Каленга (Это относится к описанной мной неудачной попытке засады).

Б) Дружественные силы:

- 5 Колонна, оккупировавшая Бараку и поддерживающая линию обороны Барака-Физь-Люлимба.

- 9 отряд, занявший Люлимбу

- 5 пехотный батальон занявший Бендеру

- Отряд (добровольцев), 5 команда + полицейский отряд (30 человек), занявший Кабимбу.

- 14 пехотный батальон, имеющий зенитную батарею и занимающий Кабега-Майи-Мухала

- 1 рота 14 батальона + рота 12 батальона, занимающие Альбервиль

Военно-воздушные силы:

ВВС поддерживают наземные операции следующим авиапарком:

- 4 Т-28 и один вертолёт

- 2 В-26 временно располагающиеся в Альбервиле. Дополнительная военная поддержка может быть оказана эскадрильей национальных ВВС (4 Т-28, размещённых в Гома в случае абсолютной необходимости)

- 1 DC3 FATAL является отделом воздушного снабжения, размещается в Альбервиле.

Военно-морские силы

- 4 десантных бота (было запрещено пересекать озеро, из-за окопавшихся по его берегам повстанческих элементов)

В) Миссия:

Фаза 1

2 парашютный батальон выдвигается из Альбервиля в направлении Кабимбы и укрепляется здесь

Фаза 2

2 парашютный батальон осуществляет при поддержке бойцов руководителя региона Мама-Кананга рекогносцировку в северном и северо-восточном регионе Кабимбы для локализации позиций врага

Фаза 3

2 парашютный батальон осуществляет деятельность по уничтожению повстанцев, которых встретит на севере Кабимбы, включая повстанческую базу в Катале.

Информация о противнике:

1) Качека: +/- 300 тутси, поддерживаемые +/- 50 кубинцами. Склад располагается к северу от реки Качека, руководимый Жозефом Мунданди (руандиец)

Оружие: 2 миномёта 81 мм (1 в ремонте)

2 безоткатные пушки

2 зенитных пулемёта 50 мм

20 пулемёта 30 мм

30 автоматических винтовок + гранатомёты

Арсенал: 200 ящиков с боеприпасами + 10 мин

2) Макунго: позиция располагается на склоне холма. Бойцов племени бабембе поддерживают кубинцы из Качека, руководимые Калихте (мубембе). Вооружение такое же, как и в Качека. Арсенал: тот же.

3) Катенга: позиция представляет собой бивуак в джунглях. Бойцы – бабембе и другие

4) Кибамба: вражеская база, на берегу озера, охватывает приграничные деревни. Пункт прибытия материалов, высылаемых из Кигомы. Генеральный Штаб повстанцев.

Центр обучения рекрутов.

Связь: телефонная линия с предгорий до озера/к Балабала

5) Катала: север Кабимбы, +/- 300 человек, старые жители Альбервиля, поддерживаемые 12 кубинцами. Руководитель капитан Базинда (из Альбервиля)

Оружие:

2 пушки 75 мм

2 миномёта 81 мм

12 пулемётов 30 мм

150 винтовок AFN

3 зенитных пулемёта

6) Лобунзо: +/- 600 человек, возглавляемых капитаном Педро (мубембе)

Главный склад расположен в доме командующего Килинди.

7) Кабанга: склад и порт (суда швартуются в устье реки Люву)

8) Калонда-Кибуйе: занята повстанцами

9) Физь: административный центр

10) Симби: центр обеспечения и инструктажа

11) Склад и порт»

Намерение состояло в том, чтобы оккупировать весь берег озера и уничтожить наши объекты, связанные с Кигомой; с другой стороны, можно увидеть что, несмотря на некоторые ошибки, враг имел довольно точное представление о нашем оружии, бойцах и присутствующих кубинцах. То есть, служба разведки врага функционировала идеально, или почти идеально, в то время как мы не знали, что происходит в рядах противника.

Картина, представшая передо мной после прибытия на базу, была не из приятных, мы знали, что хочет противник, но для этого совершенно не нужно было захватывать документы, потому что всё уже было ясно и ужасный спектакль распада близился к своему финалу.

1. Это относится к сообщению, призывающему как можно скорее реализовать саботажные акции.

2. Это собрание под председательством Масенго, о котором мы поговорим в своё время.

3. Касавубу – конголезский президент, в первые годы независимость противостоявший премьер-министру Лумумбе, а после начала гражданской войны, боровшийся против левых повстанцев-симба.

20.Предательство

Мы предприняли первые шаги для того, чтобы превратить базу в неприступный редут или укрепление, которое противник сможет взять лишь ценой больших потерь; были проведены разведывательные рейды на всех позициях в направлении Руандази, подготовлен путь, соединяющийся с дорогой на юге, шедшей непосредственно из Нганьи к озеру; мы распорядились обустроить серию хорошо оборудованных подземных укрытий, в которых работали кубинские товарищи и которые служили для сокрытия всей военной амуниции, в случае если нам придётся эвакуироваться. Наиболее уязвимые зоны были защищены с помощью вырытых линий окопов.

Прибыв на базу, я ознакомился с организацией работы радиостанции; это было довольно мощное устройство, не очень практичное в нынешних условиях, функционировавшее с помощью 20-вольтовых аккумуляторов, заряжавшихся от маленького генератора; для его работы необходимо было иметь хороший запас бензина. Станция связывалась, хотя и не очень хорошо, с Дар-эс-Саламом и прекрасно с Кигомой; трое товарищей, ответственных за радиосвязь – руководитель Турна, телеграфист и механик, - на сто процентов исполняли свою миссию; в означенный период между 22 октября, - дата, когда началась работа станции, - и 20 ноября, - той ночью мы покинули озеро, - было передано 110 закодированных сообщений и получено 60. Абсолютная преданность работе и эффективность, с которой товарищи её выполняли, контрастирует с атмосферой беспорядка и апатии, царящей в наших рядах; факт, что, получив людей, опытных в своём деле, преисполненных любовью к нему (хотя правильней было бы сказать – находящихся в стороне от каждодневных конфликтов с конголезскими солдатами), были достигнуты великолепные результаты. Несмотря на некоторые исключения, я осмелюсь сказать, что, если бы все кадры были такого же качества, наша деятельность в Конго безусловно была бы иной, а возможно, другим был бы и конечный результат.

Немедленно после прибытия, я поговорил по телефону с Масенго, настроение у него было приподнятым. Первым делом он предложил атаковать Касиму; его буквально снедала жажда

действия, желание атаковать именно Касиму. Я ответил, что мы поговорим об этом завтра. Спустившись к озеру, мы вновь обратились к этой теме. От разведчиков Нане и Кахамы были получены сведения, указывающие, что в этой деревне не было гвардейцев, о чём я ему и сказал, но он был другого мнения; люди капитана Салуму находились рядом и напрямую сообщили Масенго то же самое; он настаивал на том, что гвардейцы там есть. В итоге, так и не было достигнуто никаких договорённостей по атаке; мы отложили дальнейшее обсуждение до того момента, как будут осуществлены новые разведывательные рейды, уточнявшие, что же там происходит.

Команданте Мунданди выразил готовность исполнить мои требования для лучшей организации обороны базы. Таковыми требованиями были: осуществление саботажных акций на линии электропередач, отправка нам одной из имеющихся пушек и занятие защитной позиции в Нганье, дабы иметь возможность освободить немного сил на направлении к Касиме; в свою очередь, он попросил обмундирование, обувь, еду и кубинских техников, предназначенных для выполнения диверсий, обращения с орудиями и оказания помощи руандийцам в их деятельности.

Я обещал послать 6 человек: Том (политический комиссар) и Айя будут отвечать за уничтожение столбов линии посредством горелки; товарищ Ангалия будет отвечать за пушку, которая одновременно, в виде диверсии, откроет огонь по Фронту Форс, пытаясь повредить трубу подачи воды в ГЭС; Анчали руководит группой.

Была получена телеграмма, анонсирующая, что вскоре придут важные сведения для меня, поэтому я решил остаться ждать их на озере. Воспользовавшись возможностью, я провёл множество бесед с руководителями среднего звена, которые здесь оставались. В одной из них участвовал полковник Ансуруни, начальник Генерального Штаба Второй Бригады (генерала Мулане), который всегда находился в состоянии раздора с Ламбером и людьми с базы в Кибамбе, включая и Масенго, которому полковник демонстрировал большое недоверие. Я резко раскритиковал его деятельность; ссылаясь на ситуацию в Бараке, сдавшейся без боя (он там присутствовал), я продемонстрировал ему, каков результат всех этих интриг и бардака; напомнил, что много раз генералу Мулане было предложено обучить его людей обращению с тяжёлым оружием на озере, но не было прислано ни одного курсанта; а так же сделал ему внушение, призывая изменить эту деятельность. Он принял к сведению мои рекомендации, среди которых, немедленная отправка людей для спасения пушки с барьера в Карамбе и перевозки её в Кибамбу с целью формирования там батареи тяжёлой артиллерии; здесь уже находилась спасённая после нашей катастрофы орудие, которое, после многих приключений, прибыло на позицию с 30 снарядами. Ранним утром явился Чанга, его приезд был анонсирован задолго до этого фейерверком трассерных пуль, освещавших небо, поскольку на озере разыгралась настоящая битва в результате внезапного нападения патрульных катеров; он притащил раненого в руку пулемётной пулей, да и сам Чанга был травмирован в лицо дульной волной гранатомёта, из которого стреляли его товарищи. Конголезский экипаж был очень напуган, и составило большого труда заставить их вернуться в последующие дни.

Курьер Рафаэля прибыл специально, чтобы передать мне это сообщение:

«Товарищ Тату,

Утром сегодняшнего дня Пабло был вызван [танзанийским] правительством чтобы уведомить его, что в связи с договорённостями, достигнутыми на совещании африканских государств о невмешательстве во внутренние дела других стран, те правительства, которые сегодня оказывают помощь Движению Освобождения Конго, в ближайшее время изменят характер этой помощи. И, как следствие, в виде нашего вклада в эту политику, нас просят вывести из Конго те войска, которые мы там имеем. Они признают, что мы дали больше, нежели многие другие африканские страны, но нам нельзя ничего говорить руководителям Конголезского Освободительного Движения, пока мы не уйдём отсюда, тогда сам [танзанийский] президент обратится к этим руководителям и информирует их о решении, принятом африканскими государствами. По этому поводу в Гавану уже отправлена информация. Мы надеемся узнать твоё мнение.

Салют!

Рафаэль»

Это был смертельный удар по умирающей революции. Из-за секретного характера информации, я не сказал ничего конголезским товарищам, ожидая увидеть, что же произойдёт дальше, но в разговорах я намекал на возможность того, что неоднозначная политика Танзании может вылиться в конкретные действия, такие как блокада пункта снабжения в Кигоме. 4 числа я получил телеграмму из Дар-эс-Салама:

«С эмиссаром идёт письмо от Фиделя, основные пункты которого таковы:

- 1. Мы должны делать всё, кроме абсурдных вещей*
- 2. Если по мнению Тату наше присутствие неоправданно и бесполезно, мы должны подумать об отступлении.*
- Мы должны действовать в соответствии с объективной ситуацией и настроениями наших людей.*
- 3. Если вы считаете, что должны остаться, мы попытаемся отправить столько человеческих и материальных ресурсов, сколько вы считаете необходимым.*
- 4. Нас беспокоит, что вы ошибочно испытываете страх или стоите на позиции, которая может рассматриваться как пораженческая или пессимистичная.*
- 5. Если вы решите уйти. Тату должен поддержать настоящий статус-кво, уехав сюда [на Кубу] или в другое место.*
- 6. Мы поддержим любое решение».*

Но в то же время пришла другая телеграмма:

«Тату от Рафаэля

Сообщение, полученное 4 числа. Независимо от новой ситуации, белые наёмники Чомбе продолжают пребывать в страну, атакуя конголезцев, осуществляя все типы злодеяний и преступлений. В этом случае будет предательством прекратить нашу поддержку конголезским революционерам, по крайней мере, пока они её просят или пока не решат прекратить борьбу»

Товарищи, получившие эти две телеграммы, ещё не были осведомлены о содержании письма Рафаэля и обнаружили противоречия между ними; первое являлось синтезом письма из Гаваны как ответ на посланное мной 5 октября, а второе, - телеграмма, которая из Дар-эс-Салама повествует о новом направлении в деятельности танзанийского правительства. Мы отредактировали ответ Фиделю, который будет направлен по радио из Дар-эс-Салама»

Сообщение посланное по радио Фиделю:

«Рафаэль,

В дни твоего пребывания пропал Хулио Кабрера Хименес (Маурино), мы полагаем, что он сбежал, учитывая особенности отступления, которое в общем не несло большой опасности, даже учитывая то, что проходило оно в формате беспорядочного бегства, в цвета которого окрашены наши последние акции.

Однако, он больше не появился, мы должны рассматривать его как мёртвого или заключённого, более логично первое.

После отступления мы серьёзно раскритиковали Рафаэля Переса Кастильо (Бахазу) за оставление пушки 75 мм, которая была спасена конголезцами. В новом лагере условия были очень плохими, но я надеялся на очевидную неподвижность гвардейцев и начал работы по перемещению спасённого арсенала подальше от лагеря, но всё шло очень медленно. 24 числа, в виде «празднования» годовщины нашего полугодового пребывания на этой земле, гвардейцы пошли в наступление, намереваясь, как теперь понятно, сжечь близлежащие деревни; мы узнали об их присутствии благодаря тому, что один из конголезцев, покинувших лагерь,

случайно столкнулся с наступающими солдатами. Я приказал сопротивляться, чтобы продержаться до ночи и спасти боеприпасы; но после мне сообщили, что большое число гвардейцев окружают нас по горам, где я не разместил защитные посты, рассчитывая, что там они не пройдут. Это дезорганизовало защиту, нужно было срочно изменить линии обороны и послать отряд для столкновения с гвардейцами на склоне. Гвардейцы на самом деле пошли по другому пути, а те, кого мы приняли за гвардейцев, оказались крестьянами, бежавшими по холму, как мы позже узнали. Защитников было достаточно для того, чтобы остановить солдат, но наши люди отступили и сообщили, что гвардейцы уже в лагере, чего на самом деле не было; отступление было бесславным, мы потеряли практически всё, вплоть до запасов табака. Только одна группа сохранила честь нашей армии и сопротивлялась ещё час, теперь находясь в абсолютном меньшинстве и невыгодном положении; среди них был Рафаэль Перес Кастильо (Бахаза), который вывел пушку из опасной зоны и остался драться со своей винтовкой FAL. Он получил тяжёлое ранение, и мы должны были транспортировать его по адским дорогам, худшим и гораздо более длинным, чем в горах. Ранним утром 26 числа, когда казалось, что наибольшая опасность миновала, он умер. В ходе бегства мы потеряли пулемёт 12.7 мм (оставленный кубинцем, который остался без своих конголезских помощников) и все боеприпасы, доверие крестьян и зачатки организации, которую удалось создать.

В эти дни гвардейцы начали наступление по всем направлениям, создавая впечатление подготовки финального штурма нашей базы, однако этого не произошло, а защитные позиции достаточно крепки, по крайней мере, что касается оружия, хотя у нас отсутствуют некоторые типы боеприпасов и мы не слишком уверены в конголезских новобранцах.

Мы занимаем четырёхугольник в горах, ограниченный следующими пунктами (эти пункты находятся в руках врага, а в окрестностях – наши силы) – вы сами можете обнаружить их на любой карте - : Барака, Физь, Любонья, Люлимба, Форс-Бендера и Кабимба. Враг выставил наиболее близкие к нам передовые посты со стороны Бараки и Кабимбы. Али оказывал им сопротивление в трёх случаях на фронте в Кабимбе; в ходе второго боя он захватил бумаги с приказом об общем наступлении, которое предусматривало взятие нашей базы и её зачистка на 25 км вокруг, между тем как 4 отряда будут охранять берег озера для предотвращения поставок. Авиацию составляют восемь T-28, два B-26 и один DC3 для разведки и рекогносцировки, один вертолёт для связи. Этот маленький воздушный флот внушает ужас конголезским товарищам.

С военной точки зрения, ситуация тяжёлая в том смысле, что наше войско является лишь коллективом вооружённых людей без малейшей дисциплины, без боевого духа, однако условия территории превосходны для обороны.

Сегодня я только что был назначен оперативным руководителем зоны с широкими полномочиями в инструктаже войск и командовании артиллерией (батарея миномётов 82 мм, три пушки 75 мм и десять пулемётов AA 12.7 мм). Настроение конголезских командующих, с окончанием чреды поражений, улучшилось и они убедились, что необходимо браться за дело серьёзней (необоснованный оптимизм с моей стороны). Я подготовил их к тому, что Танзания, как я и предположил после Конференции в Аккре и, учитывая странное молчание по поводу оружия, которое находится на их складах, нам его не предоставит. Здесь есть люди, которые говорят, что готовы рисковать своей головой и поддерживать революцию любой ценой. Хотя мы не знаем мнения Кабилы, который объявил о своём скором приезде.

Я получил последние телеграммы от Фиделя; одна кажется является ответом на ранее посланные письма, а другая – на последние заявления Танзании. Что касается моего письма, думаю, что он снова преувеличивает мою мрачность; я старался быть объективным, но не был абсолютным пессимистом. Был момент, в котором речь шла о возможном массовом бегстве всех конголезских руководителей; в этом случае я принял решение оставаться здесь с двумя десятками избранных людей (коза не дала больше молока), отправив остальных на другой берег, и продолжать борьбу до её развития или исчерпания всех возможностей, да и в этом случае я решил уйти на другой фронт по земле и использовать священное право убежища на соседних берегах. Перед лицом последних новостей из Танзании моя реакция была та же, что и у Фиделя; мы не можем уйти отсюда. Более того, ни один кубинец не должен покинуть страну на предложенных условиях. И вы должны серьёзно поговорить с танзанийскими руководителями, чтобы прояснить ситуацию.

Вот мои предложения: необходимо, чтобы кубинская делегация высшего уровня нанесла визит в Танзанию или к Тембо, находящемуся здесь, или скомбинировать эти два варианта.

Постановка вопроса должна быть более-менее такой: Куба предлагает свою помощь, одобренную Танзанией, Конго эту помощь принимает и она становится эффективной. Помощь будет оказываться без каких-либо условий или ограничений во времени. Мы понимаем сегодняшние трудности Танзании, но мы не согласны с её подходом к конголезской проблеме. Куба не отступит от своих обязательств, и не может согласиться с позорным бегством, оставив брата в беде, на милость наёмников. Мы оставим борьбу только в том случае, если, по фундаментальным причинам или по форс-мажорным обстоятельствам, сами конголезцы попросят нас об этом, но мы будем бороться за то, чтобы этого не случилось. Стоит обратить внимание правительства Танзании на достигнутое соглашение об урегулировании конголезской проблемы; словно в новом Мюнхене, неоколониализму развязывают руки. В борьбе против империализма не может быть ни отступлений, ни оттягиваний, единственный язык, это язык силы. Если ситуация в Конго стабилизируется с новым правительством, Танзания будет находиться в опасности, в окружении стран, враждебных ей в большей или меньшей степени. Революция здесь может выжить без Танзании, но только ценой больших жертв, и не наша вина, если она будет уничтожена из-за отсутствия поддержки и т.д. и т.п.

Можно требовать от правительства Танзании: поддержания телеграфной связи, разрешения на поставки продовольствия, по крайней мере, два раза в неделю, разрешения привести на озеро два быстроходных катера, предоставления нам один раз чего-либо из накопленного [на танзанийской земле] оружия, и разрешение на отправку почты каждые 15 дней.

Я прошу лодки потому что в этом отношении ситуация безнадежна; советские суда очень медленны, а они [враги] имеют быстроходные катера, позволяющие совершать эффективные нападения, и в последний раз Чанга прибыл раненый вместе с парнем получившим пулю в руку. Лодки должны идти в паре, потому что часто они останавливаются посреди дороги и одна должна брать на буксир другую. Уверен, что Танзания не готова взять на себя ответственность за ежедневные бои на озере и поэтому нам необходимо иметь суда на нашем берегу, высылая их на поиск каких-либо вещей [на танзанийский берег], чтобы возвращаться той же ночью. Один из катеров должен быть столь маневренным, чтобы можно было поднять его по крутым горным склонам, в случае, если мы временно потеряем берег озера. Нужно сделать акцент на нашем текущем положении, дабы иметь пункт в Танзании, известный очень немногим, где можно было бы провести ночь и выйти перед рассветом, при этом имея отличные лодки; подобные маневры контрабандистов обычны на этих берегах. Но мы должны играть по-честному: это наш метод и нам необходимо спокойствие, чтобы посвятить себя важным вещам. Кроме того, рекомендуем текст сообщения, который я сделал, передать в руки советских и китайских товарищей, дабы предотвратить любые попытки дискредитации нашей борьбы.

За нас не бойтесь, мы знаем, что защитим честь Кубы и не будем уничтожены, а я всегда смогу избавиться от нескольких слабаков, утраченных нашим положением. Крепко обнимаю всех.

Тату.

PS. Думаю, что вам следует поговорить с Каруме¹ с целью прощупать возможность организации авиабазы либо в Занзибаре с пересадкой в Танзании, либо только в Занзибаре. Из того, чего вы сумеете добиться, зависит тип самолёта».

Озаботившись неэффективностью командования, я представил план по работе с небольшим гибким Генеральным Штабом, который служил бы для оперативных действий, но Масенго, в ходе дискуссии, которую мы провели со всеми ответственными лицами, заявил, что невозможно так быстро изменить стиль работы, поскольку несколько дней назад, был образован единый Генеральный Штаб, в который был введён Сики и который ожидает утверждения Кабилы. Он хотел, чтобы моя оперативная идея была вписана в схему Генерального Штаба, напоминающего штаб советской армии накануне падения Берлина, но не было иного выбора, кроме как идти на компромиссы; я попросил, чтобы на меня была возложена ответственность за подготовку людей для новой попытки создания практической академии; вместо этого меня назначили оперативным руководителем, - теоретически, я занял второе место в командовании армии, - и ответственным за организацию артиллерии и обучения. Власть эта была очень относительной, но я начал предпринимать практические шаги для прекращения развала.

Вновь был укомплектован отряд Азимы, распущенный после катастрофы 24 числа из-за бегства большинства конголезцев, но теперь мы не имели оружия; в то время, как мы делали безуспешные

попытки организовать боевое ядро новой армии, огромное количество оружия и боеприпасов, прибывших из Кигомы, было бессистемно и беспорядочно роздано непонятно кому, оно буквально улетучилось с базы. Ко всем нашим бедам должно было добавиться теперь и отсутствие оружия; да, ещё имелось некоторое количество патронов 12.7 мм и снарядов для миномёта, но не было снарядов для пушки, и прежде всего, отсутствовали боеприпасы для винтовок СКС, наиболее используемых здесь, «тридцатиочковых», как мы их называли на нашем жаргоне.

Как можно лучше, мы организовали арсеналы, приняв меры для разумного распределения оружия и формирования группы артиллеристов; Мафу, который прибыл из зоны Мунданди, был послан в Кисоси, - между Касимой и Кибамбой, - для того, чтобы попытаться придать основательности нашей защите.

Перед отъездом, он рассказал мне шокирующую историю; однажды ночью в руандийский лагерь прибыли два конголезских эmissара с соседней базы Калихте; наши товарищи предложили им остаться поспать, поскольку уже было поздно, но те объяснили, что Мунданди пригласил их провести ночь в своей хижине, куда они и направились. На следующий день они не появились; когда кубинцы спросили про них, Мунданди ответил, что он их выгнал, потому что был обманут; они сказали ему, что являются политическими комиссарами, но являлись только солдатами. Вскоре два руандийца появились в синих куртках, в которые были одеты те товарищи, и которых никто более в лагере не носил; так же всплыли две каски, никогда не используемых руандийцами. Немногом после Калихте послал своих бойцов выяснить, где его политические комиссары, поскольку те не вернулись на базу. Всё это наводит на мысль, что они были убиты людьми Мунданди, не очень понятно по каким мотивам; или за простую кражу, или же разногласия между двумя группами достигли таких крайних форм. Я обратился к Масенго, высказав ему свои подозрения, но, из-за дальнейших стремительных бедствий, не было принято никаких мер.

Пришло письмо от Мбили, с фронта Любоньи; в нём мне сообщалось, что давление, оказываемое некоторыми конголезцами на наших людей, достигло критической точки, что он больше не может сопротивляться ему; деморализация очень велика. Мбили предупредил меня о заговоре, плетущемся кубинцами, желающими заставить меня покинуть Конго. Политический комиссар Карим написал мне сердечное письмо, объясняющее, что если он и отправил доклад Тембо раньше, чем написать лично мне, так это только для того, чтобы предупредить нас о сложившемся положении и заверить, что он сделает всё возможное чтобы выполнить свой долг; он приложил к письму список, в котором фигурировали имена товарищей, планирующих оставить борьбу; большинство из них были в отряде Мбили. Затем, группа, отличавшаяся до этого момента наилучшим поведением, выдвинула те же требования лично Мбили, но он сумел убедить их отказаться от этой мысли, что они и сделали. Сам Мбили составил записку, защищающую политического комиссара от обвинений в трусости, - ибо я считал трусостью позволить распространяться проявлениям пораженчества, - поскольку Карим больше всех помогал в его неблагодарном и тяжёлом задании.

С другой стороны, из Кабимбы, окончательно разругавшись с командующим зоны, прибыл Али; после разговоров с Масенго и «Крутым» было решено, что последний вместе с Али отправится туда и лично удостоверится в наличии конфликта, после чего примет решение: либо удалять командира и ставить на его место другого кубинца, либо удалять всю группу. Я написал Мбили, разрешая ему удалиться на некоторое расстояние от барьера Любоньи. В то же время мы продолжали совершенствовать оборону базы, готовя укрытия и траншеи, надеясь, что настанет момент, когда гвардейцы сконцентрируются и мы сможем нанести им большой урон. Шестеро бойцов, которые должны были уйти работать с Мунданди, были предупреждены, чтобы держались вместе и лишь в момент самой акции им позволено разделиться на две группы (четверо и двое); им было рекомендовано не рисковать, но только до того момента, пока руандийцы сами не пойдут на риск, поскольку я боялся обмана из-за количества двуличных акций, к которым они считали нас привыкшими.

Прибыла телеграмма из Кигомы, в которой утверждалось, что танзанийский вице-президент Кавава находится там; он пообщался с Кабилой и, согласно его данным, обещал поддержку и спросил, что необходимо, дав гарантии того, что озеро останется открытым. Если утверждения Кабилы реальны, это было очень корректное действие со стороны Танзании.

Из Касимы пришла весть, что там находится 150 гвардейцев, вместе с этим последовало предложение о немедленной атаке, подписанное политическим комиссаром конголезского войска.

Мбили информировал в другом докладе о том, что он выслал на разведку нескольких бойцов, но те не заметили никаких движений; осторожно приблизившись к Любонье, они обнаружили, что гвардейцы покинули деревню, оставив только несколько листовок с призывами к населению сложить оружие. Мбили быстро выслал другую разведгруппу, которая установила, что в старом укрытии на барьере Ламбера нет никого, а на дороге в Физь тоже нет ни одного вражеского солдата; несколько ранее они заметили активное движение автомобилей в этой зоне. В освобождённую область прибыл Ламбер со своими героическими рассказами о яростных атаках, убитых врагах и захваченном оружии; он заявил, что вместе с девятью сотнями бойцов хочет окружить Физь и Бараку, и пришёл, чтобы забрать пушку, миномёты и зенитные пулемёты для атаки; ему ответили, что миномёты потеряны при отступлении и что пушка послана для организации обороны озерной базы. В письме Мбили говорит: «Мне хотелось сказать ему всё то, чего он заслуживает, но я посчитал, что ситуация для этого не уместна. В очередной раз мы должны были притворяться дураками при общении с этими людьми».

На самом деле, на барьере имелся зенитный пулемёт, который быстро был отослан на базу, чтобы избежать претензий Ламбера. Учитывая все эти новости, Мбили было приказано оставить только группу людей в лагере обучения под командованием Ребокате, расположенном в двух часах хода от примитивного барьера, и вернуться с остальными на базу. Теперь оставалось выяснить, каким будет следующий шаг противника, который отступил, потому что, очевидно, не собирався оставлять жертву так легко.

Другое сообщение Мбили повествует о встрече Ламбера со своими людьми, на котором присутствовал наш информатор; Ламбер объяснил, что он с 23 бойцами остановил врага, и что после он оставил 150 человек с кубинцами, но те не были способны сделать ничего, потеряв всё тяжёлое вооружение. Так же он объявил, что противник предлагает по 500 франков² каждому солдату, который сдастся и возможность работать на правительство, после чего спросил мнения у своих бойцов, которые ответили что не согласны с такими условиями; тогда Ламбер предупредил, что они не должны попасться в эту ловушку, дав, по мнению наблюдателя, достаточно хорошее разъяснение уловок противника: в этом смысле позиция его людей выглядела достаточно прочно. Он сделал некоторые критические замечания в мой адрес за то, что я ушёл на базу, и порекомендовал своим людям забрать у нас всё оружие и всех конголезцев, ибо сейчас они ему необходимы; это была уже прямая атака против нас, посредством которой, невзирая на твёрдость своих взглядов и готовность продолжать борьбу, он продолжал сеять семена раздора.

Я ещё раз переговорил с товарищем Масенго; даже на этот раз я не сообщил ему о диспозиции правительства Танзании; речь шла, прежде всего, об атаке на Касиму, и я вновь настаивал на том, чтобы были проведены дополнительные разведывательные действия перед принятием такого решения. Я избегал атаки, потому что боялся, что дело окончится разгромом и ещё большим моральным падением; прежде я хотел удостовериться в надёжности артиллерии, с помощью которой можно было бы поддержать интенсивный огонь по врагу и предотвратить его контратаку.

10 ноября прибыл Хукуму, чтобы сообщить, что, исполнив миссию в Любонье, он ушёл в Нганью, и к нему присоединились некоторые руандийцы, сообщившие, что Фронт Форс перешёл в руки врага; немногим после прибыли кубинцы, которые находились с Мунданди и я узнал что, в то время как они готовились спуститься на равнину и провести там диверсии, руандийские посты сообщили о появлении первых вражеских порядков; гвардейцы, разделённые на три группы, использовали в качестве проводников крестьян региона и отлично ориентировались. Мунданди принял решение отступить без боя из-за неудобства своих позиций, но он смог сохранить практически всё своё оружие и боеприпасы и бежал в Нганью. Он попросил наших товарищей остаться, но Анчали, неверно истолковав мои прошлые приказы, немедленно возвратился на базу; я поговорил с ними и объяснил, что мы нуждаемся как никогда в поддержке руандийцев, и вновь отправил их к Мунданди под новым руководством политического комиссара Тома. На следующий день прибыла весть о падении Макунго (лагеря), захваченного с применением той же техники, и теперь к нам присоединился Калихте, командующий этого сектора со всеми своими людьми.

Для нас было важно поддерживать зону Нганья, не только потому, она открывала подступы к базе, но и потому, что здесь у нас были коровы, единственный источник пропитания, поскольку лодкам с провизией с каждым разом путешествовать по озеру было всё опасней, и еда была очень скудной; мы имели ещё трёх животных, которых привёл товарищ Нане, но если нам перекроют путь к Нганье, мы будем испытывать большие трудности, и у нас не останется абсолютно ничего в резерве. Между тем, во всю прыть готовилась наша маленькая артиллерийская группа, возглавляемая товарищем Ази, в чьём распоряжении находились три миномёта с достаточным количеством снарядов, пушка с тремя снарядами и два пулемёта 12.7 мм, один из них без треноги,

со множеством патронов. С этим мы рассчитывали оказать сопротивление финальному наступлению и попытаться нанести достаточный урон врагу.

Я направил товарища Мойю в разведку, дабы осмотреть Кисоси и все прилегающие районы, и первое, о чём он мне сообщил, это об авиаобстреле, в результате чего он потерял всех троих своих конголезских товарищей. Так же он поведал о подозрительной активности на озере 13 вражеских кораблей; однако они не перешли к чему-то более грозному.

Лодка с продовольствием не прибыла, и Чанга информировал, что он просто не сумел её снабдить, поскольку не имеет ничего, что можно было бы привезти; это спровоцировало серию гневных телеграмм от нас в Кигому и Дар-эс-Салам. С другой стороны, я продиктовал телеграмму на Кубу, которая гласила:

«Давление врага увеличивается, сохраняются попытки блокировать озеро. Для предотвращения изоляции требуются значительные суммы конголезских денег. Наступление продолжается и продвигается вперёд. Вы должны действовать быстро. Мы готовимся защищать базу».

Телеграмма датирована 10 ноября, одновременно с ней я послал в Кигому и Дар-эс-Салам следующую телеграмму:

«Если в результате наступления мы вынуждены будем отступить и потеряем контакт с вами, не оставляйте попыток связаться с нами ежедневно в половине третьего и в пять часов вечера, до установления нового контакта».

Из Кигомы нас информировали, что Кабила не приедет, потому что судно не подготовлено; данная информация имела целью прояснить, почему он этого не сделал, поскольку ещё 9 числа он анонсировал свой обязательный приезд; одно из многих невыполненных обещаний Кабилы. Одновременно с этим он послал записку Киве, приказав ему подготовиться, ибо они вместе поедут на Трёхконтинентальную Конференцию в Гаване. Думайте сами.

Наша оборонительная диспозиция в этот момент была такова:

Мбили с группой руандийцев под своим командованием доминировал на дороге, шедшей из Нганья непосредственно к озеру, а другая трасса, шедшая на базу, была поставлена под защиту Азимы и конголезцев.

Мойя был назначен ответственным за защиту озера со стороны Касимы, а Али – в Кибамбе. Мы сделали то, что считали разумным сделать перед фактом будущего наступления, когда прибыла записка из лагеря Мунданди, в которой сообщалось:

«Товарищ Тату,

Что касается ситуации, которая является очень сложной, довожу до вашего сведения, что я не в состоянии удерживать позицию и обеспечить защиту. Население уже предало нас, отдало вражеским солдатам коров и работает на врага, который хорошо ориентируется с помощью крестьян и имеет информацию гораздо лучше, нежели мы сами, о наших позициях. Я умоляю понять меня, я принял решение отступить. Я не бросаю кубинских товарищей, но я несу ответственность перед руандийским народом. Я не могу допустить, чтобы все руандийские силы были уничтожены, я не был бы хорошим революционным командующим, революционером, кроме того, марксистом, если бы не должен был проанализировать ситуацию и избежать бессмысленной бойни. Если все товарищи будут уничтожены это будет моя ошибка, я пытался помочь этой революции, чтобы сделать другую, в своей собственной стране; если конголезцы не хотят сражаться, я предпочту умереть на своей земле ради руандийского народа, если же мы умрём по дороге, это тоже будет неплохо.

Поймите мои революционные чувства.

Мунданди».

Товарищ Мунданди давно готовился оставить борьбу, и это нас беспокоило, поскольку он находился на фланге, где мы должны были разумно ожидать атаки врага (в зоне Нганья), а вот там

мы были наиболее ослаблены ещё до дезертирства. Когда мы думали, что наша линия обороны стабилизировалась, произошла новая беда.

1. Каруме – Президент Занзибара, первый вице-президент Танзании

2. В эту эпоху, немногим более одного доллара.

21. Восточный фронт впадает в кому

Наступило уже 12 ноября, когда я получил письмо от Масенго следующего содержания:

«Товарищ,

Согласно нашему вчерашним телефонному разговору, я не имею никаких возражений против предложения товарища Мойи, то есть считаю это предложение хорошим [речь идёт о защите базы с севера].

Однако, я по-прежнему настаиваю на ранее высказанных мною предложениях, которые заключаются в следующем:

Первое: расположить на моей позиции несколько тяжёлых орудий, точное число которых будет сообщено позже.

Второе: временно выдать мне 50 винтовок FAL, которые будут доверены надёжным людям, имеющимся у меня; 20 винтовок для 20 безоружных бойцов, дислоцированных в Руандизи; 10 винтовок для эшелона Кибамбы; 20 винтовок для барьера в Кавумбве; 20 винтовок для бойцов, которых вы любезно пришлёте с базы.

Моя главная цель заключается в осуществлении атаки против Касимы, несмотря на текущие трудности. Я готов взять на себя эту ответственность.

В нынешних обстоятельствах думаю, что кубинские товарищи должны заняться прежде всего защитой прибрежной базы Нганьи. Думаю, что вы согласитесь со всем тем, что я делаю».

Это письмо было крайне мудрёным. Оставляя в стороне арифметическую ошибку, которую совершил Масенго, попросив 50 винтовок, хотя на самом деле ему нужно было 70, оно базировалось на фантастических представлениях конголезцев о наших запасах оружия, что противоречило заявлениям, сделанным нами самому Масенго; около 15 наших винтовок были розданы конголезским товарищам, и в этот момент у нас более не было ничего, кроме одной или двух резервных винтовок. Причём, даже они стояли под вопросом, ибо это оружие принадлежало кубинцам, ответственным за артиллерию, и если бы мы потеряли тяжёлые орудия, или вынуждены были бы отступить, оставив их в каком-нибудь надёжном месте, артиллеристы остались совершенно безоружными. Не давая нам никаких гарантий, Масенго требовал выдать ему 50 или 70 винтовок, а после уверил в том, что он возьмёт на себя ответственность за атаку, порекомендовав нам посвятить себя защите озера и Нганьи. Произошло это через несколько дней после того, как я был назначен оперативным командующим зоны с широкими полномочиями, посредством чего Масенго тактично хотел сказать мне, чтобы я озаботился всеобщей обороной фронта.

К «коварству» письма добавлялись другие мелкие неприятности: приказ установить противопехотные мины на некоторых подъездных дорогах против моих просьб немного приостановить процесс до того момента, когда мы сможем скоординировать его, дабы избежать трагических инцидентов с нашими разведывательными патрулями, и отказ Масенго от предложения сконцентрировать отряд Али в Кибамбе для защиты южных подступов к базе от возможного нападения.

Я ещё раз побеседовал с руководителем Генерального Штаба и вновь ничего не сообщил о полуофициальной деятельности правительства Танзании. Я подчеркнул необходимость продолжать следовать избранной стратегии, дабы стать независимыми от озера, и указал, что моя новая должность оперативного командующего является сугубо номинальной; он снова заговорил

об атаке в Касиме, и, как начальник Генштаба, готов был взять ответственность за эту акцию на себя (учитывая даже то, что момент для атаки был крайне неблагоприятным; мы совершенно не знали точного расположения позиций врага из-за паршивой разведки), но он не мог признаться, что на меня была взвалена ответственность за защиту сектора лишь потому, что, как легко догадаться, оборона должна быть чем-то гармоничным, единым, имеющим, учитывая скорость развития событий, резервы для укрепления наиболее слабых её пунктов. В конце концов, я настойчиво рекомендовал, чтобы он не передавал непонятным иллюзорным группам ни оружия, ни боеприпасов, ибо это приведёт лишь к их потере. Я подчеркнул, что большинство докладов о масштабных акциях в Физи и других местах являются откровенной ложью.

Товарищ Масенго пожаловался на нашу деятельность в Касиме, поскольку она вызвала напряжённую ситуацию, связанную с попыткой заставить конголезские силы отступить; это было правдой, ибо я отдал Мойе приказ сконцентрировать всех кубинцев в Кисоси, сохраняя их в качестве резервных сил; но он понял приказ неправильно, предположив, что с ним должны отступить к Кисоси и конголезцы; те отказались подчиняться и в ходе препирательств пропали некоторые части миномёта, который теперь оказался в руках кубинского артиллериста лишённым некоторых частей.

Масенго обещал позвонить капитану Салуму чтобы он переговорил с Мойей, и заявил, что тот должен возглавить будущую атаку, чей план был крайне прост: наступление на один из пунктов с засадами на других, где можно было бы ожидать вражеских подкреплений или попыток отступления. Он предполагал, что нападение обойдётся с наименьшими потерями для нас в случае, если последует резкое и беспорядочное отступление неприятеля. Масенго так же дал разрешение на отправку людей Али в Кибамбу, и обещал не передавать больше оружия и боеприпасов без точного представления о потребностях, которые имеют просящие.

В ходе беседы, я передал ему письмо от Мунданди, и он, полный гнева, сказал, что лично на следующий день отправится за ними в погоню, чтобы разоружить беглецов; зная характер руандийских товарищей, я немедленно написал письмо Мбили, находящемуся близ Нганьи, где дислоцировался Мунданди, в котором просил руандийцев передать кубинцам тяжёлое оружие, имеющееся у них, а так же дал личные гарантии свободного перехода в Кигому в случае, если они сдадут все своё оружие. Я хотел повлиять на Масенго и содействовать беспрепятственному транзиту руандийцев через озеро, желая избежать ненужного кровопролития в эти и без того напряжённые дни. Но реки крови так и не пролились, потому что Масенго не мог покинуть Генеральный Штаб; он пригрозил послать вдогонку своего политического комиссара, и, в конце концов, вообще никто не отправился разоружать Мунданди.

Так же у нас был разговор о Кабиле, в ходе которого Масенго заверил, что тот приедет в ближайшие дни. Мой ответ был категоричным: Кабила не приедет, и я уже не жду его, потому что вижу, что его пыл иссяк, и он не заинтересован возвращаться в Конго в нынешних условиях. Разговор об этой больной точке был тяжёлым, поскольку здесь присутствовали и другие товарищи; но я чётко изложил своё мнение о приезде главного руководителя.

Тем временем к общей дезинтеграции добавлялась и разлагающая деятельность людей из Физи, которые, такое ощущение, как будто бы пребывали не на территории войны, а в мирной стране, находящейся в преддверии президентских выборов. Прибыли два или три послания, в одном из которых меня приглашали принять участие в заседании 15 числа и требовали подтвердить согласие; в ответном сообщении я объяснил, что считаю такого рода заседания пустой тратой времени и не собираюсь принимать в них участия в момент, когда, когда нужно любой ценой защищать базу; кроме того, такие действия я рассматриваю как мятеж против революционной власти; кубинское правительство послало меня в Конго не для того, чтобы я участвовал в подобных делах. Эти господа дошли до того, что, в одном из писем обвиняли Масенго в убийствах, дав однако гарантии, что они будут уважать его жизнь и свободу во время присутствия в Физи. Рядовые армии давали гарантии начальнику Генерального Штаба уважать его жизнь, не меньше. Вот такая была ситуация.

Министр здравоохранения, товарищ Мучунго, так же демонстрировал отрыв от реальности; он послал несколько писем, спровоцировав мои гневные ответы.

В одном из посланий, он сообщил мне, что Ламбер написал ему письмо, в котором жаловался на конфискацию нашими парнями тяжелого оружия и просил вернуть его, чтобы осуществить какие-то фантастические акции; мне пришлось вникать в долгие разъяснения о том, какова позиция Ламбера во всей этой суеде. Второе письмо говорило о собрании крестьян близ тех мест, в

Джунго, излагая итоги этой встречи, на которой я почему-то не присутствовал. Я не получал никаких приглашений и вообще не понял, зачем мне нужно было является на эти крестьянские сходки, ибо это совершенно не соответствовало формату моей деятельности в Конго; однако, список требований, выдвинутый на этом заседании, достиг такой степени абсурда, что он непременно должен был вызвать гнев присутствующего там товарища Мучунго. Чтобы дать лишь небольшое представление об этой чепухе, привожу третий пункт резолюции:

«Просьба к друзьям:

Каждая дружественная страна должна прислать по 12000 добровольцев. Речь идёт о революционных странах. Чомбе сражается с нами при помощи иностранцев».

Если предположить, что в мире имеются две или три дружественные страны, то речь шла о переброске в Конго от 24000 до 36000 добровольцев; понятно, что всё это детский лепет отчаявшихся крестьян, обладающих минимальной степенью развития, но, тем не менее, подобная нелепица должна была вызвать реакцию товарища Мучунго, как министра здравоохранения и представителя Высшего Совета Революции.

После указания на инфантильность требований, я спросил его, знает ли он о раскольнических действиях товарищей из Физи. Он ответил, что что-то такое слышал, но точно знает, что 300 человек маршируют из Физи чтобы усилить и спасти Кибамбу; после этих заявлений было бессмысленно далее обсуждать подобные темы. Касаясь личных вопросов, он жаловался на деятельность Масенго, заявив, что у него есть жена и 6 детей, и что Масенго отказывается эвакуировать их, и поэтому он находится в очень сложной ситуации. Я поговорил об этом с Масенго; было решено, что все дети и жёны бойцов должны быть эвакуированы в Кигому при первой же подходящей возможности.

Ранним утром 14 числа через озеро, избежав на этот раз неприятностей, переправился Чанга; он привёз много продовольствия и послание от Рафаэля, в котором мне объясняется, что ситуация, с точки зрения деятельности правительства Танзании, остаётся такой же как и была; не было никаких признаков того, что оно намерено изменить своё отношение к происходящему. Рафаэль спрашивал, не кажется ли мне в этой связи правильным начать работу по организации подпольной базы, и я ответил немедленно что да, это должно быть сделано.

В этот день Масенго, который всё ещё не знал о решениях, принятых Танзанией, послал следующую телеграмму, которая иллюстрирует общую ситуацию и его личное настроение:

«Кабила,

Военное положение очень тяжёлое. Фронт Мунданди захвачен врагом. Враг продвигается от Нганьи к базе. Мунданди, Калихте и Мбили заняли позиции в Нганье. Мы боимся проникновения врага по многочисленным дорогам к базе. Я информировал тебя об отсутствии еды. Срочно отправь бобы, рис, соль. Мы настаиваем на немедленной посылке оружия и патронов 30мм, маузеров и ППШ, пушечных снарядов, базук, противотанковых мин и запалов к ним. Возможность окружения вражеских сил в Мукунди благоприятна. В отсутствии немедленного обеспечения мы рискуем полным уничтожением наших сил. Я прошу руководителей Танзании энергично вмешаться в ситуацию. Мы считаем, что Конголезская Революция удушается из-за халатности африканских стран. Считайте это последним призывом. Чтобы избежать голода, посылайте финансовую помощь.

Масенго».

За исключением оптимистичного заявления о возможности удара по противнику в Макунго, о чём отсутствовали другие данные, телеграмма Масенго вкратце резюмирует ситуацию. Были и другие наши телеграммы, почти панические; с одной стороны, это было необходимо, чтобы как-то расшевелить товарищей, а с другой – эта паника являлась продуктом сложившегося положения. В разъяснении, данном нашему функционеру в Кигоме касательно поездки Кабилы в Дар-эс-Салам, я указал:

«Необходимо чтобы они отправились сегодня же [речь идёт о кораблях], мы голодны, окружены, Кабила может ехать».

Сигнал SOS был послан со всей возможной горячностью. Среди груза, привезённого Чангой, было 40 конголезцев, которые обучались в Советском Союзе; нагруженные специальными знаниями, они в первую очередь попросили для себя двухнедельные отпуска, сетуя, среди прочего, на то, что им негде оставить свои сумки, и что нету оружия, приготовленного специально для них. Это было бы смешно, если бы не было так грустно видеть настроение этих парней, которым революция доверила свою веру.

Масенго перевёл под моё командование этих людей, и для меня единственным удовлетворением было читать им «революционный букварь» настолько чётко, насколько позволял это делать мой французский, однако я не увидел в их глазах даже отблеска революционной искры. Я заставил руководителей этой группы подняться на Главную Базу и очень твёрдо заявил, что они будут проэкзаменованы по стрельбе и те, кто пройдут тест, немедленно отправятся на фронт; если они готовы сделать это, я их принимаю, если же нет – они должны уйти тотчас же, ибо что я не намерен терять время (у меня просто не было времени, которое можно было бы потерять). Командующий, достаточно разумный парень, принял условия и в следующие дни они все поднялись на базу, чтобы усилить нашу защиту или, лучше сказать, забрать оружие тех, кто убежал, поскольку они всё ещё были безоружны.

Мбили передал последние новости: разведчики видели гвардейцев вблизи дороги из Джунго, поэтому он послал некоторых товарищей заложить мины на дороге. Эта закладка несла опасность для других наших патрулей, поскольку Мбили выставил ловушки на одной стороне, а я приказал провести разведку в том же направлении, но на другой стороне, и только по счастливой случайности одна из мин не взорвалась под ногой нашего товарища. Механизм армии был неуправляем, и каждая его часть двигалась, повинаясь собственному импульсу.

Из зоны Нганья-Карианга противник мог выйти по четырём различным дорогам к озеру; мы не знали, по какой из них должно было придти вражеское подкрепление, если оно вообще не пойдёт по всем четырём. Неприятель намного обходил нас по знанию территории; гвардейцы имели лучших проводников, - крестьян региона, - живших среди них, и предоставлявших им продовольствие. На этот раз солдаты извлекли определённые уроки из прошлого опыта антипартизанской борьбы и, кажется, весьма уважительно относились к крестьянам, между тем как мы платили за ошибки нашей предыдущей деятельности нынешней неверностью местных селян.

Продолжая обычай отсылать к нам все группы, появившиеся поблизости, Масенго направил мне семерых «смертников», чья жажда разрушения должна была быть направлена на потопление транспортных кораблей, курсировавших между Альбервилем и Кигомой. Я объяснил им, что эта акция относительно лёгкая в исполнении, поскольку корабли не сопровождались военными катерами противника, в любой момент мы могли бы осуществить её, но считаю очень неуместным делать это сейчас, когда отношения с Танзанией так охладились, поскольку это может быть использовано в качестве предлога для введения новых ограничений; у меня есть другая работа для них: пересечь вражеские линии с несколькими кубинцами, осуществить акции в тылу и захватить оружие, но они должны быть готовы подчиняться строгой дисциплине. «Смертники» ответили что подумают, и больше я о них ничего не слышал.

Чанга с каждым днём испытывал всё больше трудностей в своих поездках; с каждым разом на озере становилось всё больше сторожевых лодок, а его конголезский экипаж не изъявлял желания преодолевать многочисленные опасности переправы. Происходили неприятные ситуации: был дан приказ об эвакуации женщин и детей, но среди них встречались некоторые детины, от двадцати до двадцати пяти лет, которые, расталкивая локтями всех остальных, мнили себя хозяевами положения. Так как судно делало попытки отчалить два или три раза, ночь за ночью эти оболтусы лезли на борт, вызывая конфликты с нашими людьми, ответственными за охрану лодок, и наводя ещё больше уныния на них.

От Кабилы пришло сообщение, гласившее:

«Масенго, я передал твоё обращение танзанийцам, выезжаю сегодня в Табору и вернусь затем с оружием и боеприпасами. Я посылаю тебе весь остаток конголезских денег. Удушение нашей борьбы является следствием сговора между местными властями и империалистами. Денег больше нет.

Кабила».

Кабила сообщал, что поедет в Табору, но нам он говорил, что собирается в Дар-эс-Салам, что он на самом деле и сделал ; он там дискутировал с представителями властей, и в момент нашего окончательного отступления отсутствовал в Кигоме, находясь в столице Танзании.

16 ноября товарищ Сики получил письмо от Азимы:

«Товарищ Сики,

В своих строках я хочу объяснить, что имею только 16 конголезцев и 9 кубинцев, отступление является очень трудным, а наша позиция полностью открыта; нет ни единого шанса скрыться от авиации. Конголезцы намереваются уйти; они не хотят драться, я кое-как ещё удерживаю их здесь, но когда солдаты начнут наступление, они убегут. Я объясняю вам это, потому что ситуация очень тяжёлая, простите меня за эту фразу, но я думаю что я просто дурею. Мы заставляем идти в бой людей, которые не хотят драться, и я полагаю, что это не логично; я искренне думаю, что неправильно принуждать их к борьбе. Я не слишком образован в этой области, но я вижу, что это плохо. Так же нет еды, мяса, нет ничего, чем можно было бы перекусить, и ко всему прочему дожди льют круглыми сутками; с самого утра он заряжает и не думает останавливаться. Ладно, простите за ошибки в орфографии, которые я допустил

Азима».

Я посчитал это письмо очень тревожным сигналом, и отдал приказ Сики выяснить обстановку. По его мнению, всё это было связано с резкостью товарища Азимы, который часто срывался на подчинённых. На всякий случай, я послал в Кисву помощника Али, который уже поднялся со своими людьми из Кибамбы, чтобы, в случае отстранения Азимы от командования, тот взял на себя ответственность за оборону.

Одновременно с Али прибыл «Крутой», который ездил с ним и прислал мне письмо, в котором объяснил, что напряжённые отношения, сложившиеся в Кибамбе между кубинским и конголезским командирами, являются следствием характера Али, а так же рассказал о некоторых инцидентах, которые лицезрел там. Он заявил, что сделал всё возможное, чтобы создать атмосферу единства; он пытался вместе с остальными кубинцами быть доброжелательным, но Али и майор не могли найти взаимопонимания. После он лично подтвердил свои слова, добавив несколько анекдотов, но Али резко реагировал на обвинения, ссылаясь, среди прочего, на комический эпизод, произошедший из-за неосмотрительности «Крутого»; тот настаивал, чтобы ехать к базе днём по озеру, против мнения Али, и, как только они вышли на берег, на горизонте появился вражеский самолёт; товарищ «Крутой», словно метеор, бросился в воду, да с такой силой, что перевернул каноэ, но хуже всего было то, что Али не умел плавать и чуть не утонул. Его недовольство «Крутым» выражалось в частых остановках в рассказе, происходивших не только из-за его заикания, но и из-за крайнего возмущения, что выглядело очень комично в эти трагические моменты...

Мбили послал мне очередной доклад, информировавший о мерах, предпринятых близ Джунго, и объявил, что началось наступление врага, но ни конголезцы, ни руандийцы не занимают своих позиций. На каждом из флангов обороны было по 8 кубинцев и не было возможности привлечь сюда больше защитников; командующие Калихте и Хусейни оставались в тылу, несмотря на требования сопровождать своих людей; Мбили не доверял никому, кроме кубинцев, но и им он доверял не полностью. Впереди можно было насчитать около 400 гвардейцев и создавалось впечатление, что к ним прибыла подмога.

Такова была ситуация 16 ноября, когда было отправлено несколько телеграмм, в одной из которых, написанной мною, говорилось:

«Рафаэль, нам срочно необходимы пули для СКС, пушечные снаряды 75 мм и снаряды для китайской базуки. Если будет возможным, 200 винтовок с боеприпасами. Первое более важное, и находится блокированным [танзанийским правительством] в Кигоме. Если груз не отдадут, скажи об этом открыто. Излагай на понятном языке. Чанга не может выйти отсюда. Много вражеских лодок. Необходимо, чтобы вы действовали быстро».

Масенго отправил другую телеграмму:

«Я не в состоянии начать наступление. Поэтому план ликвидации вражеского окружения невозможен. Я настаиваю на серьезности своего положения. Прошу срочно предоставить информацию о возможности поставок продуктов, оружия и боеприпасов.

Масенго».

Ситуация осложнялась минута за минутой и не было заметно ни одного улучшения нигде; оставалось лишь определить, каковы силы врага, и реально ли он намерен идти в окончательное наступление.

22. Полный провал

Сики снова совершил инспекционную поездку и сообщил мне, что всё идёт достаточно хорошо; оборонные позиции были укреплены и готовы к бою, между тем, как параллельно осуществлялось поэтапное отступление, так как крайне неразумно было держать неподвижную оборону, имея в наличии бойцов со столь низким боевым духом. Он заявил, что нет никаких причин доверять конголезцам, однако руандийцы ведут себя в целом достойно, и будут поддерживать Мбили; единственное, что необходимо – это не смешивать их, и тогда мы будем иметь гарантии надёжности. Азима прислал личное сообщение, пообещав, что он будет защищать свою позицию так, как будто бы это частичка Кубы; он не нуждался в замене.

Сики выехал рано утром. Не успел он по приезду закончить доклад и слегка отдохнуть от поездки, как прибыл курьер со следующим письмом Мбили, разделённым на две части; первая датирована 9 часами утра;

«Тату, оставшиеся конголезцы отказались рыть окопы и тот, кто является их руководителем, планирует пойти в атаку на гвардейцев, заявляя, что это гораздо лучше, чем рыть окопы. Мы послали Чарльза поговорить с ним, настояв на том, что лучше всё-таки вырыть окопы, между Чарльзом и командиром завязался жаркий спор, они обменялись ударами и командир схватил было винтовку, чтобы убить Чарльза, но мы отняли у него оружие. Он сказал Чарльзу, который является бойцом кубинского отряда, что кубинцы мерзавцы, и что Чарльз тоже мерзавец, и что, когда придут гвардейцы, они отступят, и будут стрелять по нам. Это происходит из-за того, что один из здешних главарей был тем, кто сказал мне в ходе засады, что кубинцы мерзавцы¹, думаю что он продолжает настаивать на этом; деятельность конголезцев является открыто враждебной и проявляется в вызывающем бездействии.

Важно, 11:15

Тату: все руандийцы ушли. В 10 часов я получил новость об этом. Я послал проверить Акику и действительно, они ушли; вчера мы обсуждали план, а сегодня, не сказав мне ничего, они просто ушли, думаю, что они направились в свою страну, поскольку они беседовали об этом в предыдущие дни.

Когда пришло это известие, помощник Мунданди был со мной, я сообщил ему о произошедшем, он удивился, ушёл и больше не вернулся. Как видно, они унесли с собой оружие и не сказали мне ничего, вчера они собирались усилить меня десятью бойцами с одним станковым пулемётом, поскольку конголезцы бежали, но я никого из руандийцев больше не видел, я послал [человека] выяснить ситуацию у Калихте и тот никого не нашёл, и никто не мог сказать мне, где он.

Это может быть изменой, я предлагаю отступить немного назад, как мы ранее и планировали, разделившись на две группы, занять новые позиции и заминировать дороги, нам срочно необходимо подкрепление, я собираюсь принять меры предосторожности в случае предательства. Товарищ, который доставил письмо, передаст мне ответ, который ты дашь.

PS: Конголезцы здесь уже знают об этих новостях и уходят».

Спустя несколько часов авиация обстреляла позиции, которые ранее занимал Мбили, отступивший чуть назад; это может быть совпадением или просто результатом измены. Мы начали искать людей для усиления, разоружая тех, кто бежал к базе и передавая их оружие другим. Этот

грошовый обмен не обещал много, но это то, чего нельзя было не сделать; в каждой засаде мы имели теперь по 8 кубинцев и примерно, около 10 конголезцев.

Новые рекруты, - курсанты, прибывшие из Советского Союза, - были информированы, что должны будут идти в первой линии обороны, однако они заявили, что их нельзя разделять, они должны сражаться все вместе, но после соответствующих внушений и предупреждений (или они исполняют приказ, или пусть вообще убираются отсюда), нашлись те, кто готовы были занять позиции на первой линии.

«Крутой» приехал вечером с товарищем, чьё имя я к сожалению не помню, а он не оставил никаких сведений о себе. Он казался умным и горел жаждой деятельности, но только не имел никакого опыта. Мы поговорили обо многих вещах, но фундаментальным было следующее моё утверждение: «Мы находимся в преддверии полного краха; можно прибегнуть к одному из двух вариантов: либо выстроить гибкую защиту, уступая территорию и откатываясь к другим пунктам, или же просто, создать жёсткую оборону и бороться до предела наших сил; то, что мы не можем и не должны делать, так это сидеть сложа руки, ожидая, пока гвардейцы перейдут в наступление на новом месте и отнимут его без боя, провоцируя дезертирство ещё большего количества людей». Эта тактика (или отсутствие тактики) приведёт к потере всего и оставит нас полностью дезорганизованными. Товарищ «Крутой» попросил слово, чтобы сказать, что, если выбирать из двух вариантов, он выбирает жёсткую оборону. Кубинцы, присутствующие со мной, посмотрели на него так, будто бы собирались убить или сожрать его; мне было их жаль. Место, обстоятельства, выбор жёсткой обороны, но жёсткой обороны с кем? Руандийцы и конголезцы ушли. Можем ли мы требовать от кубинцев, чтобы они умирали в своих окопах, защищая этот ничтожный и ничего уже не значащий кусок земли? И, что ещё важнее: принесёт ли это какие-то результаты? На самом деле, жёсткая оборона являлась лишь теоретической альтернативой; единственное, что можно было сделать, так это «смыться».

«Крутой» в ту же ночь, несмотря на ненастную погоду, спустился к озеру, чтобы поговорить с Масенго, а я сделал то же самое на следующий день. В дискуссии участвовали «Крутой», товарищ чьего имени я не помню, товарищ Кент из Кении, включённый в Освободительную Армию, Чарльз Бемба, пришедший сообщить о своих бедах, и ещё кто-то. Были обсуждены возможности дальнейшей борьбы; мы отказались от жёсткой обороны, потому что, в конечном итоге, все согласились, что у нас слишком мало людей, - фактически, одни только кубинцы, - да и полного доверия этим людям нет; так же была отвергнута возможность отступления к Физи из-за господствующих там настроений. В качестве потенциального убежища оставалась Увира, для достижения которой нужно было идти по озеру, - очень опасный путь, - или пешком, пересекая линии неприятеля и враждебную территорию Физи в очень тяжёлом и длинном марше. Или же бежать на юг, где располагались несколько деревень, вроде Бондо, предоставлявших возможности организации обороны. Было решено, что Али и Мбили проведут срочную разведку направления на Бондо; в этот же день они должны были вернуться и принять решение. Али усмотрел в этом новую авантюру «Крутого», поскольку, согласно кубинцу, эта позиция была плохой. Я имел небольшую стычку с Али, который ворчал, что с него хватит беготни по горам безо всякого содействия со стороны конголезцев; я коротко ответил, что мы организуем эвакуацию из Бондо, и он сможет покинуть страну вместе с другими такими же пораженцами. Он немедленно среагировал, сказав, что останется со мной до конца.

Мне казалось своевременным сообщить товарищу Масенго о решении, принятом Танзанией, поскольку больше не имело смысла сохранять его в тайне. Деятельность этого правительства не была честной: можно допустить, что в отношении нас оно вело себя правильно, но революционные обязанности, взятые Дар-эс-Саламом перед Конго, не выполнялись. Я сказал Масенго, что несколько дней назад получил телеграмму, в которой меня информировали о решении правительства, подчеркнув необходимость, ввиду сложившейся ситуации, не озвучивать сей факт даже самим кубинцам: сейчас я рассказываю ему это лишь затем, чтобы он сделал соответствующие выводы. Кажется, что он сразу же обсудил это со своими товарищами, поскольку ночью приехал «Крутой». Он поведал, что Масенго собирается поговорить со мной об окончании борьбы, и он больше не видит смысла в эвакуации в другой пункт и в решении ряда других задач, стоявших перед нами; все ответственные товарищи согласились прекратить борьбу немедленно.

Я ответил, что это очень серьёзное решение; в Физи и Макунго ещё оставались революционные силы, организованные в формате этого же фронта; кроме того, ещё одна военная группировка дислоцировалась в Увире, и продолжал существовать фронт Мулеле; если мы отведём войска, это развяжет руки врагу для того, чтобы атаковать эти группировки; наше бегство будет способствовать окончательному их распаду, потому что мы знаем, что у них нет сил для

сопротивления. Я попросил выдать мне письменное подтверждение решения об окончании борьбы. «Крутой» был поражен и несколько уязвлен, но продолжал настаивать; я ответил, что есть вещь под названием история, которая состоит из множества фрагментарных данных и она может быть искажена. Короче говоря, я хотел иметь бумагу в своих руках для того, чтобы иметь аргумент в случае, если когда-нибудь наша деятельность в Конго будет подвергаться неверному толкованию, а так же, дабы усилить воздействие мои слов, напомнил о недавней истории клеветы против нас. Он ответил, что это слишком жесткое требование и он не знает, согласится ли на это Масенго. Для меня было ясно, что если Масенго не согласится дать мне этот документ, посчитав, что он делает что-то неправильно, то ответственность за это отступление никак не может быть взыскана на наши плечи. Так я и сказал ему.

Разговор был прерван, поскольку «Крутой» отправился посоветоваться со своими товарищами. В этот момент раздался телефонный звонок с Главной Базы; гвардейцы давили и Азима отступил без боя; солдат было много и они шли тремя колоннами, во время отступления наши люди были атакованы, но не понесли жертв; однако, один дозорный укрылся где-то от авиационной атаки, предшествующей наступлению, и Азима не питал никаких надежд на то, что он спасся; его имя Сулейман. Другой дозорный, конголезец, бывший с ним, так же не появился.

Я тотчас же отправился сообщить обо всем этом Масенго и предложить организовать немедленное отступление, на что он согласился; «Крутой» взял слово, чтобы сказать, что они обсудили положение и приняли решение об окончательном отступлении из Конго. Руководитель военной полиции был на этом совещании и слышал весь разговор; вскоре после этого, буквально в пять минут исчезли все телефонисты, вся военная полиция бежала, и абсолютный хаос воцарился на базе.

Я предложил Масенго, чтобы он занялся своими людьми, а я организую отступление со всех пунктов, где находятся кубинцы; так и было сделано, я распорядился, чтобы вся амуниция, в том числе и радиопередатчик, была спрятана в заранее обустроенных убежищах; мы должны были, спрятав все боеприпасы и тяжелое оружие, в ту же ночь уйти с базы, предав огню всё, что там осталось; сам я буду ждать внизу, у озера. Нужно было тащить портативный передатчик, с помощью которого удавалось поддерживать связь с Кигомой и Главной Базой; по крайней мере, мы могли получать и отправлять сообщения, несмотря на то, что технические характеристики аппарата были ограничены радиусом действия в 20 километров, а до танзанийского порта было 70 километров.

С коротким интервалом по радио была отправлена серия телеграмм, демонстрирующих ситуацию этим днём 18 ноября:

«Рафаэль,

Всё рушится, войска и крестьяне переходят к врагу. Больше нет надёжных конголезских войск. С сегодняшнего дня наша связь через главный передатчик может быть прервана, мы поддерживаем связь с Кигомой с помощью вспомогательного оборудования. Чанга здесь из-за технических трудностей. Срочно требуется экипаж и лодки в хорошем состоянии».

Однако в конечном итоге Чанга сумел переправиться через озеро с огромным «грузом» женщин и детей, что спровоцировало ссору с комиссаром Кигомы, поскольку тот заявил, что ему привезли лишь бродяг и паразитов, которых необходимо вернуть туда, откуда мы их взяли; этого мы, конечно же, не сделали.

В этот же день Рафаэль выслал телеграмму, в которой заявлял следующее:

«Тату,

Второй разговор с Кавава; мы энергично разъяснили ему положение и потребовали немедленной поставки материалов, он пообещал решить вопрос, прежде чем уедет в Корею. Мы видели по дороге в Кигому грузовик с небольшим количеством вещей для посёлка. Вчера говорили с Камбоной, он обещал заняться этим делом и сегодня дать нам ответ о результатах разговора с президентом. Это был прямой и окончательный способ призвать к их ответственности. Мы говорили с русскими и китайцами, описав им издевательскую ситуацию с поставками, которые они отправляют в Конго. Мы предлагаем поговорить с послами ОАР, Ганы и Мали, чтобы сообщить им, что, по результатам соглашения в Аккре, Танзания не поставляется материалов националистам, которые сопротивляются белым наёмникам,

ответственность за уничтожение [Революции] падёт на африканских лидеров и правительство Танзании. Кабила в координации с нами беседует с правительственными фигурами, повторяя то же самое, а так же с советскими и китайскими товарищами в том же духе».

Я послал ему такой ответ:

«Рафаэль,

Мы хотим знать результаты последнего доклада на Кубу по поводу комиссии для обсуждения вопроса с правительством Танзании. Что касается обсуждения с правительствами Ганы, Мали и ОАР, то это надо сделать в форме вопроса. Каким было соглашение в реальности и если, по его результатам, мы остались в таком положении, в котором сейчас находимся? Полагаем, что пытаться что-то делать уже слишком поздно. Эта деятельность займёт около месяца и это не даёт нам ничего. Думаем об эвакуации базы, и об эвакуации большинства кубинцев на втором этапе. Мы остаёмся маленькой группой в виде символа престижа Кубы. Сообща на Кубу».

Я намеревался эвакуировать больных, слабых и всех у кого «тряслись коленки» и остаться с маленькой группой для продолжения борьбы. С этой целью я провёл небольшой «тест на решимость» среди товарищей бойцов, который дал разочаровывающие результаты: почти никто не был готов продолжать борьбу, если это зависит от его собственного желания.

Среди проблем эвакуации, которую мы планировали, была такая; Мафу послал двух из своих людей провести разведку в Касиме, и эти люди не вернулись; было решено, что другой товарищ отправиться на их поиски и все трое прибудут в кратчайшее время. Бойцы должны были организовать хорошие укрытия для тяжёлого оружия, которое невозможно было транспортировать и двигаться вместе с остальными; некоторые товарищи вроде Мбили и его группы должны были проделать долгий марш, если бы мы решили оставить нижнюю базу рано утром. Было подсчитано, исходя из закономерностей вражеских атак, что нам остался лишь один день отдыха, после чего противник вновь перейдёт в наступление; эта передышка позволила нам уйти с относительной лёгкостью, но всё равно мы должны были принять меры чтобы избежать огневого контакта и спасти большинство вещей.

Наши трое больных вместе с Ньенье, - ответственным за базу, - выдвинулись на лодке в направлении деревеньки под названием Мукунго, где мы думали организовать сопротивление, взяв с собой несколько тяжёлых орудий, принадлежащих отряду Ази, но не все, ибо разложение так же поразило конголезскую часть нашего войска, и африканцами было оставлено множество вещей. Конголезцы направились в зону Физи; сначала я собирался остановить их, но, подумав, разрешил им отправляться туда, куда они сами захотят, поскольку в момент окончательной эвакуации, если она произойдет, мы не сможем увезти с собой всех.

Ранним утром мы предали огню дом, который служил нам обителью в течение почти семи месяцев; здесь было много бумаги, множество документов, которые могут быть в спешке забыты, и лучше ликвидировать всё за один раз. Через некоторое время, уже днём, начали пылать оружейные склады; кто-то решил поджечь их, не проконсультировавшись ни с кем, поскольку ни Масенго, ни я не давали приказов такого порядка, напротив, мы пытались убедить конголезцев в важности перемещения материалов, если не на новую базу, то, по крайней мере, в близлежащие горы. Ничего из этого сделано не было, и кто-то из них дал огоньку, в результате чего было потеряно множество боеприпасов. Наблюдая за искусственным фейерверком, я расположился на первом холме дороги в Джунго, ожидая отставших. Таких было много, и они приходили, казалось, уставшие от векового труда, с отсутствием жизненных сил; оставляя части тяжёлых орудий, они пытались облегчить свою ношу, не предавая значения важности данного оружия в бою. В группах практически не было конголезцев и всё тащили кубинцы; я настаивал на необходимости ухаживать за этим оружием, жизненно важным для нас, в случае, если мы должны будем выдержать последнюю атаку, а люди шли, волоча ноги, и делая частые остановки, нагруженные пушкой и пулемётом, оставив ещё два по пути.

Я ожидал команду связистов; в 6 часов мы должны были осуществить первый сеанс связи, и я высматривал руководителя группы, Турна, который должен был спуститься с противоположного Главной Базе холма к озеру. Это приводило в отчаяние; холм, с которого можно было спуститься за 10 минут, товарищи преодолевали 3 часа и наконец прибыв, они должны были перевести дыхание чтобы продолжать путь. Я приказал им оставить всё лишнее и пытаться идти быстрее;

среди лишних вещей, брошенных телеграфистом, оказался телеграфный ключ, и теперь необходимо было его разыскать. Я серьезно поговорил с операторами, указав на важность, которую они имеют для радиокommunikации, побуждая их сделать новое усилие, чтобы достичь точки концентрации. Они попытались осуществить регулярный сеанс связи в 10 часов, но ничего не вышло. Мы продолжили тяжёлый путь; трое товарищей, не имеющих навыков хождения по горам, шли исключительно благодаря силе духа.

Мы продвинулись очень недалеко; нормальный пешеход должен был преодолеть расстояние от Кибамбы, где находилась наша база, до Джунго за три или четыре часа. В три часа дня, когда должен был быть осуществлён второй радиосеанс с Кибамбой, до точки концентрации было ещё достаточно далеко. В этот час нам удалось отправить следующее сообщение:

«Чанга,

Мы потеряли базу, действуем в чрезвычайном порядке, срочно ответьте, можете ли вы прибыть этой ночью»

Затем второе сообщение:

«Чанга,

Сегодня враг пока ещё не достиг берега, наша позиция в Джунго, в 10 километрах на юг от Кибамбы. Масенго решил оставить борьбу и для нас лучше покинуть страну как можно раньше».

Выражение лиц всех присутствующих товарищей, когда ими был услышан «призыв» к окончательному отступлению, изменилось, словно по мановению волшебной палочки. Нашим последним сообщением являлся вопрос к Чанга – прибыл ли он. Сообщения готовились с помощью телеграфного ключа, и необходимо было дешифровать их и кодировать ответы. Ответом, видимо, было: «Сюда никто не приехал». В продолжение, товарищи с того берега озера заявили, что испытывают трудности с радиостанцией, после чего вышли из эфира. Послание должно было обозначать, что в Кигому не прибыл ожидающийся кубинский экипаж, оно было зашифровано раньше и никак не вязалось с нашим вопросом. Видимо, у Чанга были проблемы на озере (над которым в тот день кружила вражеская авиация), что могло обозначать потерю лодок и, следовательно, потерю возможностей для выезда; лица товарищей вновь скрылись под масками вековой усталости и тревоги. Мы сделали ещё одну попытку установить контакт в семь вечера и вновь потерпели неудачу; условия озера позволяли нашему маленькому аппарату осуществлять хорошую передачу только в три часа дня.

К вечеру прибыли в Джунго; царил беспорядок, еды приготовлено не было. Мы подсчитали людей; отсутствовали четверо: дозорный, который был потерян во время вражеского наступления, двое, ушедшие в разведку в Касиму и четвёртый, вышедший с одной из групп с Главной Базы и необъяснимо исчезнувший. В Касиму был отправлен боец для поиска двух товарищей, но тот вернулся, никого не обнаружив. Испугавшись быть оставленным в Конго, он сделал лишь поверхностный осмотр территории; подсчёт затраченного времени прямо указывал на это, но я ничего не сказал, поскольку ничего уже было не исправить. Мы организовали группу под руководством Ребокате дабы занять дорогу, которая вела из Нганья по горам, и доминировать таким образом над обоими пунктами, где могли бы появиться наступающие гвардейцы – над горами и над озером. Когда люди отправились к избранным позициям, послышался взрыв на вершине холма, по которому проходила дорога. Так как территория была заминирована, мы предположили, что это наступающие гвардейцы, а мы уже не имели времени для организации защиты на высоте. Бойцы укрепились на дороге, сформировав эшелон ограниченной обороны, а мы продолжили путь к Селе, деревне, расположенной вблизи Джунго.

Попытки радиосвязи в 6 и в 10 часов 20 ноября так же провалились. Движение телеграфистов было настолько медленным, что мы пришли в Селе только днём, в то время, как путешествие должно было занять не больше часа. Там находилось большинство наших людей, и мы нашли кое-чего, чтобы утолить голод. Когда наступил вечер, прибыл Банхир, парень, оставшийся в ходе марша. Растянув связки, он упал, и попросил товарища захватить его рюкзак и предупредить других, а сам остался, ожидая помощи; его приятель не исполнил просьбы, или исполнил её плохо, и утром Банхир всё ещё находился там, где произошла неприятность, в полном одиночестве; он оставался на нашей базе до 9 утра 20 числа, когда наконец сумел покинуть её,

утвердившись во мнении, что его оставили. Не было никакого вторжения гвардейцев на базу; все дороги были пусты, все дома покинуты.

В 2:30 установили контакт с Кигомой; посланный доклад гласил:

«Всего людей для эвакуации менее 200, каждый новый день будет всё более сложен. Точка Селе, где мы дислоцируемся, находится в 10 или 15 километрах к югу от Кибамбы».

В ответ мы получили долгожданное:

«Тату,

Решено этой ночью пересечь озеро. Вчера комиссариат [Кигомы] не позволил нам сделать это».

Люди впали в эйфорию. Я поговорил с Масенго, предложив покинуть этот пункт ночью. Из-за того, что здесь было много конголезцев, состоялось оперативное заседание Главного Штаба, на котором было решено, что Жан Паулис останется в Конго со своими людьми, а мы (кубинцы) и другие руководители эвакуируемся; местное войско остаётся здесь, у озера, причём, никому из них не было сообщено о нашем отступлении: дабы они не стали его свидетелями, под различными предложениями отряды были направлены в соседнюю деревню. Прибыло небольшое судно, всё ещё находящееся в нашем распоряжении для поездок между различными пунктами озера, которое увезло большинство конголезцев; однако те из них, кто был включен в наши отряды, что-то заподозрили и захотели остаться; я приказал провести отбор тех, кто демонстрировал наилучшие боевые качества до сего момента, для того, чтобы увезти их в качестве кубинских граждан; Масенго разрешил делать то, что мне покажется нужным.

Для меня ситуация была переломной: два человека, посланные на разведку в Касиму, останутся забытыми, если не придут в ближайшие часы²; едва ли мы могли уйти от потока лжи, изливаемой на нас как внутри, так и вне Конго; моё войско было разнмастным, но, тем не менее, я ещё мог рассчитывать человек на 20, которые нехотя, но последуют за мной. А что делать потом? Все революционные руководители бежали, крестьяне с каждым разом проявляли всё большую враждебность к нам. Но мысль отступить, очистить территорию от своего присутствия, - как мы сделали, - оставив там беспомощных крестьян и вооружённых, но незащищённых вследствие своей неспособности к борьбе людей, обречённых на поражение и ощущающих, что их предали, вызывала острую боль в моей душе.

Для меня остаться в Конго не было бы самопожертвованием; ни на один год, ни на пять лет, чего пугались мои люди; это была часть борьбы, идея которой была сформулирована в моём мозгу. Я мог разумно надеяться, что 6 или 8 парней останутся со мной из-за искреннего желания сражаться дальше; остальные сделали бы это из-за своего долга, кто-то из личного отношения ко мне, другие исходя из морали Революции, и я жертвовал бы людьми, которые уже не могли драться с былым энтузиазмом. В Конго они сделали не очень много, я тоже, и я ощущал это; как-то, меня в шутовском тоне спросили, каково моё мнение о некоторых конголезских руководителях, и моя реакция была крайне резкой; я сказал, что сначала нужно было спрашивать, какова была наша деятельность в Конго, можем ли мы, положив руку на сердце, сказать что она была самая правильная; я так не думаю. Последовало враждебное, тягостное молчание.

На самом деле, мысль остаться циркулировала в моей голове до самого последнего часа, и возможно я так никогда и не принял бы решения, если бы не был ещё одним беглецом.

Форма, в которой конголезцы осуществляли эвакуацию, казалась мне унижительной; наше отступление было простым бегством, и, что ещё хуже, мы были соучастниками обмана, с помощью которого Генеральный Штаб оставил часть бойцов в Конго. С другой стороны, кем я был сейчас? Мне казалось, что после моего прощального письма Фиделю, товарищи начали смотреть на меня как на человека других широт, далёкого от конкретных проблем Кубы, и я не мог требовать от них остаться здесь в качестве финальной жертвы. Так я провёл последние часы в Конго, одинокий и растерянный, и, наконец, в 2 часа ночи прибыли суда с кубинским экипажем, который, приехав в Кигому этим же вечером, немедленно отправился в путь. Народу было достаточно много, а на дворе уже поздний час; в качестве последней границы для выезда я отметил три часа ночи; в половине шестого уже расцветало, и мы должны были быть на середине озера. Была организована эвакуация; поднялись на борт больные, потом Генеральный Штаб Масенго, - около 40 человек, избранных лично им, - затем поднялись все кубинцы и начался тяжёлый спектакль, грустный и бесславный; мы должны были отказывать людям, умолявшим взять их с собой; ни

одного величественного шага не наблюдалось в этом отступлении, ни одного жеста непокорности. Конголезцы взвели пулемёты и имели людей, способных стрелять из них, и, продолжая старый обычай, хотели запугать нас атакой с земли, но ничего этого не произошло: только стоны доносились с берега, в то время как главарь беглецов, сыпля проклятиями, обрубал швартовые.

Хотелось бы привести здесь имена тех товарищей, на которых я всегда мог положиться из-за их личных качеств, их веры в Революцию и их решимости выполнять свой долг независимо от того, что произойдёт потом. Некоторые из них в последнюю минуту тоже дрогнули, но можно сделать скидку на эту последнюю минуту, ибо эта слабость была объяснена их маловерием, а не отсутствием решимости пожертвовать собой. Было, конечно, больше товарищей такой категории, но я не имел тесной связи с ними и не могу подтвердить их позицию. Это неполный список, сугубо личный, сильно подверженный субъективным факторам; надеюсь, меня простят те, кто сюда не попал, но уверен, что был в той же категории: Мойя, Мбили, Помбо, Ази, Мафу, Тумайни, Иширини, Тиза, Алау, Вазири, Агано, Хукуму, Ами, Амия, Сингида, Аласири, Ананане, Ангалия, Бодада, Анара, Мустафа, врачи Куми, Физи, Морогоро и Кусулу и непревзойдённый адмирал Чанга, господин и хозяин озера. Особого упоминания заслуживают Сики и Тембо, с которыми я часто, а и иногда, очень резко, спорил по поводу оценки ситуации, но я всегда чувствовал их преданность. А последняя строка для Али, хорошего солдата и плохого политика.

Мы пересекли озеро безо всяких проблем, несмотря на медленный ход лодок, и, в самый разгар дня, прибыли в Кигому, одновременно с грузовым судном, следовавшим из Альбервиля.

Казалось, паром сорвало крышку чайника и ликование кубинцев и конголезцев, словно кипящая жидкость переполнила небольшую чашу судов, ошпарив меня, но не заразив своим весельем; в течение этих последних часов в Конго я чувствовал себя одиноким как никогда не чувствовал, ни на Кубе, ни в одном из моих путешествий по миру. Я мог бы сказать: «Сегодня я вновь оказался одинок на своей дороге».

1. В дни засады в Катенге этот руководитель пытался убедить своих людей, используя различные аргументы.

2. Они были спасены через месяц группой добровольцев, состоящей из Иширини, Айя, Аласири и Абаду под руководством Сики и в сотрудничестве с Чанга и группой моряков, прибывших в последнюю минуту.

23. Эпилог

Остаётся только, в виде эпилога, попытаться сделать выводы, окинуть взглядом поле боя, обозначить действия различных факторов и высказать мнение по поводу будущего Конголезской Революции.

Я делаю особый акцент на области, которая формирует Восточный фронт из-за того, что она наиболее известна мне, а так же для того, чтобы избежать обобщения опыта в столь многообразной стране, какой является Конго.

Географическая позиция, в которой мы находились, характеризуется наличием огромной впадины, наполненной водами озера Танганьики, площадью в 350 000 квадратных километров и в среднем шириной в 50 километров. Озеро отделяет Танзанию и Бурунди от территории Конго; на каждой стороне этой впадины возвышается цепь гор – одна является частью Танзании-Бурунди, а другая – соответственно, Конго. Эта последняя, средняя высота над уровнем моря которой составляет 1500 метров (само озеро расположено на высоте 700 метров над уровнем мирового океана), простирается от окрестностей Альбервиля на юге, занимая всю территорию борьбы, и заканчивается в Букаву на севере, нисходя до холмов тропической сельвы. Ширина горной системы варьируется, но мы можем оценить эту зону в среднем шириной в 20 или 30 километров; имеются два наиболее высоких хребта, крутых и лесистых, - один на юге, а второй на западе, - со вписанным между ними волнообразным плато, пригодным для сельского хозяйства и животноводства – этим занимаются преимущественно пастухи из руандийских племён, традиционно промысляющие разведением крупного рогатого скота. На западе горный пик спускается к большой равнине, расположенной на высоте около 700 метров над уровнем моря, которая принадлежит бассейну реки Конго. Это что-то вроде саванны, с тропическими деревьями,

пастбищами и естественными лугами, которые прерывают хребты; такое же положение наблюдается и вблизи гор, однако, углубляясь в западном направлении, мы увидим, что область Кабамбаре имеет уже полностью тропические характеристики, здесь густые заросли.

Горы поднимаются прямо от озера и создают пересечённые условия на всей территории военных действий; небольшие равнины благоприятствуют десантным высадкам и последующему пребыванию войск вторжения, но делают очень трудным защиту в случае, если не заняты прилегающие высоты. Наземные маршруты кончаются на юге в Кабимбе, где располагалась одна из наших позиций, на западе горы ограничивают маршрут трассой из Альбервиля в Люлимбу-Физь, а из этого последнего пункта выходят дороги в направлении Букаву, одно ответвление которой ведёт в Муенга, а другое проходит по берегу через Бараку и Увиру. Из Люлимбы дорога поднимается в горы, что очень удобно для засадного типа войны, хотя в меньшей степени часть её пересекает равнину, относящуюся к бассейну реки Конго.

Дожди очень частые, ежедневные в период с октября по май, но практически отсутствуют между июнем и сентябрём, хотя в этот последний месяц уже выпадают кратковременные осадки. В горах дождь идёт всегда, но с небольшой частотой в сухие месяцы. На равнине процветает охота на многочисленных животных, типа оленей, в горах можно охотиться на буйволов, но не очень многочисленных, а так же слонов и обезьян; последние распространены в огромном количестве. Обезьянье мясо съедобное, более-менее вкусное; у слона мясо резиновое, жёсткое, но измученный голодом съест его с аппетитом. Основными продуктами являются маниок и кукуруза, составляющие базовые элементы ежедневного питания, а так же извлекаемое из пальм масло. Имеется множество домашних коз и птицы; кое-где разводят свиней. С некоторыми трудностями, партизанские войска, не имеющие оперативной базы, могут найти пропитание в регионе действий.

К северу от Бараки-Физи произрастает большое разнообразие культур, а немного к северу от Увиры расположен сахарный завод. В регионе Кабамбаре-Касенго культивируется рис и арахис, ранее так же выращивался хлопок, но в настоящее время он практически ликвидирован как культура; не имею представления, каким было использование этого растения в сельскохозяйственной сфере, но оно приносило выгоду капиталистам, обрабатывавшим хлопок на современных станках, установленных в стратегических центрах страны иностранными компаниями.

Озеро богато рыбой, но в последнее время лов практически не процветает из-за ежедневных полётов военной авиации и курсирующих по ночам судов диктатуры.

Для проведения анализа мы можем разделить человеческие ресурсы, находившиеся на стороне революционных сил, на три группы: крестьяне, руководители и солдаты.

Крестьяне объединены в различные племена, которых огромное множество в этой зоне. Если взглянуть на доклад, в котором вражеская армия излагала свой план генерального наступления, можно заметить что, в каждом случае, определяется племя, к которому принадлежать люди региона, что является важным фактором для политической работы. Отношения между племенами, как правило, дружелюбные, но никакого абсолютного братства быть не может, а между некоторыми племенными группами существует серьёзное соперничество. Между руандийцами и остальными конголезскими племенами этот феномен можно хорошо заметить, но так же можно увидеть чёткие признаки такого соперничества между племенами, принадлежащими к этнической группе Нор-Катанга, которые занимали южную часть нашей партизанской территории, и племенами, принадлежащими к этнической группе провинции Киву, которые занимали северную часть; наиболее заметными представителями этих групп были Кабила с одной стороны и Сумиало с другой.

Крестьянство предстало перед нами как одна из наиболее трудных и увлекательных проблем народной войны. Во всех освободительных войнах этого типа можно узреть, в виде основной её особенности, земельный голод, грандиозную нищету крестьян, эксплуатируемых латифундистами, помещиками и феодалами, и, в некоторых случаях, капиталистическими компаниями; в Конго ничего этого не происходило, по крайней мере, на нашей территории, а возможно и на всей территории страны; страна имеет лишь 14 миллионов жителей, разбросанных на территории в 2 миллиона квадратных километров, то есть, здесь минимальная плотность населения и очень плодородные обширные земли. На восточном фронте не было земельного голода, не было индивидуальных земельных наделов, а в тех местах, где культивировались овощи и фрукты, простая договорённость гарантировала, что продукт будет принадлежать производителю. Не практиковалась защита имущества от злоумышленников; только овощи брались под охрану, дабы

защищать их от вредоносных нападков коз и прочей живности. Понятие собственности на землю во всех регионах, которые мы посещали, практически отсутствует, а безграничные просторы, охватывающие бассейн реки Конго, предлагают возможность всем, кто хочет работать, присваивать землю и производимые ею продукты безо всяких условий. Я знаю, что в северной части, в зоне Букаву, феодализм более развит и там имеются настоящие сеньоры землевладельцы со своими рабами, но в горной части, где мы проживали, независимость крестьян была полной, и ничего подобного не происходило.

Как можно квалифицировать степень развития этих племён? Необходимо было бы сделать более глубокое изучение, чем то, которое мы имели возможность провести, со множеством более детальных сведений, разделив их на субрегионы, поскольку очевидно, что исторические, социальные и природные условия каждого региона наложили свой отпечаток на развитие этих племён. В кочевых племенах, как мне кажется, заметны черты примитивного коммунизма; в то же время присутствуют следы рабства, особенно проявляющиеся в отношении к женщине, хотя мы не видели того же самого по отношению к мужчине. Женщина является товаром, предметом купли-продажи, и количество этого товара в индивидуальной собственности в данном регионе не ограничено никакими законами или соглашениями; экономический потенциал каждого мужчины определяется количеством женщин, которых он способен содержать. После покупки женщина переходит в абсолютную собственность своего хозяина, мужа, который, как правило, в домашнем и сельском хозяйстве не работает, или работает очень немного, исполняя такие задачи, как охота, в которой, однако, его так же сопровождает женщина, активно участвующая в процессе поимки зверя. Женщина отвечает за работу на земле, за перевозку фруктов и овощей, приготовление еды, воспитание детей; она является настоящим домашним животным. Феодализм, как я уже сказал, наблюдается в северных регионах сектора, а не здесь, где нет собственности на землю. Деятельность капитализма поверхностна, без доминирования над всей панорамой, и осуществляется посредством мелких коммерсантов, работающих на периферии и с помощью введения того, что мы называем, вслед за американцами, демонстрационным эффектом, с заменой некоторых предметов, используемых крестьянами; например, алюминиевая кастрюля заменяет глиняную, копьё, сделанное промышленным путём заменяет копьё, сделанное вручную дома или в местной мастерской, некоторые ткани и современные платья так же используются крестьянами и можно увидеть радио даже в очень небогатых домах. Обмен на продукты сельского хозяйства или охоты позволяет крестьянам приобретать промышленные товары.

Раньше, через посредников, они трудились в качестве рабочих на добыче золота в реках, спускающихся с гор к бассейну реки Конго. Ещё можно видеть траншеи, выкопанные для этих целей, но потом все работы были заброшены. Некоторые растительные культуры, такие как хлопок, принимаются в капиталистическое обращение посредством его трепания и прессования с помощью современных станков. Здесь нет текстильных предприятий, которые встречаются в Альбервиле; нет промышленных рабочих (за исключением сахарного завода, о состоянии которого я ничего не знаю), и не видно никаких признаков наёмного труда; крестьянин отдаёт свой труд армии, а всё остальное время посвящает охоте, рыболовству и сельскому хозяйству; остатки продуктов от этой деятельности продаются за деньги. Конголезские деньги действительно являются мерой стоимости, но они не проникают вглубь производственных отношений.

Империализм лишь периодически подаёт признаки жизни в этом регионе; его интересы в Конго базируются главным образом на огромных стратегических запасах минералов Катанги, где существует промышленный пролетариат, на запасах алмазов в той же Катанге и Касаи, и на оловянных месторождениях, расположенных недалеко от нашего региона, но не конкретно в нём. Некоторый интерес представляют агрокультуры, хлопок, арахис и до определённой степени пальма, из которой добывается масло, но и здесь сбор и обмен носит примитивный характер.

Что может предложить Освободительная Армия крестьянству? Это вопрос, который волновал нас всегда. Мы не можем говорить здесь об аграрной реформе, о собственности на землю, потому что там она принадлежит всем; мы не можем говорить о кредитах и ссудах для приобретения сельскохозяйственных орудий, потому что крестьяне сыты тем, что выращивают и добывают со своими примитивными инструментами, а физические условия региона не способствуют чему-то большему; необходимо было искать методы убеждения в необходимости приобрести продукты крупной промышленности, которые, очевидно, крестьяне были готовы принять и оплачивать, но это привело бы к необходимости упорядочивания товарного обмена; но, в тех условиях, в которых развивается борьба, мы даже не могли думать об этом.

Мы должны были разъяснять людям проблему эксплуатации, жертвами которой стали они сами, но каким же был внешний вид этой эксплуатации здесь? Очевидным являлось ужасное обращение

правительственных солдат с населением; можно указать, что в оккупированных вражеской армией зонах множились изнасилования, убийства мужчин, женщин и детей, людей силой заставляли приносить еду и оказывать другие услуги. Фундаментальным аспектом этой эксплуатации было отрицание самой человеческой личности, вплоть до её физического уничтожения, поскольку эта армия, как и любой современный организм, имела свою организованную логистику, предвидя недостаток снабжения или враждебность населения.

С другой стороны, что было предложено? Защиту, как мы видели на всём протяжении этой истории, революционные силы предоставляли очень ограниченно. Обучения, которое является великим двигателем объединения общества, вообще не было предложено. Медицинские услуги оказывали лишь единичные кубинцы, страдавшие от отсутствия медикаментов, и достаточно примитивная административная система, не обладавшая стабильной медицинской организацией. Полагаю, что требует гораздо более глубокого осмысления и исследования эта проблема революционной тактики, предлагавшая введение несуществующих производственных отношений, которые вызвали бы у крестьян земельный голод. Крестьянство является главной общественной стратой этой зоны; здесь нет промышленного пролетариата, а мелкая буржуазия и средние классы развиты очень слабо.

Какие лидеры руководят Революцией? Мы можем разделить их, для лучшего описания, на руководителей национального и местного уровней. Командующими национального уровня, с которыми мне довелось познакомиться, являлись, в первую очередь, Кабила и Масенго. Кабила без сомнения единственный из них, кто обладает ясным сознанием, способный к логическому размышлению, обладающий характером руководителя; одним своим присутствием он способен принудить к верности или, по крайней мере, к подчинению, умеет напрямую общаться с населением (что происходит, однако, очень редко), короче, это лидер, способный мобилизовать массы. Масенго это очень слабохарактерный индивидум, не знакомый с искусством войны, не обладающий организационными навыками, который сломался под натиском бед. Главная его отличительная особенность – экстраординарная лояльность Кабиле. Кроме того, он демонстрировал желание продолжать борьбу за пределами вероятных сценариев её развития, даже вопреки мнению подавляющего большинства своих сторонников. Было бы несправедливым требовать от него большего; он сделал всё, что было в его силах.

Среди всех руководителей различных секций Генерального Штаба и так называемых бригадных командиров я не могу выделить никого больше, кто бы мог претендовать на роль национального лидера. Единственным, кто имел потенциал будущего развития, являлся товарищ Муюмба, который всё ещё находится в Конго, но мы не знаем, где и как. Это молодой человек, по-видимому, интеллигент, решительный, по крайней мере до того момента, пока он оставался в нашем поле зрения, но больше о нём я ничего не могу сказать.

Из национальных лидеров Конго неизвестной величиной является генерал Мулеле, фактически фантом; он не появлялся на собраниях и не выезжал за пределы своего региона после начала восстания. Много признаков указывают на то, что это незаурядный человек, но его представители, или те, кто претендовал на роль его представителей, демонстрировали все негативные характеристики, присущие своим коллегам, - членам комиссий и различных секторов Освободительного Движения, бродящим по миру, проворачивая аферы под флагом Революции.

Среди людей, которые добились некоторого престижа в эти времена, был генерал Оленга, чья история была передана устами Киве, и в этих повествованиях демонстрируется, независимо от того, правдивы они или нет, его неспособность на жертвование чем-либо, в результате чего он в течение месяцев, превратившихся затем в года, жил в качестве ссыльного генерала, став своеобразным мифологическим персонажем Революции. Другие делали то же самое, являясь политическими руководителями, но Оленга был генералом, руководящим своими операциями в Конго с помощью телепатии из Каира или какой другой африканской столицы.

Другим является Сумиало, который, считаю, очень полезен в качестве среднего руководителя Революции. Хорошо сориентированный и контролируемый, он мог бы приносить некоторую пользу, будучи президентом Верховного Революционного Совета; его главные функции заключаются в том, чтобы путешествовать, хорошо жить, давать сенсационные пресс-конференции и ничего более. Его борьба с Кабилой, в ходе которой обеими сторонами использовалось множество трюков и уловок, так же способствовала более скорому крушению восстания.

О Гбенге вообще не стоит говорить; это просто агент контрреволюции.

Вполне возможно, что имеются какие-нибудь молодые люди, обладающие лидерскими качествами и истинным революционным духом, однако я их не знаю, а они до настоящего момента никак себя не проявили. Руководители местного уровня делятся на две категории; командующих военными группировками и крестьянских вожakov. Военные руководители назначаются посредством самых произвольных методов, не имеют никакой подготовки, ни теоретической, ни интеллектуальной, ни военной, ни организационной. Их единственная заслуга в том, что они оказывают влияния на племена региона, в котором сами же и обитают, однако их легко можно удалить лёгким движением руки без каких-либо потерь для Революции.

Местные крестьянские вожаки представляют собой «капитас» (руководителей мелких деревень) и президентов; и те и другие были назначены на свои посты старой администрацией Лумумбы или её правопреемниками, стремящимися таким образом посеять ростки гражданской власти нового типа; однако, столкнувшись с реальностью племенного уклада жизни, они избрали лёгкий путь, назначая «капитас» и президентов из среды традиционных племенных вождей. Они не более, чем переодетые касики, среди которых есть плохие и хорошие люди, более или менее прогрессивные, более или менее проникнутые духом Революции, но они ещё не достигли даже среднего уровня политического развития. Они контролируют группы крестьян и несут ответственность за предоставление пропитания армии в походе, за предоставление переносчиков тяжелых грузов, занимаются снабжением некоторых вооружённых групп, остановившихся неподалёку, помогают в строительстве жилья и т.д. Они очень полезные посредники для решений проблем подобного рода, но они не осуществляют ни грамма политической работы.

Войска имеют своих политических комиссаров; титул, скопированный с социалистических версий освободительных или народных армий. Каждый, кто читал рассказы о работе политических комиссаров в любых освободительных войнах, знает из этих повествований о героизме и духе самопожертвования этих товарищей, чего мы так и не смогли увидеть в Конго. Политический комиссар избирается среди лиц, имеющих какое-нибудь образование, - почти всегда они владеют французским, - происходящих из мелкобуржуазных городских слоёв. Их деятельность напоминает периодически включающийся громкоговоритель; в определённый момент солдаты собираются вместе и комиссар ответственен за то, чтобы «прокачать» их по поводу конкретных проблем; затем, после официальной части, он свободен в средствах для продолжения устных ориентаций. Ни комиссары, ни руководители, за редким исключением, не принимали непосредственного участия в боевых действиях; заботясь о своих шкурах, они имели лучшую еду и одежду, чем остальные солдаты, и часто уходили в отпуска и отгулы, напиваясь в близлежащих деревнях губительным самогоном «помбе». Политический комиссар, в тех условиях, в которых функционирует этот институт в Конго, является настоящим пройдохой от Революции, и он так же может быть удалён безо всяких пагубных последствий, но правильнее было бы развивать сознание подлинных революционеров для занятия этих должностей, важнейших для народной армии.

Солдаты набраны из крестьян, - безо всякого отбора, - охваченных желанием иметь форму, оружие, иногда даже обувь, и некоторый авторитет в регионе, они развращены бездействием и привычкой командовать и повелевать крестьянами, преисполнены фетишистских концепций о смерти и противнике, не имеют никакого политического образования. Таким образом, они не имеют ни революционного самосознания, ни перспектив на будущее, ни кругозора, выходящего за пределы традиционного порядка и территорий проживания собственного племени. Недисциплинированные, не желающие работать, не имеющие боевого духа и духа самопожертвования, не верящие своим же собственным командирам (которые для них становятся примером обладания женщинами, самогоном, лучшей едой и, наконец, некоторыми маленькими привилегиями), не осуществляющие никаких акций, способствующих саморазвитию, - если только не считать такими акциями бессмысленные убийства людей, - не обучающиеся ничему; за всё время нашего пребывания в Конго, бойцы не осуществляли никаких занятий, за исключением построения. С учётом всех этих характеристик, революционный конголезский солдат является наихудшим примером бойца, с которым я до сих пор имел возможность встретиться.

Даже обладая полной поддержкой командиров, сформировать из подобного индивидуума революционного солдата являлось сложнейшей задачей; учитывая никчёмность высшего командования и противодействие местных «генералов», эта деятельность превратилась в наиболее неблагоприятное из всех наших затей, и все наши усилия с треском провалились.

Среди политических комиссаров и некоторых инструкторов по обращению с оружием было множество курсантов, приехавших из социалистических стран, где они проходили шестимесячный

курс обучения. Наиболее многочисленны были студенты из Болгарии, Советского Союза и Китая. На этих бойцов так же было нельзя положиться; предварительный отбор для поездки за границу был сделан очень плохо, и лишь случайно среди них можно было обнаружить подлинных революционеров или, по крайней мере, людей, испытанных в борьбе. Преисполненные самонадеянности, они проповедовали очень развитую концепцию, гласившую, что весь персонал революционного войска должен заботиться о «кадрах» (то есть, о них самих), и идею, ясно выражавшуюся в их действиях и поступках, того, что Революция им крайне обязана лишь потому, что они соизволили обучаться за рубежом некоторое время, и теперь, когда они, благородно жертвуя собой, прибыли сюда, Революция должна им отплатить. Они практически не участвовали в боевых действиях; они могли быть инструкторами, - для чего не были достаточно квалифицированы, за исключением единиц, - или же могли создавать параллельные политические организации, называвшие себя марксистско-ленинскими, но на деле ведущие к углублению расколов и конфликтов. Считаю, что большая часть этих неприятностей проистекает из-за отсутствия предварительной селекции, поскольку хорошее образование чрезвычайно развивает индивидуума с проснувшимся сознанием. Но у этих революционеров, одомашненных и привыкших к удобствам, единственным, что развивалось в течение шестимесячного пребывания в социалистических странах, были амбиции, желание достичь высоких постов, опираясь на свои колоссальные знания. А на фронте получала развитие тоска по старым добрым временам, проведённым за границей.

Возникает вопрос, что осталось после нашего поражения? С военной точки зрения, ситуация не так страшна; пали в руки неприятеля некоторые небольшие селения, являвшиеся базами нашей армии, однако вокруг них продолжают действовать незатронутые войска, с меньшим количеством оружия, с меньшим количеством боеприпасов, но, в целом, невредимые. Вражеские солдаты не оккупировали ничего больше, кроме территорий, по которым они наступали; это правда. Но, с политической точки зрения, в Конго остались лишь группы вооружённых людей, разрозненные, подверженные непрерывному процессу разложения, из которых необходимо сформировать ядро или нечто такое, что позволит в будущем выстроить партизанскую армию. В настоящее время наши силы остались в зоне Физь-Барака, без постоянного контроля над территорией; в Увире, где они контролируют трассу, идущую из Бараки в Букаву, - отличный участок, - и до сего момента остаются более менее организованными; в Мукунди, где находится товарищ Муюмба и то, что может стать зародышем организации с политическими целями борьбы. В Кабимбе так же остались достаточно хорошо оснащённые войска, а в горах Кабамбаре и Касенго должны оставаться вооружённые группы, хотя мы не имели контакта с ними в течение долгого времени.

Важно отметить, что все эти группы имеют мало общего друг с другом, практически не подчиняются приказам верховного командования, и их кругозор не выходит за пределы района, в котором они обосновались. Таким образом, речь не идёт об эмбрионах новой армии, но только об остатках старой. В нашей зоне имеется около четырёх-пяти тысяч единиц огнестрельного оружия, розданного безо всякого порядка в руки крестьян, которое не может быть легко собрано, а так же спасено некоторое количество тяжёлых орудий, точное количество которого я не могу указать. Если бы только в одном пункте появился только один руководитель с необходимыми революции характеристиками, в скором времени восточный фронт сумел бы занять те же территории, что были потеряны в результате поражения. В последнее время такой человек появился в лице конкурента Сумиало и Кабилы министра иностранных дел Верховного Революционного Совета Мбагиры, находящегося в Увире, но мы не можем сказать о нём ничего конкретного; только будущие события определят, действительно ли это способный командующий, в котором так нуждается Конго.

Каковы особенности врага? Прежде, в виде объяснения, надо сказать, что старая конголезская армия, оставшаяся в наследство от эпохи бельгийского колониализма, изначально была лишена руководящих кадров, боевого духа и образования, и поэтому неудивительно, что она была сметена революционной волной; её деморализация достигла такой степени, что города сдавались без боя (кажется абсолютно правдивым тот факт, что повстанцы-симба объявляли по телефону о своём намерении войти в город, после чего правительственные войска отступали). Перейдя в руки североамериканских и бельгийских инструкторов, она приобрела характеристики регулярной армии, способной сражаться без внешней помощи, хотя на последних этапах борьбы она была усилена белыми наёмниками. Армия в целом неплохо обучена, имеет подготовленные и дисциплинированные кадры. Белые наёмники сражаются толково, - по крайней мере, до сих пор они не были биты, - и чёрные сражаются вместе с ними. Вооружение армии, на данный момент, не представляет собой ничего особенного; оружием, которое показывало наиболее эффективный результат, являются торпедные катера, препятствовавшие передвижению по озеру; авиация, о

которой я упоминал неоднократно, является устаревшей и не очень эффективной, а вооружение пехоты только в последние месяцы начало обновляться.

В целом, Освободительная Армия оперировала гораздо лучшим огнестрельным оружием, нежели армия Чомбе. Это невообразимо, но это правда; это была одна из причин, почему патриоты не заботились о том, чтобы забирать ружья убитых врагов, они относились с абсолютным безразличием к такому методу самообеспечения.

Тактика противника была обычной для подобного типа войны; авиационное прикрытие атак колонн на города и селения, патрулирование трасс с помощью самолётов, и, в последний момент, когда стала очевидной деморализация нашей армии, прямые атаки на горные бастионы посредством колонн, наступавших на наши позиции и захватывавших их, правда, - и это факт, - без борьбы. Армии такого рода для снижения боевого духа необходимо быть битой, и, благодаря географическим условиям, это можно легко сделать, вооружившись правильной тактикой.

Теперь нужно сделать анализ нашей группы. Подавляющее большинство бойцов были неграми. Это могло бы вызвать симпатию у конголезцев и служить задачам единства, но этого не произошло; не могу сказать, что чёрный или белый цвет кожи оказывал большое влияние на наши отношения; конголезцы умели различать личные характеристики каждого из нас, и только в моём случае, я подозреваю, иногда моё белое лицо оказывало какое-то влияние. Правда в том, что наши собственные товарищи находились на очень низком культурном уровне и имели относительно слабое политическое развитие. Они приехали, как всегда бывает в таких случаях, преисполненные оптимизма и искреннего стремления сражаться, надеясь пройти триумфальным шагом по Конго. Были такие, которые, прежде чем начать борьбу, объединились, заявляя, что Тату очень далёк от реалий войны, что он из чувства такта, оценив соотношение сил, не позволит им сделать всё основательно; что они придут в Конго в одном месте, а уедут из другого. Страна будет освобождена, мы сможем вернуться в Гавану.

Я всегда предупреждал, что война продлится три или четыре года, но никто этому не верил; все предавались мечтам о триумфальном походе, прощаниях с торжественными речами и великими почестями, наградах и о Гаване. Реальность их отрезвила; отсутствовала еда, много дней они не ели ничего, кроме маниока без соли, или «букали»; не было медикаментов, иногда одежды и обуви, а то, о чём я мечтал, - о единении наших опытных парней, обладающих воинской дисциплиной, с конголезцами, - так никогда и не удалось достичь.

Никогда не удалось добиться необходимой интеграции, и это нельзя объяснить различиями в цвете кожи; наших негров нельзя было отличить от конголезских товарищей, и, тем не менее, однажды я услышал, как один из них, говоря о конголезцах, просил: «Пришли-ка мне двух из этих чёрных сюда».

Мы были иностранцами, были высшими людьми, и достаточно часто заставляли конголезцев ощущать это. Конголезец, до крайности чувствительный из-за унижений, перенесённых от рук колонизаторов, замечал презрительные жесты в общении с кубинцами и глубоко оскорблялся. Так же не удалось добиться того, чтобы еда распределялась с абсолютной справедливостью, и, хотя необходимо признать, что большую часть времени мы, кубинцы, несли на своих плечах все тяжести военных грузов, как только возникала возможность перебросить пожитки на какого-нибудь конголезца, это делалось безо всяких раздумий и сантиментов. Сложно объяснить это противоречие, поскольку речь идёт о субъективных интерпретациях и тонкостях, но был один простой факт, проливающий свет на эту ситуацию: я не мог добиться, чтобы конголезцев называли «конголезцами»; они в устах кубинцев всегда были просто «конгос» - прозвище, которое кажется более простым и интимным, но в то же время содержит немалую дозу язвительности. Другим барьером был язык; для такой группы как наша, погруженной в конголезскую массу, трудно было работать без знания языка этой массы. Некоторые из тех, кто с самых первых моментов проживал вместе с конголезцами, очень быстро научились говорить и в темпе освоили базовый суахили, - то есть, половину языка, - но таких было мало, и постоянно возникала опасность неправильного толкования, которое могло испортить наши отношения или ввести нас в заблуждение.

Я пытался описать процесс разложения нашего войска в том виде, в котором это и произошло; процесс был медленным, но постоянно прогрессирующим; постепенно накапливалась негативная энергия, готовая прорваться наружу в моменты тяжёлых поражений. Такими кульминационными моментами были: поражение на Фронте Форс; последующее дезертирство конголезцев во время засад в Катенге, где оставалось множество наших больных; моя личная катастрофа во время переноса раненого Бахазы, что происходило при очень небольшом

сотрудничестве конголезцев; окончательное бегство наших союзников. Каждый из этих моментов сигнализировал об увеличении деморализации и нежелании наших войск продолжать борьбу.

В конце концов, наши бойцы заразились духом озера; они стремились на родину, мечтая о возвращении, и, в общем, демонстрировали нежелание жертвовать своими жизнями во имя спасения или развития Революции. Все хотели добраться до другого берега, спасительного берега. Дисциплина деградировала до такой степени, что происходили поистине гротескные эпизоды, достойные самого сурового наказания в отношении виновных.

Если бы мы сделали то, что именуется беспристрастным анализом, мы бы обнаружили, что оснований для деморализации кубинского войска было более чем предостаточно, но в то же время было множество товарищей, которые сохранили если не боевой дух, то дисциплину и ответственность до конца; если я и делаю упор на наших слабостях, то лишь потому, что считаю, что наиболее важным из нашего конголезского опыта является анализ краха. Это произошло под воздействием серии неблагоприятных событий. Проблема в том, что трудности, с которыми мы должны были столкнуться, будут неизбежно возникать на начальных этапах борьбы в Африке, поскольку они характерны для стран с очень низкой степенью общественного и политического развития. Один из наших товарищей беззаботным тоном как-то сказал, что в Конго созданы все «антиусловия» для Революции; в этой шутиливой фразе есть доля правды, если смотреть на проблему с позиции зрелой революции, однако глина, в которую мастер должен вдохнуть революционный дух, имеет базовые характеристики, очень схожие с теми, что имели крестьяне Сьерра-Маэстры на первых этапах нашей Революции.

Нам важно установить, какие условия, каких качеств мы должны требовать от бойца для того, чтобы он сумел справиться с душевными травмами, нанесёнными суровой и неблагоприятной реальностью, с которой ему придётся столкнуться. Думаю, что предварительно кандидаты должны пройти строгий отбор, или скорее, процесс предварительного разочарования. Как я уже сказал, никто не верил в предупреждения, что для триумфа Революции потребуется от трёх до пяти лет; когда реальность доказала это, произошёл серьёзный внутренний провал, крах мечты. Революционные солдаты, которые будут переживать подобный опыт, должны начинать борьбу безо всяких фантазий, оставив всё, что являлось их жизнью и желаниями позади, как уже заведомо потерянные вещи, и приступать к делу с революционной решимостью, намного превосходящей норму, вооружённые практическим опытом, накопленным в борьбе, высоким политическим уровнем развития и твёрдой дисциплиной. Процесс инкорпорации должен двигаться постепенно, начиная с маленькой, но стальной группы, дабы можно было осуществлять непосредственный выбор новых бойцов, отсекая всех тех, кто не соответствует требуемым качествам. В такой форме можно увеличивать кадровый состав, не ослабляя основного ядра, и, в том числе, формировать свои новые кадры уже в самой повстанческой зоне принимающей стороны; мы не просто учителя, мы содействуем строительству новых революционных школ.

Другая трудность, с которой мы столкнулись, и которой должно уделяться особое внимание в будущем, касается базы поддержки. Достаточно большие суммы денег бесследно исчезали в глубоких карманах, а количество продуктов питания и военных материалов, пребывающих в экспедиционном корпусе, было бесконечно малым. Первое условие; командование должно обладать бесспорным и абсолютным авторитетом в оперативной зоне, строго контролировать базу поддержки, не обращая внимания на естественный контроль, осуществляемый высшими центрами Революции, а выбор кадров для исполнения этих задач должен быть осуществлён задолго до этого. Необходимо понимать, что обозначает одна пачка сигарет для человека, который находится в засаде, не делая абсолютно ничего, в течение 24 часов, и нужно понимать, насколько дёшево стоят сто пачек сигарет в день, по сравнению с ценой вещей, забытых или потерянных в ходе неудачной акции.

Более серьёзного и детального обзора требует моё личное участие в кампании. Углубившись насколько возможно в своём самокритичной анализе, я пришёл к следующим выводам; с точки зрения отношений с высшим руководством Революции, я был связан с ним в несколько ненормальной форме, с самого моего въезда в Конго, и не был способен исправить этот недостаток. Мои отношения с людьми отличались непоследовательностью; долгое время я придерживался позиции, которую можно было бы квалифицировать как слишком снисходительную, но иногда я позволял себе очень резкие и ранящие выпады, вероятно, из-за врождённых особенностей моего характера; единственным сектором, в котором я вёл себя корректно и не испытывал затруднений, было отношение с крестьянством, поскольку я больше привык к политическому языку, к прямым объяснениям, воздействию личным примером, и думаю, что добился некоторых успехов в этой области. Я так и не выучил суахили, чтобы говорить на нём

с достаточной скоростью и понимать его в достаточной мере; этот дефект был, в первую очередь, обусловлен моим знанием французского, который позволял мне общаться с руководителями, но вместе с тем я отрывался от низов. Мне не хватило воли, чтобы осуществить необходимые усилия.

Что касается отношений с моими людьми, надеюсь, что я вёл себя достаточно самоотрёченно, дабы никто не мог обвинить меня ни в личностных, ни в физических недочётах, однако две мои главные слабости в Конго были полностью удовлетворены; и табака и литературы было в избытке. Неудобства, связанные с разорванной обувью или грязной одеждой, или же с тем, что я вынужден был кушать то же самое, что и бойцы и жить в тех же условиях, что и они, я вообще не рассматриваю в контексте аспекта самопожертвования. Но прежде всего, тот факт, что я уходил в чтение, скрываясь от ежедневных проблем, отдалял меня от контактов с товарищами, не говоря уже о других чертах моего характера, которые не способствуют сближению или тесному общению с людьми. Я был твёрд, но не думаю, что чрезмерно жесток или несправедлив; я использовал методы, которые не практикуются в регулярной армии, такие как оставление без еды; это единственный известный мне способ эффективного воздействия в условиях партизанской войны. Первоначально я хотел применять моральное принуждение, но потерпел фиаско. Я пытался привить своим войскам ту же точку зрения, которой придерживался и сам, и так же потерпел фиаско; я был не готов смотреть с оптимизмом в будущее, которое скрывалось за густым серым туманом, окутавшим настоящее.

У меня не хватило духа призвать своих людей к максимальному самопожертвованию в решительный момент. Это был внутренний, психологический барьер. Для меня было бы очень легко остаться в Конго; с точки зрения самолюбия бойца – это было то, что необходимо было сделать; с точки зрения моей будущей деятельности, даже если бы всё пошло наперекосяк, - в тот момент мне было безразлично. Когда я взвешивал своё решение, против меня играло осознание того, насколько лёгким было пойти на личное решительное самопожертвование. Думаю, что я должен был сбросить балласт этого самокритического анализа, и навязать хотя бы части бойцов решение остаться для этого последнего сражения; может быть, таких было мало, но мы должны были остаться. Кроме того, у меня не хватало смелости или дальновидности для того, чтобы перерезать пуповину, связывающую кубинцев с побережьем озера, переместив их туда, где не ощущалось бы искушение озера с его возможностями бегства перед лицом любого поражения.

Наконец, на мои отношения с войсками в последние дни, - что я хорошо чувствовал, даже будучи предельно объективным, - накладывало отпечаток прощальное письмо Фиделю. Это привело к тому, что товарищи стали воспринимать меня, - как уже случалось много лет назад, когда я только появился в Сьерра-Маэстре, - как иностранца, водящего дружбу с кубинцами; в тот момент это было связано с моим приездом на остров, а теперь – с моим прощанием с Кубой. Мы уже не имели общих точек соприкосновения, общих чаяний, от которых я, явно или незримо отказался, и которые являются самыми священными для каждого отдельного человека: семья, родина, среда обитания. Письмо, которое вызвало столько положительных комментариев на Кубе, за пределами острова разделило меня с бойцами-кубинцами.

Иной раз могут показаться необычными эти психологические соображения при анализе борьбы, имеющей почти континентальный масштаб. Я остаюсь верным своей концепции ядра; я был руководителем группы кубинцев, не более чем отряда; и моя задача заключалась в том, чтобы быть настоящим руководителем, ведущим людей к победе, которая могла стимулировать развитие подлинной народной армии, но специфическая ситуация в то же время превратила меня в солдата, представителя иностранного правительства, инструктора кубинцев и конголезцев, стратега, политика высшего уровня, ориентирующегося в незнакомой обстановке, и в Катона-Цензора, настойчивого и занудного в общении с руководителями Революции. Хватаясь за столько нитей, я запутался в гордиевом узле, который не решался разрубить. Если бы я был только солдатом, я мог бы оказывать большее влияние на остальные аспекты моих сложных отношений. Я рассказывал, как дошёл до того, что в моменты катастрофических бедствий озабочился о защите руководителя (себя любимого), и как я не смог избавиться от субъективных соображений в момент отступления.

Я был научен опытом Конго; были допущены ошибки, которые я больше не повторю, есть те, которые обязательно повторятся, и безусловно будут какие-то новые промахи. Я уехал из Конго, преисполненный, как никогда, верой в метод партизанской борьбы, но тем не менее, мы проиграли. Моя личная ответственность велика; я не забуду ни поражения, ни того, чему оно меня научило.

Что ждёт Конго в будущем? Понятно, что победа, но она очень далека. Освободительная война против колониальных держав нового типа должна столкнуться с огромными трудностями в Африке. Фактически, нет ни одного примера, который продемонстрировал бы различные фазы этой борьбы на пути к победе; так называемая Португальская Гвинея является незаконченным свидетельством народной войны, хорошо организованной, но ведущейся против старого колониализма. Алжир не может рассматриваться как полезный пример для наших целей, поскольку Франция сумела достичь неоколониальных форм, которые могут быть названы типичными в рамках её колониального гнёта.

Конго является ареной самой жестокой и яростной борьбы за освобождение, поэтому изучение данного опыта может дать нам полезные мысли на будущее.

В отличие от Латинской Америки, где процесс неокolonизации произошёл на фоне ожесточённых классовых столкновений, а местная буржуазия, перед своей окончательной капитуляцией, принимала активное участие в антиимпериалистической борьбе, Африка представляет собой континент, идущий по пути, указанному империализмом; очень мало стран, которые обрели независимость посредством вооружённой борьбы, освобождение большинства из них прошло в целом гладко, словно сработал хорошо смазанный механизм.

Фактически только южный конус Африки остаётся по-прежнему официально колонизированным, а вопль протеста против сложившейся ситуации, вызывает быструю деградацию системы угнетения, по крайней мере, в португальских колониях. В Южноафриканском Союзе проблемы иные. В африканской освободительной борьбе продвинутые этапы этого процесса будут похожи на современные модели народной борьбы. Проблема в том, каким образом достигнуть этого, и именно здесь возникают вопросы, на которые я не в состоянии дать ответ; я мог бы высказать лишь несколько мнений, являющихся продуктом моих слабостей и фрагментарного опыта. Если освободительная борьба может быть успешной в нынешних условиях Африки, является необходимым обновить некоторые схемы марксистского анализа.

Что является основным противоречием эпохи? Если бы оно заключалось в противостоянии социалистических и империалистических стран, или в противостоянии между империалистическими державами и их рабочим классом, роль так называемого третьего мира была бы очень ограниченной. Однако, есть более серьёзные основания полагать, что главным противоречием нашего времени является противостояние наций-эксплуататоров и эксплуатируемых народов. Я нахожусь не в тех условиях, чтобы попытаться проиллюстрировать этот факт, а так же то, что он не противоречит характеристике эпохи, как эпохи движения к социализму. Это заставило бы нас двинуться по второстепенным дорогам и потребовало бы обширных данных и аргументов. Я оставляю это утверждение в форме предположения, доказанного практикой.

Если это так, то Африка будет занимать ключевое место в этом главном противоречии. Однако, учитывать в целом третий мир в виде одного актёра мирового спектакля неверно, поскольку в данный исторический момент существуют градации между странами и континентами. Сделав поверхностный анализ, мы можем сказать, что Латинская Америка в общем достигла той точки, в которой классовая борьба усиливается, а национальная буржуазия полностью капитулирует перед империалистическими державами, так что в будущем, в краткосрочной исторической перспективе, освободительная борьба здесь увенчается революцией социалистического типа.

В Азии мы наблюдаем тот же процесс, хотя картина намного сложнее: имеются империалистические колонизированные страны, такие как Япония; социалистические страны большого значения, такие как Китай, а так же империалистические марионетки, очень крупные и опасные, обосновывающие свои претензии прошлым историческим престижем, такие как Индия. Тем не менее, в странах, которые мы можем отнести к категории, где велика вероятность начала освободительной войны, национальная буржуазия ещё не исчерпала своей роли противника империализма, хотя быстрый прогресс в этом отношении налицо. Это страны, только что добившиеся свободы, или же те, которые не имеют даже фиктивной свободы, которой Латинская Америка пользуется уже без малого сотню лет, и понадобится время, чтобы неизбежность Революции проявилась в полной красе.

В Африке, и, прежде всего, в Чёрной Африке, называемой так из-за цвета кожи её обитателей, можно обнаружить и отголоски примитивного коммунизма, и, - в некоторых определённых местах, - промышленный пролетариат, и развивающуюся буржуазию. В соответствии с новой схемой действий империализма, не существует никакой оппозиции между национальной буржуазией и

неоколониальными державами. Каждая отдельная страна, сформулировав свой проект освободительной борьбы, должна рассматривать в качестве врагов прежде всего империалистов, слои, на которые империализм опирается (такие, например, как колониальные армии, оставленные в наследство, и, что более опасно, пронизанные колониальным менталитетом офицеров) и всех местных нуворишей, импортёров и промышленников, тесно связанных с монополистическим капиталом.

В этих условиях, классом, который возглавляет борьбу против иностранных держав, является мелкая буржуазия. Но, что представляет собой мелкая буржуазия в африканских странах? Это общественный слой, который, обслуживая империализм или неоколониализм, осознал некоторые ограничения, которые они накладывают на развитие подконтрольных стран или на человеческое достоинство их обитателей. Представители этого класса посылают своих детей учиться в метрополии, - страны с более высоким уровнем образования, дающие больше возможностей для развития, - а так же, на этом новом этапе, в социалистические страны. Очевидно, что как слой, ответственный за руководство народной борьбой, мелкая буржуазия чрезвычайно слаба. Есть ещё крестьяне, разделённые в Конго, как я уже говорил, на бесконечные племенные группы, большие и маленькие, чьи узы тем сильнее, чем меньше территория, которую они занимают; то есть, существуют большие племена, среди которых мне известны Катанга и Киву, принадлежность к которым уже является чем-то вроде «национальности», более компактные территориальные группы и крайне малые группы племён, не выходящие за рамки деревень.

Солидарность между деревнями, принадлежащими к одному племени, очень тесная, солидарность между жителями деревни ещё теснее, но она ограничена рамками, по крайней мере, в нашей зоне, простой натуральной жизни, которую я уже описал. В других регионах крестьяне вынуждены накапливать некоторые продукты, производимые чудесной конголезской природой, для продажи капиталистам – такие как копал, слоновьи бивни, в прошлом орехи пальмового дерева и т.д. И это определяет отношения иного рода, которые я внимательно так и не изучил. С другой стороны, существуют группы развитого пролетариата в местах, где Рудный Союз вынужден перерабатывать часть своего продукта в самом Конго. Поначалу, эти люди привлекались к работам насильно, поскольку их примитивный, натуральный образ жизни не требовал абсолютно никаких перемен в их собственном бытии; теперь, кажется, несмотря на нищенскую зарплату (по европейским меркам) этот пролетариат не является фактором недовольства. Может быть, рабочие тоскуют по своей вольной жизни, но они уже не смогут отказаться от тех маленьких удобств, которые даёт цивилизация. Опять же, я должен принести извинения за свой поверхностный анализ, исходящий из фрагментарного практического опыта и общих, довольно скудных сведений о социальной ситуации в Конго.

В любом случае, какой стратегии следует придерживаться? Очевидно, существуют точки напряжения в городах: высокая инфляция, реколонизация, сопровождающаяся выраженной дискриминацией, но теперь не негров со стороны белых, но бедных негров со стороны богатых негров, и, таким образом, происходит возвращение в деревни большого количества людей, ранее привлечённых огнями больших городов. Эти недовольные могут вызвать ограниченные беспорядки, но единственной силой, способной влиять на ситуацию, является бывшая колониальная армия, распоряжающаяся доходными местечками и постоянно вторгающаяся в дела государства, дабы сохранить или приумножить свои богатства.

Среди крестьянства царит абсолютная нищета; но эта нищета, которая сейчас, в отличие от времён десятилетней давности, не несёт негативного заряда. За исключением зон военных действий, крестьянин не чувствует жизненной необходимости братья за оружие, ввиду объективно упадочных условий жизни. И здесь стоит заметить, что, для реальной оценки объективных условий, гораздо меньше интересен сравнительный уровень жизни народа по отношению к другим народам, нежели сравнительный уровень жизни этого народа по отношению к самому себе. Нищета наших крестьян в Латинской Америке является истинной по отношению к самому крестьянству; усиливается эксплуатация, увеличивается нищета и голод; в Конго, да и во многих других регионах, видимо дело обстоит иначе. Всё это наводит на мысль о том, как трудно поднять страну, опираясь на типичные экономические лозунги; я уже ссылался на основные из них: земля, это первое требование, приходящее на ум. Полезным рычагом мобилизации являются родоплеменные связи, но в освободительной войне на одном этом далеко не уедешь. Не могу сказать, является ли полезным или необходимым опираться на данный фактор на первых этапах борьбы, но очевидно, что если не будет уничтожена концепция племенных разделений, дальнейшее наступление революции невозможно. Пока её сохраняют, пытаясь одновременно переходить в наступление, одна племенная группа обречена на столкновение, но уже не с армией угнетателей, а с соседним, менее развитым племенем. В деле развития борьбы необходимо

создавать племенные союзы, объединённые общими интересами, поэтому чрезвычайно важным является поиск методов осуществления этой задачи; партии или человека, который бы символизировал единство.

Крайне важным фактором в развитии борьбы является универсальность, которую приобретают противостоящие концепции; очевидно, что империализм побеждает в любой точке мира, где народная борьба приходит в упадок; и точно так же он терпит поражение в любой части света, где власть в свои руки берёт по-настоящему прогрессивное правительство. Осуществляя социальный анализ, мы не должны рассматривать страны как огороженные со всех сторон участки; так сегодня мы можем сказать, что Латинская Америка в целом является континентом, подвергшимся неокolonизации, с преобладанием капиталистических производственных отношений, несмотря на то, что мы можем обнаружить огромное количество примеров феодальных отношений, и где борьба имеет ясный народный характер, антиимпериалистический характер, то есть, антикапиталистическую, и, в конечном счёте, социалистическую направленность. Таким же точно образом мы можем допустить, что в Конго, как и в любой другой африканской стране, есть возможность развития новых мировых идей, которые позволят нам увидеть нечто совершенно новое, нечто, выходящее за пределы определённой зоны или региона, в которых возникают концепции, предназначенные для собственного потребления. Влияние социалистических идей должно достигнуть широких масс африканских стран, но не как окаменевшая догма, а как адаптация к новым условиям, предлагающая конкретные схемы улучшения, которые могут быть ясно поняты самими жителями

Для осуществления всего этого, было бы идеальным создание по-настоящему общенациональной партии, имеющей опору в массах, партии с надёжными и развитыми кадрами; такой партии в Конго не существует. Все движения лумумбистской тенденции являются вертикальными структурами во главе с лицами определённого интеллектуального развития, полностью захваченными мелкобуржуазными кадрами - капитулянтами и мещанами.

В условиях Конго новая партия, основанная на марксистском учении, адаптированном к этим новым условиям, должна базироваться, по крайней мере поначалу, на уважаемых фигурах, хорошо известных благодаря своей честности, реальной приверженности новой конголезской гражданской нации, духу самопожертвования, способности к руководству; такие теоретические персоны могут быть выкованы в непосредственной борьбе.

Сегодня в Конго ещё остаётся товарищ Мулеле, осуществляющий подпольную и неизвестную нам деятельность, и ещё можно работать в восточной зоне, где родилась и сохраняется фундаментальная база партизанского действия, представляющая собой бунт человека против угнетения, опыт борьбы с оружием в руках, личную убеждённость в тех возможностях, которые открывает этот метод; однако сейчас народ не верит в своих руководителей, и нет партии, которая могла бы его направлять. Следовательно, основной задачей в данный момент является развитие руководящей революционной партии общенационального масштаба, с понятными народу лозунгами, с достойными уважением кадрами; а для этого необходима руководящая команда, способная, героическая и трезвомыслящая. На последующих этапах должны быть налажены связи с рабочими; это не значит, что мы отрицаем так называемый рабоче-крестьянский альянс; поначалу партия будет действовать как альянс крайне отсталого крестьянства, вооружённого идеологией пролетариата. Затем этот индустриальный рабочий, привилегированный в своей эксплуатации в нынешних условиях Конго, сомкнётся с партизанским движением вследствие действий герильерос, катализирующих собственное рабочее вооружённое действие; вооружённая пропаганда во вьетнамском стиле должна рассматриваться в виде фундаментальной задачи на всём протяжении процесса развития.

Необходимо ещё раз отметить: партизанская война, народная война, является войной масс; мы не можем поддерживать противопоставление, возникающее иногда между массовой и партизанской борьбой (то есть, борьбой избранных вооружённых бойцов); эта идея является ложной, ошибаются как догматичные последователи стратегии, базирующейся на преобладании рабочего класса, так и партизаны, рассматривающие свою деятельность как борьбу наиболее решительных групп населения за завоевание власти. Главной задачей партизанской войны является воспитание в массах осознания возможности триумфа, и в то же время, демонстрация возможности нового будущего и необходимости радикальных изменений для достижения этого будущего в процессе всенародной вооружённой борьбы.

Это обязательно будет затяжной войной, но нас не интересует процесс, который начнётся после закрепления партизанского войска в сельских районах и распространения войны на новые

территории, что провоцирует новые поражения врага; нам нужно знать, каким образом можно развивать эту борьбу сейчас. Потому что сейчас мы находимся в моменте упадка и провала, но тем не менее, в этой части Конго сохраняются все фундаментальные условия для вооружённой борьбы: крестьянство, подвергающееся систематическим избиениям, унижениям и оскорблениям, уже знает, что такое восстание, оно имеет опыт вооружённой борьбы, имеет оружие, оно уже пребывало в состоянии войны.

Сегодня революционное движение разделено на автономные группы во главе с местными командирами, лишённые осознания единства Конго, и даже осознания Конго как нации; для этих людей их нация ограничена рамками собственного племени. Поэтому является таким важным организация вооружённого ядра (пусть даже только одного, но по-настоящему стального) из лучших бойцов, руководствуясь тем, что не стоит увеличивать партизанское войско даже на одного бойца, если боец этот своим присоединением не внесёт никакого качественного изменения. Основываясь на этой позиции, вместе с деятельностью лидеров партизанской войны, на территории, занимаемой герильей, начнётся рост сознания народа, который должен вихрем вклиниться в размеренный ход истории посредством осуществления вооружённой борьбы. От нынешнего примитивизма, близкого, в некоторых случаях, к первобытному коммунизму, от рабства и феодализма, народ должен перейти к более сложным концепциям. Вооружение этого народа должно происходить постепенно, и с опорой на собственные силы. Само усилие является фактором воспитания. Каждое оружие должно быть наградой бойцу и основным требованием для его получения является исполнение всех необходимых задач для развития и укрепления народной армии; оружие является подтверждением статуса народного бойца. Понятно, что для исполнения этой громадной и долговременной задачи мы должны начать с чистки нынешних кадров; не нужно рассчитывать на них, нужно начинать дело с группой верных людей, настолько малой, насколько это необходимо, и настолько большой, насколько это возможно. Таким образом будут воспитываться новые руководящие кадры, отшлифованные самопожертвованием и сражением, прошедшие строгий отбор смерти на поле боя.

Ввиду сложившихся условий, является необходимым появление дальновидного руководителя, руководителя, способного на самопожертвование, чей авторитет станет одним из компонентов стремительного развития революционного сознания внутри страны. Этот великий процесс борьбы одновременно должен создать солдата, партийца и руководителя; потому что, в прямом смысле, сегодня мы не имеем вообще ничего. Война должна перекинуться из лесов в деревни, а позднее и в города, сначала в виде маленьких групп, которым не требуется укреплённая оборона территорий, но которые со временем улучшают методы быстрой концентрации и деконцентрации и осваивают современную военную и партизанскую методики; именно эти группы непрерывно разбрасывают кругом семена будущей революции и подают пример другим, вовлекая их в борьбу. Это и есть путь к успеху. Чем быстрее появятся самоотверженные лидеры, способные к руководству партизанской войной, а так же руководители среднего звена, обладающие теми же достоинствами, и ориентированными на развитие народной армии, опирающейся на недовольное крестьянство, тем быстрее наступит победа.

Эти проблемы чрезвычайно важны; мы должны прибегнуть к революционной теории и практике, серьёзно изучить методы работы, искать наиболее эффективные способы для объединения крестьянства в народную армию и создания единой революционной силы. Затем начнётся длительный, но качественно необратимый этап затяжной войны, посредством которой будут вовлечены в борьбу другие слои в отсталых регионах, а так же пролетариат промышленных зон Конго. Нельзя определить сроки; это должно быть сделано и баста. У нас есть ценные помощники: нынешние условия развития человечества, развитие социалистических идей, жестокость врага, который перечёркивает все надежды, теплящиеся в рядах бойцов народной армии; пройдут годы, и победа придёт.

Думаю, что Африка является важным элементом для североамериканского империализма, особенно в качестве резервной базы материальных ресурсов. Когда народная война развернётся во всю мощь по всей территории Латинской Америки, для американского империализма начнутся сложности в деле продолжения извлечения природных ресурсов континента и захвата рынков, что является основой его силы, однако, если есть в запасе Африка, где неокOLONиализм развивается в спокойной манере, где нет великих потрясений, империализм может переместить свои капиталовложения сюда, - как он уже это делает, - для того, чтобы выжить, поскольку этот обширный и богатейший континент практически не используется империалистами.

В рамках борьбы мирового масштаба, стратегия для Африки заключается в том, чтобы препятствовать сохранению здесь резервных баз империализма, и поэтому каждый народ должен

максимально содействовать борьбе за освобождение этого континента, в виде вклада в великую борьбу народов мира, а нашим обязательством является поддержка движений, которые имеют реальный потенциал и способны к серьёзной мобилизации ради победы.

Каким будет наше участие во всём этом? Возможно, это будет отправка кадров, избранных из тех, что уже имеют конголезский опыт, и которые не поддались разложению, о котором я говорил; может быть, будет оказана помощь оружием, если наши союзники позволят это; возможно, поддержка финансами и обучением. Но мы должны изменить одну из концепций, которыми руководствовалась наша революционная стратегия до сегодняшнего дня: речь идёт о безоговорочной помощи, помощи безо всяких условий, что является ошибкой. Когда мы оказываем помощь, мы занимаем определённую позицию, и эта позиция занимается нами на основе анализа верности и эффективности того или иного революционного движения в борьбе против империализма, в борьбе за освобождение страны; чтобы укрепить нашу позицию, мы должны владеть ситуацией, а для этого, должны больше вмешиваться во внутренние дела революционного движения. Помощь должна быть обоснована, в противном случае мы рискуем превратить её в собственную противоположность; в финансирование пьянок и гулянок главных руководителей Революции, в оплату отдыха «Борцов за свободу» (Freedom Fighters), предающих и продающих свои народы, задерживающих революционное развитие. То есть, таким образом мы превращаемся в союзников империализма. Потому что (я уверен, что если империализм не практикует это сегодня, он будет делать это в будущем) нет ничего дешевле для него, чем выкинуть несколько тысяч долларов на стол переговоров с освободительными движениями, существующими сегодня в Африке; эта сделка принесёт гораздо больше расколов, переделов, беспорядка и поражений, нежели наступающая империалистическая армия.

Мы должны сделать выводы из этих объективных фактов и предоставлять помощь исходя из революционного поведения движений и их руководителей. Подменять колониализм неоколониализмом или неоколониализм чем-то другим, с виду менее ужасным, является неправильной революционной стратегией.

Наконец, если бы меня спросили, есть ли в Конго те, кто имеет потенциал стать руководителем национального масштаба, я не мог бы ответить определённо на этот вопрос, ибо Мулеле я оставляю в стороне, поскольку мало знаю о нём. Единственным человеком, который имеет подлинные задатки вождя масс, на мой взгляд, является Кабила. По моему мнению, революционер абсолютной чистоты, не обладающий способностью к руководству, не может возглавлять Революцию, но человек, способный руководить, не может, опираясь на это единственное достоинство, вести революцию вперёд. Необходимо иметь революционную серьёзность, идеологию, направляющую действие, дух самопожертвования, сопровождающий все революционные акты. До сих пор Кабила не продемонстрировал ничего из этого. Он молод и может измениться, однако я решусь изложить на бумаге, которая увидит свет спустя долгие годы, мои сомнения в том, что он сумеет исправить свои недостатки посредством той деятельности, которую он ведёт сейчас. Другие известные лидеры практически все будут сметены из-за собственных ошибок. Новые руководители, возможно, сегодня находятся внутри страны, и начинают писать подлинную историю освобождения Конго.

Январь 1966